

СПИСОК

МАГНИЦКОГО

или дети во сне
не умирают...

александр
филатов

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000030386083

НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ

ДЕТЯМ ДО 16 ЛЕТ

МАГНИЦКИЙ,

*ну что им даётся
этот Масницкий?*

Из разговоров в Госдуме

ВСЕ СОВПАДЕНИЯ
С РЕАЛЬНЫМИ ПЕРСОНАЖАМИ
И СОБЫТИЯМИ СЛУЧАЙНЫ...

ПОЧТИ.

ВСЕ НАЗВАНИЯ
МЕДИЦИНСКИХ ПРЕПАРАТОВ
И МЕТОДИКИ ЛЕЧЕНИЯ
ВЫМЫШЛЕННЫЕ.

ПРОСЬБА ИХ
НЕ УПОТРЕБЛЯТЬ!

а л е к с а н д р и л а т о в

СПИСОК

МАГНИЦКОГО

или Дети во сне
не умирают...

р о м а н

Title: Spisok Magnitskogo, ili, Deti Vo Sne Ne Umiraiut
Author: Aleksandr Filatov

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ф51

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Е.Ю. Шураповой*

Филатов А.В.
Ф51 **Список Магницкого, или Дети во сне не умирают...: роман. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. — 254 с.**

ISBN 978-5-227-04082-4

Жестокая правда о нравах Бутырки.
Главный герой, врач-психиатр больницы Бутырского СИЗО, описывает больных и коллег, фиксирует эпизоды повседневной жизни в камерах и медкабинетах, где соседствуют отчаяние и преступное равнодушие, лицемерие и неприкрытый порок. Действие разворачивается как раз в тот период, когда достоянием гласности становится ряд трагических инцидентов со смертью подсудимых в столичных изоляторах.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Филатов А., 2013
© Художественное оформление,
ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2013
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2013

ISBN 978-5-227-04082-4

СПИСОК МАГНИЦКОГО

или Дети во сне не умирают...

р о м а н

...Да, у нас лучше, чем в том бушующем страшном мире
за тюремными воротами.

У нас многое понятнее.

Отношения до крайности обострены
и тем очищены от ряда мучительных условностей.

Кошкин дом — идеальный антимир.

Комков уже знает, что его увольняют по обвинению в причастности к смерти Магницкого. Комков в неистовстве. Ответить должны все. Наш рабочий день закончился, но мы не можем покинуть ненавистную Бастилию. Не выпускает зло ответственная, спрятанная за тонированным стеклом тетка на КПП: «Врачей не велено выпускать! Идите к Комкову». Последнее она произносит, будто посылая психиатров еще дальше, прямо к Фрейду. Начальник тюрьмы подполковник Комков, белесый бесцветный человечек, заставил всех медиков ожидать своего возвращения с приема граждан. Не он, а мы убили Магницкого! Нас пятеро: я, старшая медсестра II-го отделения Инна Леоновна Ашанова, начальница того же отделения Ольга Валерьевна (О.В.) Окунева, рентгенолог сборного отделения, и Чингис толкались под начальственной дверью полтора часа.

Комков явился с длинноногой обесцвеченной блондинкой, своей секретаршей, стрижка — некогда каре, булавка в носу. Знаем: водит ее с собой

для шика и чтобы во взятках на приеме граждан не заподозрили. Секретарша осталась в приемной. Комков быстрым шагом вошел в кабинет, мы — за ним. Выдержав паузу, Комков приказал нам построиться и доложить, что каждый из нас сделал за день. Наша разношерстная компания, давно переодетая для пути домой в цивильное, неуклюже выровнялась.

Подследственный, за которым стояли похищенные миллиарды, адвокат ПИФа Hermitage Capital, Сергей Магницкий умер в СИЗО-1. Чем же вы занимались в СИЗО-2?! Сделав шаг вперед, рентгенолог доложил, что за день сделал восемь снимков. После выступила О.В.: «В психиатрии все спокойно». За сим нас отпустили. Надо признать, что гордец Чингисхан не дождался «прощения». Бросив: «Я не мальчик!», умчался в отделение писать рапорт на неиспользованный отпуск.

Комков разрешил выпустить четверых, но вперед проскользнули хирург и фельдшер со Сборки. У тетки на КПП было плохо не только с памятью, но и со счетом. Она не выпустила троих: меня, старшую и О.В. Мы, «штуки», в терминологии Комкова, страдальчески заверяли: за нами врачей «много». И — о чудо милосердия! Мы на свободе. За воротами тюрьмы О.В. философски резюмирует: «Как-то всю ночь сидели!»

Работаю первый день психиатром в Кошкином доме. Так по фене (на уголовном сленге) называется психбольница (ПБ), обслуживающая следственные изоляторы столицы. Здесь же ожидают судебно-психиатрической экспертизы в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Серпы) убийцы и иные душевноподо-

зрительные со всей страны. До психбольницы в пятиэтажном мрачном рыжем здании содержались преступницы. Переклик высоких женских голосов и родил название.

Мои служебные обязанности: наблюдать и лечить больных, первые пять дней писать вновь прибывшим дневники в истории болезни ежедневно, далее — раз в десять дней. Помимо душевнобольных, я тайно начал писать собственные дневники и своим коллегам. Секретная тетрадь перед вами.

Часть I

ЖАЛОБЫ И НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

16.04.09

Курицын Леонид Алексеевич, 1978 г. рождения, статья 132, часть 3. Изнасиловал свою двухлетнюю дочь. Умерла? «Срочно!» Я увидел Курицына уже вынесенным в коридор. Я делал дыхание «рот в рот», О.В. — непрямой массаж сердца. Сестры принесли два дыхательных аппарата (с «грушами») — оба не работали. Я видел, что Курицын мертв. Окунева не видела. Сестра спросила, уколоть ли преднизолон. Я, со скрытой усмешкой: «Делайте!» Уже и сестра заметила трупное окоченение.

15 минут я «целовал» труп, дыша «рот в рот», в спешке не заботясь о защитной салфетке (бинте) для профилактики заражения туберкулезом и т. д. Наконец, очевидность пресекла усилия.

17.04.09

«Козлом отпущения» меня послали в морг 53-й больницы, что на 11-й Парковой, там проводилось вскрытие, «отдуваться» за труп придется Окуновой. Курицын был из ее отделения.

У меня контракт на II-е отделение, но тружусь на I-м. Труп не мой.

Несмотря на мой псевдоблагородный порыв (заставили!), патологоанатом 53-й больницы хотела видеть лечащего врача, т. е. Окуневу. Читая ее эпикриз, патологоанатом спросила: «Она (Окунева) вообще в мединституте училась?!» Спасая начальницу II-го отделения, я рассказал, что повесившийся — насильник дочери-младенца. Возмущенные патологоанатомы смягчились: «Так ему и надо!» Придирки к эпикризу сошли на нет.

В обед больной Ивсеев набросился на инспектора («старшого» — по фене) Вадима, стал душить. Ивсеева скрутили, укололи аминазином с галоперидолом (4 кубика к 2-м) и отвели в «резинку» — камеру без окон, со стенами, обитыми резиновыми плитами. В «резинке» буйные или наказанные за нарушение режима должны содержаться не более четырех часов. Реально там сидят и сутками. Все зависит от степени буйства или «вины». Больные, закрытые в «резинках», пока есть силы, долбят в глухую дверь, вопят, затем, обессилев, стихают. Писаются, испражняются, спят на цементном полу — все внутри. Посадившие больных в «резинки» инспектора злорадствуют. «Резинкой» в ПБ грозят, ею убивают.

В ПБ заскочил отпускной главврач Трибасов (Элтон), человек с повадками Элтона Джона. Ему между сорока и пятьюдесятью, никогда не был женат. В родном Ульяновске живет в однокомнатной квартире с мамой. В Москве третий год спит на ободранном диване в кабинете начальника Кошкиного дома. Впервые увидев меня,

Трибасов тут же приобнял за талию, прижался. Злые языки мгновенно спродуцировали сплетню: я устроился в ПБ, «чтобы трахаться с Трибасовым».

Едва оторвавшись от меня, Трибасов вмешался в дезинтоксикацию больного Лестничева, которому сокамерники скормили шутки ради срыгнутые нейролептики. Домагницкое чудо: 2 куба аминазина (подобное лечу подобным) с кофеином в/м (внутримышечно) снимают мышечное напряжение. Больной еще захлебывается слюной, но уже идет ногами. Глюкоза в/в (внутривенно) закрепляет эффект. Трибасов приехал за получкой. Что будет, когда «артист», как именуется себя и он, и другие, на работу выйдет? Ждите, Лазари!

Днем зашел в одну из камер поглядеть состояние одного кататоника. Невесть откуда взявшаяся серая вошь вцепилась в мочку. Отодрал стерву в перевязочной. Видел шесть копошащихся лапок.

Больной Ивсеев, вчера душивший корпусного, поведал: испытывает мучительную потребность убить, покалечить, поиздеваться над человеком, животным — изнемогает с раннего детства. Получает двойную дозу нейролептиков. Умные головы говорят, что при верной терапии симптомы шизофрении снижаются за четыре месяца на 40%, а дальше — ни в какую. Шизофрениками рождаются... Другие вообще называют нейролептики химической смирительной рубашкой, не более. Боюсь, что Ивсеева можно убить со злом, в нем сидящим, но не зло — отдельно от Ивсеева.

06.05.09

Подслушал: контролер взалхлеб повествовал сменщику, как побоями довел больного Осипкина до попытки самоубийства через самопорезы предплечий. Больная Балкина обмолвилась на беседе, что единственное, для чего стоит жить, — это половое удовольствие. Не отказывать никому в малости, искать большего. Завершенный коитус — путь дао, ведущий к абсолюту. Что люди живут не для удовольствия — басня, недостойная киренаиков. Даже в психиатрической больнице Бутырской тюрьмы Балкина находит в кого влюбиться, кому отдаться. Любопытно, имеют ли ее корпусные в той пустой камере, с видом на Кремль, где ежедневно переодеваюсь в доктора? На полу постоянно плевки спермы и табачный пепел. Живо представляю, как Балкина в позе «бобра» вцепилась в трубу холодной батареи. Май, весна. Красное, и без того некрасивое, искаженное сладострастием лицо Балкиной обращается то к белокаменному пенису колокольни Ивана Великого, то на окна соседней многоэтажки. Там безумный старик шарит биноклем по решеткам Бутырки. Вторая рука не на бинокле, внизу. Ночью дед найдет другое развлечение: звонить дежурному Управления ФСИНа с жалобой, что в Бутырке «опять шумят, спать не дают»... А я бы вот радовался, привелись жить рядом с психушкой, чтобы не ездить по два часа на работу и с работы из области. Я бы шум потерпел. За центр Москвы надо платить, пусть и неудобством от шума. Я бы в Ленком пешком ходил... А тут офицер отдела кадров записал, что опоздал я на работу на целых девять минут.

Начальница II-го психиатрического отделения (там признанные институтом Сербского ждут отправки на принудление в психиатрические больницы общего и специального типа), незабвенная О.В. приволокла ко мне больную Федотову, молодую беспутную среднестатистической комплекции и физиономики бабу: «Лечите! Хотела повеситься!» Хотя часть моих «острых» больных квартировалась на пятом этаже, где называет ординаторскую своим кабинетом Окунева, больная Федотова не была из их числа. Всех моих скинули на третий. Перевод больных произвели в те светлые, начала мая дни, когда Окунева стояла с рассадой раком меж грядок родимой дачи. Выйдя после праздников, Окунева переводом не поинтересовалась, и вот аккорды судьбы. *Nic Rhodos, hic salta!* За полгода пребывания в ПБ Федотова не видела лечащего врача Окуневу, Окунева — Федотову. Долгожданная встреча на Эльбе. Взаимное женское презрение. Обе — толстые размазни, читалки, «библиотекарши». Шепотом Окунева спрашивает меня, устроившегося в Кошкин дом более с целью написать сию книгу, чем лечить Федотову. Шутка! Признаем, Окунева не облигатный психиатр. Первую и наиболее памятную пору отдала она педиатрии. Даю совет. Он принят. Лечение пошло.

На доске объявлений Бутырки (мы называем ее доской позора, расположена сбоку плаца) появилась ксерокопия фото из личного дела разаттестованной «за внеслужебную связь» начальницы медчасти Краморовой. Спросил у зама Элтона Гордеевой, она исполняет обязанности начальника ПБ, пока тот в отпуске. Гордеева уклонилась от ответа: «Сложная история!» Мнение старой мед-

сестры Татьяны Тарасовны: «Майоршу подставили. Не несла она с приема граждан вискарь и телефонные сим-карты». Подставили? Так могут с любым? Со мной?

Никто не предполагал, что снятие Краморовой запустит историю с Магницким. Новым начмедом был назначен непосредственно участвовавший в ней — Крабов.

15.05.09

С утра списывали тиорил. Его срок годности кончился. Когда ожидали комиссию, тиорил прятали. Сегодня «прогоняем» тиорил по картам. Назначаем, кому надо и не надо, «чтобы добро не пропадало». Приказ Окуновой, а она вторая в табели о рангах ПБ при отсутствующей Гордеевой.

В «страшные времена Снежневского», когда Андропов, Черненко и Устинов меняли друг друга с пугающей быстротой, я трудился в спецпсихбольнице в селе Дворянском Камышинского района Волгоградской области. В соцсоревновании, имевшем целью поддержание отечественной промышленности, наше отделение обогнало пять других по килограммам аминазина на душевнобольного. Секрет состоял в том, что кресты в листах назначения ставились фиктивные. Реально аминазин ссыпался или выливался в унитаз. Отводные воды шли к свиноферме. Свиньи сталидохнуть. Провели анализ сточных вод. Победителей разоблачили. Наказания не было, нас лишь пожурили. Во времена новой России все по-настоящему. Больным назначался и разда-

вался просроченный тиорил. Больные глотали тиорил и показывали медсестре языки как свидетельство, что не обманули.

20.05.09

На втором месяце работы в ПБ начальница II-го отделения впервые взяла меня за руку. Тут же отдернула. По Фрейду?..

Сегодня день рождения Элтона. Стол накрыли в аптеке, за зоной. Сам пил мало, берег трезвость для позже ожидаемого начальства. За столом Окунева привязывалась к моей работе. Ее бесят мои постельные отказы. По другую сторону стола сидела проштрафившаяся Краморова. Она меня узнала. Я ее — нет. Оказывается, мы вместе учились в Волгоградском мединституте. Она, в девичестве — Львова, была родом из Суровикина. Во время учебы жила в общежитии. После института Краморова тоже распределилась на зону. Она знала о ситуации на спеце Дворянского. Будто бы после моего увольнения и переезда в столицу там случился бунт. Главврача по кличке Геббельс (худой и хромота) больные убили, начальнице 4-го отделения (кличка — Эльза Кох, по аналогии с той, что сдирала человеческую кожу для абажуров, собирала волосы для париков в немецком концлагере Второй мировой; у нашей Эльзы были совершенно шикарные *свои* волосы) во время обхода выкололи заточкой глаз. С одной стороны, ничего удивительного. И при мне в Дворянском больные по территории с топорами бегали, врачей в заложники брали, медсестер убивали. С другой — уж очень Краморова была озлоблена увольнением. Совсем

чуть не доработала до пенсии. Все видела в черном свете... Краморова много пила и назло Окуновой зажималась со мной. На прощание обещала разыскать меня на выпускном институтском фото.

22.05.09

Элтон зашивал больному Шаранову самопрезы на шее. Слева — под новокаином, справа — без обезболивания. Шаранов извивался змеей и слезно просил метадон, промедол, любой другой наркотик.

Врач-терапевт Голышкина у каждого душевнобольного смотрит половые органы. Что это: простое любопытство, неудовлетворенность при мужелюбии или сказывается профессиональная подработка дерматологом-венерологом где-то во Владимирской области за Александровом? Лала Викинговна встает в два, завтракает в три ночи, едет на автобусе, в четыре утра садится на электричку. В восемь утра она на Трех вокзалах. В девять — в Бутырке. У Лалы нет соответствующего сертификата. Нигде, кроме Кошкиного дома, где не хочет работать ни один уважающий себя врач, Лалу терапевтом не возьмут. У Лалы комплекс неполноценности: «Что вы?! Я так мало знаю. Никуда более трудоустроиться и не пробовала». Достаточно терапевтических знаний у лейтенанта медслужбы ФСИН Голышкиной лишь для Бутырки. Все мы здесь собравшиеся — отбросы здравоохранения. Лечим же мы подонков общества.

Большинство сестер без удержу материт больных во время утренних обходов. Ходовая шутка в ответ на просьбы бани, прогулки, стрижки, сме-

ны белья: «Может, тебе и бабу с шампанским в камеру?» Если больной неудачно повесился, то есть был вынут живым из петли, ему обещают принести из дома веревку покрепче. Порезавшимся «мойками», т. е. лезвиями бритв, предлагают нож. Мат и подобные советы невозможны в присутствии Элтона. Меня же медсестры не уважают. Хрюндели! Неудивительно, что больные набрасываются, совершают самоубийства. Их провоцируют. Не всем убийцам жить захочется, когда во время обхода сестра или инспектор вслух и искренне жалеют, что в стране отменен расстрел. «Да я бы тебя своими руками!» Где я работаю!

25.05.09

У О.В. с утраца повесился больной Масаев. Спи-на распростертого хладного трупа его явилась моим заспанным очам в разверстых дверях каменного мешка Кошкиного дома. Бурый кал ромбиком торчал меж робко волосатых ягодиц. Уж не его ли материла вчера медсестра Любовь Станиславовна на утреннем обходе? Не ему ли обещала веревку? Ему хватило простыни... Днем труп подвинули к стене. Накрыли простыней. Ожидали труповозки. Я — в головах, зэк-санитар с сигаретой в зубах — в ногах мертвого рассуждали о статистике больницы. Объявляли один суицид в квартал, а тут каждый месяц. Чудовищное опережение графика.

03.06.09

Вчера больную Федотову возили в суд. Муж ухитрился поцелуем передать пакетик с мета-

дном изо рта в рот. Ночью Федотова (23 года, второй раз замужем) то ли укололась, то ли нанюхалась самого известного средства, изобретенного человечеством для лечения опиатной наркомании.

Позже больная Балкина констатировала: «Бог за жадность наказал Федотову передозом. Надо было подруг угостить, а не накрывшись одеялом жрать метадон жором». Психдевички набросились на эгоистичную Федотову, пытаясь силой заставить поделиться кайфом. С полным метадоном ртом, хрипя «Не дам!», Федотова отбрыкивалась ногами.

Пока у Федотовой чейн-стокс (предсмертное прерывистое дыхание), я отдавал путаные, не всегда верные указания. Бешено листал справочник. По собственному признанию, Шарко ошибался и через тридцать лет практики. Укол кордиамин под язык несколько выровнял дыхание. На реанимационной карете приехали умники. Перед ними мы, кошкиндомовцы, всегда снимаем шляпы. Поставили капельницу в надключичную вену — мы «капали» в вену тыла стопы (спасая организм, у наркоманов вены прячутся). Возможно, Федотова спасена. Возможно, ей полегчало перед смертью. Федотову повезли в Склиф.

Наша первостатейная матерщинница Любовь Станиславовна по неосторожности уколола палец той же иглой, которой делала инъекции гепатитной Федотовой. Бог шельму метит!

В тот же день начмед Крабов, клон Гиммлера (в таких же очках на утомленном, как у шефа СС, бескровном лице), визгливо орал на меня, требуя хоть из-под земли достать Элтона. Тот убежал на

встречу с адвокатом врача-убийцы Козлиева (старпер-симулянт), а надо было сниматься для ТВ Лубянки. Есть и такое.

Некой «блатной» дочке высокопоставленного сотрудника ФСИНа, обучающейся во ВГИКе, надо сдать видеореферат.

Своей темой будущая режиссерша по совету папы выбрала тюрьму.

Рядом с ней, хорошо одетой, попроще — оператор и важняк в дорогом пиджаке. Крабова просят в кадр. На фоне наших решеток он вещает, как благостно устроен Кошкин дом. Брильянт Бутырки!

Медсестру Любовь Станиславовну Крабов отрывает от раскладки таблеток. «Потом разложишь!.. Расскажи *телевидению*, как трудно, но **хорошо** мы здесь работаем!» Создатели фильма были довольны.

Вспоминаю выходные: 29—31.05.09

Летал в Волгоград на двадцатипятилетие окончания института: «И скучно, и грустно, и некому руку подать». Отмечали в ресторане «Волгоград» — центр города, рядом с институтом. Одногруппники полысели, постарели. Сидим за одним столом, а говорить не о чем. Третий выпуск уже в могиле. Пока живые — чавкают и не умеют пользоваться ножом. Уходя, берем со стола оставшиеся бутылки водки. Прощальный взгляд: пьяный декан (он каждую встречу выпускников так) дирижирует фонограммой и танцующими со сцены. Человеку, который всегда стремился стать моим другом, я у него остановился, неврологу Н.Н. Соколову (зар-

плата 12 тыс., у жены, библиотекаря, 3,5 тыс., двое детей) оплатил сауну и проститутку (два часа — 2 тыс. 400 руб.). Так я «проставился» за то, что крутой — живу в Москве.

04.06.09

В конце рабочего дня заставили сидеть в актовом зале, смотреть конкурс «Мисс Бутырка». Нужно было видеть вышедших в финал пятерых бабищ. Выстроенных по росту, шагающих, отдающих честь с оттопыренным большим пальцем, рассказывающих на «этапе эстетики», что «нельзя леди ложить локти на стол», заученно рапортующих о красотах того города, откуда приехали сторожить эзков столицы. При разборке и сборке на скорость пистолета Макарова победила наиродливейшая, табурет с ушами, мужеподобная зав оружейным складом.

Мы с Гордеевой не дождалась конца. Свалили, как только истекло рабочее время. Другие остались. Их рабочий день до 18 часов, а не до 16, как у нас.

Позже против таких, как мы, на выход станут сажать сотрудников отдела кадров, не выпускающих «до конца мероприятия».

05.06.09

Федотова вернулась из Склифа. Смеется. Не жалеет о случившемся. Удовлетворенно вспоминает, как муж сказал: «Я люблю тебя!», прежде чем, приблизившись к судебной решетке, поцелуем передал метадон.

Вольнонаемные получают зарплату с 1 по 6 по окончании отработанного месяца. И вот я получил за охрану покоя граждан 10 тысяч р. + 7 тысяч р. «мэровских». В советское время мы, психиатры, жили как боги. Получали на 1,5 ставки 450 руб., когда городской терапевт имел 120, за вычетом налогов — 98. В Камышине мы исключительно на такси и ездили. Камышин — город невест. Текстильная фабрика имени Косыгина, ты сказка, инкубатор счастья! А камышинское медучилище?! День медработника: в единственном ресторане Камышина за столом мы, два молодых психиатра, и двадцать юных медсестер. Они дрались за танец с нами, пинались коленками и каблуками под столом. У меня была интимная связь с тремя с того вечера. Не за раз, поочередно. С приятелем мы менялись. Очарование расцвета советской психиатрии. А политзаключенные в психбольницах? В моем отделении из 106 больных только двое шли по 58-й статье (антисоветская деятельность и пропаганда). Всего было шесть отделений. Вот и считайте. При Горбачеве спец под давлением Запада закрыли, психиатров разаттестовали. Тогда я тоже работал вольнонаемным. Врачи уехали в Волгоград, кто куда. Вместо спеца открыли женскую зону, как прежде. Осмотрелись, жизнь заставила вернуть спец. Старые врачи, которые «утяжеляли диагнозы» (на самом деле, как и теперь, больные приходили с диагнозами Серпов), попали в какие-то страшные ругательные Белые евросоюзные книги. Врачей вызывали в Волгоградский облсовет «ознакомливаться». Молодежь аттестовалась и продолжила дело.

У окошка кассы нетрезво смеялся освободившийся санитар Кошкиного дома. Мир изменился: бывший санитар впервые видел пятитысячную купюру. Вадик пожалел меня: «Удивляюсь, как вы за вашу зарплату соглашаетесь ежедневно выводить дураков на продол». Продол — коридор.

Элтон — «сова». Просыпается к двенадцати. Моет руки, умывается, отфыркиваясь напротив таблеточной, где, используя вместо отсутствующего стола откидную дверцу лекарственного шкафчика, я пишу историю сидящему сбоку на дражном табурете больному. Растеревшись докрасна вафельным полотенцем, Элтон приносит ранние овощи: редис, лучок, ополаскивает и нарежает для салата в глубокую чашу. «Как дела?» — звонко звучит выспавшийся тенорок. Я докладываю. Элтон уходит в свой кабинет, где обедает вместе с замом — Гордеевой. Меню: что-то из дома плюс баланда, отнятая у душевнобольных. Т. е. рацион психбольных уменьшен за счет того, что взяли для себя начальники, фельдшера, медсестры, инспектора и ээки-санитары. Обычно именно в такой последовательности. Что-то не доложили еще на кухне, поэтому периодически возникают конфликты с больными. Не часто. Ибо свежееарестованные не могут есть баланду. Они не забыли вкус домашнего и ждут передач. Депрессивным больным есть не хочется. Один-два отказываются от еды, желая умереть. Изъятое компенсируется недобраным. Конфликт гасится.

К трем часам Элтон созрел для работы. Он любит «ловить» меня и в четыре, когда я намыливаюсь улизнуть с работы. «Вы куда? Давайте по-

смотрим такого-то. Очень интересный фашист. Свастики на обеих ладонях!» Мы смотрим интересного фашиста, качка-красавца Лакшина, которого вчера едва скрутили вчетвером. Нет марлевых повязок, а Элтон требует посмотреть туберкулезника. Медсестра бежит. На ходу про Элтона: «Этому педерасту все равно, а у меня — дети!»

Кстати, выколотые свастики на коже уголовников обычно означают не то, что они фашисты. Они справедливо полагают: антифашизм — фундаментальный камень российской идеологии. Они — враги власти. Следовательно, они «любят» то, что отрицают власти. Они — «фашисты».

Р. С. Инспектор признался мне: его вина, что Федотова травилась метадоном. Не обыскал ее после выезда на суд.

08.06.09

Окунева не вышла с больничного: продолжает сажать картошку на рублевской даче. Парадокс: нищая среди богатых. Врачу-психиатру дачку бы по другой дороге! Скромнее надо быть... Без О.В. мы не только без бланков эпикризов (исключительно Окунева знает, где в единственном в ПБ компьютере их папка, чтобы распечатать), следовательно, нет выписки, но и без Даршевского. Это третий больной Окуневой, который повесился, пока она сажает, окучивает и поливает. Ну не выдерживают душевнобольные врачебного невнимания.

Даршевский «закружился» еще 01.06. Дико, бессмысленно смеялся, вычурно плясал. То узнавал, то не узнавал людей. Я, призванный заменять при «вечном» отсутствии О.В., назначил Даршевско-

му сибазон с трифтазином. На второй день терапии Даршевский стал отказываться от лечения, ссылаясь на неприятные побочные действия нейролептиков.

Медсестры поверили и исполнили волю невменяемого (решение СПЭК ин-та им. Сербского). Лишенный и внимания, и лечения Даршевский повесился на полотняной ленте, оторванной от простыни.

Элтон принес мне листы назначений и велел переписать, чтобы убрать сестринские отк. (отказ) и вертикальные черточки, отменяющие мои назначения.

Уходя с работы, я помедлил, чтобы санитары и «старшие» успели стащить в скорую труповозку целлофановый пакет с телом Даршевского.

Писал эпикриз ушедшему вчера на этап Лакшину. Признаков психического заболевания мною у Лакшина обнаружено не было. Лакшин «не дал» Элтону, по свидетельству санитаря Дениса. В субботу, когда других врачей не было, а Элтон, как помним, живет в ПБ, он домогался от Лакшина показать половые органы. Тот главврачу отказал. Элтон взбесился: Лакшин должен быть болен. Колоть его! Он обострился! Гордеева, подобно чеховской Душечке, солидаризуется с любой властью. Лечить! Значит, наказывать. Ожидать мучительных побочных действий нейролептиков, чтобы кости выворачивались, слюна текла, чтобы больной (или здоровый) себе места не находил. Вот она, месть неразделенной страсти! Лечим за то, что не дал пососать Элтону.

А наутро Элтон опять нас с Гордеевой позовет к себе кабинет смотреть в очередной раз его лю-

бимый балет «Корсар». Мужики в обтягивающих трико скакать будут. «Я обожаю Большой театр!» — «А уж как мы любим, господин начальник!» И мы с Гордеевой мучительно вспоминаем, когда последний раз ходили в Большой. Врем! Имеем подлость подлаживаться под любой бред, прихоть начальника, и, в общем-то, за небольшие деньги.

Несмотря на лесть, меня загрузили работой так, что мама не горюй. Я должен был выписать ворчливо-надоедливую террориста Хучуева (взрывы в подземном торговом комплексе на Манеже, других местах). Хучуев, белотелый 60-летний дед, раздетый догола. Вяло перекатывался по каменному полу. Зэк-санитар «учил» старца дубинкой. Инспектора глядели, смеялись. Сцена разворачивалась около открытой двери кабинета Элтона, где он и Гордеева угощались холодцом. Чтобы попрощаться по окончании рабочего дня с начальством, мне пришлось перешагнуть через извивавшегося Хучуева.

Дома рассказал о своей работе жене. Она в шоке. У них в туркомпании просто воруют, без хамства. Две девочки, которым задерживали зарплату, взяли 100 тыс. из сейфа в офисе торгового центра «Рио» и были таковы. Начальница не стала заявлять в органы. У самой рыльце в пушку! Молчу. А ведь этих проворовавшихся сотрудниц, при грамотно составленной заявке, могли и схватить. Привезли бы в ИВС (изолятор временного содержания), потом — в СИЗО.

Какой-нибудь фельдшер СИЗО-6 (там в Москве баб держат) заподозрил бы у них неадекват из-за надоедливости жалоб на холод, малые и не-

вкусные пайки, редкость бань и прогулок. Поскладистый, всегда отзывчивый к пожеланиям УФСИНа, психиатр скорой медицинской помощи вlepил бы им суицидальное поведение (возможны варианты), чтобы в ПБ СИЗО-2 уж точно взяли. Немного погодя девушки оказались бы у нас на Кошкином дому.

Тут бы, получив диагноз не впопыхах, как от психиатра скорой, а в положенный пятидесятидневный срок (начальственные требования варьируются), девушки узнали бы и про настоящие наручники, не поделки из секс-шопа, и про «резинку», и про аминазин с галоперидолом от всех расписанных в МКБ психических расстройств — классический коктейль, «Манхэттен» отечественной психиатрии.

Как и где Элтон собирался ласкать Лакшина, мять фашистский застоявшийся член? Что происходит в нашей психушке вечерами, ночами, в выходные и праздники? «Ложусь в два», — признается Элтон. А что до двух делает? Сестры признают, что ночами к нему в кабинет водят больных... Ловлю себя на мысли, что мне тоже уже нравится ощущать власть над больными, распоряжаться их лечением, которое многие из них воспринимают как наказание.

Рассказывал ли я, как поставил какому-то больному параноид? Элтон, делавший тому же больному справку для суда, заглянул ко мне спросить, а есть ли у того бред. Я мягко расшифровал параноид как бред. «Я знаю», — проямлил Элтон. Но ведь и его зам, Гордеева, без улыбки спрашивала меня, не от слова ли «шуба» шубообразная шизофрения?

Обновленная информация о Даршевском. Он не удавился, его задушил больной Джимаев, «чурка», как сказал контролер. «Закружившийся» Даршевский достал прыжками и ужимками тоже шизофреника, Джимаева. Последний обратился к спасительной подушке, «выключив» спавшего Даршевского навсегда. Да, пока О.В. поливает картошку, в ее отделении больные от самоубийств обратились к убийствам.

Не выдержавшая безделья исполнительная медсестра Ольга Петровна тащит меня смотреть больных II-го отделения. Третий этаж чище моего, стерильно до смерти. Зато здесь то убить хотят, то «вскрыться», т. е. резать вены. Назначаю лечение, но посмотреть истории болезни, сделать в них записи не могу. О.В. Окунева взяла истории на дачу! Там «от балды» строчит положенные каждые десять дней дневники. Приятное с полезным. Знала бы она о моих дневниках!

Грузины сидят у нас в более комфортных условиях, чем представители других национальностей. Объяснение просто: смотрящий Бутырки — грузин. Они в двушках, тогда как иные — по десять—пятнадцать и более. На общем корпусе двухъярусные кровати — порядок. В одной из камер на стене туалета (стены туалета не до потолка, потолки в старинном тюремном замке высокие) гигантская стопка серьезных книг: Достоевский, Камю... Бутырка читает. Хотя с книгами проблема, особенно у нас в Кошкином доме. До книг ли, когда не хватает мест? Новеньких кладут на пол. В некоторых камерах на кроватях спят по очереди. Говорят: когда закончится ремонт второго этажа, станет свободнее.

Ко мне в таблеточную, она же перевязочная, эски-санитары по распоряжению сестер приволокли и подключили стиральную машину Candy. Я принимаю больных, беседую о сокровенном, а подле раковины рычит, пускает стирально-порошковый газ маленькая стерва. Целый день под ипритом без противогаса и «лепестка». Сестры довольны: «Привезу из Алексина куртку постирать!» Сестры, как и врачи, не москвичи, приезжие. Москвичи в подобных отстойниках, как наш, «по понятиям», редко работают. Опять же москвич с освободившимся психом может встретиться на улице. Кто знает, к чему приведет подобная встреча после наручников, «резинок», побочных действий нейролептиков, банального мата в адрес пациентов? Одна сестра увидела бывшего больного в кассе пригородных электричек, и бочком-бочком, «по-английски»...

У нас есть сестра Ханна, которая согласилась стать второй женой бывшего больного, таджика. Ездит к нему в гости к старшей супруге. Вроде весела. Внутри же такая боль и обида на русских «алкоголиков»!

Слушаю шум стиральной машины, нюхаю вырывающиеся из нее запахи и думаю про себя и других: весь медицинский мусор от Тулы, Твери, Саратова и Волги до Белокаменной собрался в соматкорпусе и Кошкином доме Бутырки. Наш идеолог — Лена Фимова: «У нас на скорой помощи главное было не торопиться: кто отойдет, тот отойдет; кто выживет, тот выживет!» Кальвин и Толстой подписались бы. Бог дал, Бог взял.

За малые смешные деньги отъявленные воинственные неучи и бездельники страны надели бе-

лые халаты, глумятся над больными, в обед становятся в очередь за лучшими кусками их рациона. Терапия, неправильная, в недостаточных дозировках, с перерывами из-за отсутствия препаратов в аптеке, из-за нераскладки и нераздачи по лени, особенно в выходные, «когда никто не видит», превращает работу в абсурд. Как платят, так и работаем — торжественная клятва русской убогой жизни. У большинства персонала, включая инспекторов, службу, сотрудников спецчасти, отдела кадров, бухгалтерии, оперов, на руках нет самых дешевых часов. Нет автомобилей, большинство — «безлошадные». А профессиональное образование? Стоматолог называет себя «без кресла». «Она мне кресло не дает!» Кто она? «Начальник тюрьмы разрешил мне лишь удалить». Больные воют от зубной боли. Стоматолог Аркадий, любимец Гордеевой, приходит к ней поболтать, а записавшихся к нему больных к себе в соматкорпус не выводит. Он личный друг начальника тюрьмы Комкова. Ему нечего бояться. Аркаша подсовывает мне книги по русскому вопросу: «Все в России жидаы захватили. Мы живем в каганате!» Поболтает, уйдет, забыв или не захотев забрать больных на лечение.

Назначаю больным анальгетики, чтобы как-то помочь. Отгниют зубы, выскочат. Чай, двадцать первый век на дворе. До Петра I жили же как-то без стоматологов! «Вот еще история, — начинает болтун-стоматолог, — еле до работы добрался. Контролеры ссадили за 63 километра от Москвы, когда я из родной Каширы без билета, положившись на удостоверение ФСИНа, как обычно пытался доехать». И вновь мы обсуждаем, что за та-

кие деньги не работают. Терапевт Голышкина от Александрова доезжает до Москвы-3, выходит, покупает билет, будто там на электричку села.

Каждый в тюрьме экономит. Сотрудники ФСИНа прыгают через турникеты, залезают прямоком на ж/д платформы, везде пытаются что-то урвать — не вещь, так время. Пронесят ээкам запрещенное: мобильники, зарядники, симки. Но нельзя звонить ни родным, ни друзьям, ни адвокатам из-за опасений, что будут координировать действия при массовых беспорядках. Наркотики, алкоголь — запрещены!

Безумный «банщик» хохол Володя Поспешев со вставленными наушниками плеера самозабвенно орет на проходе: «А Ленин такой молодой!» Песни его про Ленина, партию, комсомол. Володя из Крыма, какой год живет в тюрьме, разрешили! «У меня комната четыре на восемь». Это кабинет оперов. Володя за верную службу ждет к пенсии квартиру от ФСИНа, так же как Гордеева. Наивные... На утренней сдаче-приемке, когда больных выводят в коридор, Володя хвалит Муссолини и «его друга». «Хорошие были люди, бесребреники!» У Володи сестра живет в Италии... Нигде фашизм столь не популярен, как в тюрьмах.

17.06.09

У многих больных запоры. Как не быть, когда сидят на одних углеводах: картошка да каша — пища наша. Мясо и рыбу подьедают врачи, медсестры и корпусные. Элтон с зарплаты покупает больным слабительное (в тюремной аптеке часто

нет), но лучше бы он не черпал из котла и не позволял остальным. Гордеева периодически отказывается от баланды. Никогда не ест баланду Окунева. Но не по моральным соображениям, брезгают.

Гиммлер (Крабов) на дне рождения Гордеевой (с дешевым коньяком, как положено у тюремного руководства) вспоминал, как в 1994 году зарплату сотрудникам Бутырки выдавали проднаборами: крупой и т. п.

КАВЕРНОЗНЫЙ ТУБЕРКУЛЕЗ

Интеллектуалка-шизофреничка Михайловская пробыла у меня сорок пять дней. Заваленный работой (в ПБ три начальника и я), ошибся и выписал Михайловскую вместо СИЗО-6 на Бутырку. Рассмешил аксакалов: в Бутырке бабы не сидят. Михайловскую в ПБ вернули, и тут с рентгена после полуторамесячной затяжки приходит FL: у Михайловской открытая форма туберкулеза. 45 дней она сидела в камере ПБ, подвергая риску заражения шесть психически больных женщин, а заодно врачей, сестер, санитаров, балантеров, инспекторов.

Дабы сохранить лицо, Элтон выдвинул версию, что каверна Михайловской зарубцевалась. Видимо, за ночь. Михайловская и далее осталась в общей камере. Главное, чтобы она сама ничего не заподозрила, а то еще поднимет шум! Михайловская покуривает, подкашливает и... противится выписке. Не хочет уезжать в СИЗО-6. Там кормят хуже! Что ж, выходит, инспектора, сестры и главврач всего не съедают.

19.06.09

Небезызвестная Балкина объявила себя беременной и написала заявление с просьбой вывести в город на аборт. Хотела «раскумариться» сменой обстановки. Я предложил тест. Но в аптеке тестов нет. К несчастью Балкиной, тест оказался в сумочке сестры Кроликовой из Королева. Балкина не беременна! Элтон поражен. Он, одиночка и пед, про тест не догадался.

Вчера вышел на работу антилидер нашей психбольницы Чингис. Столкнулся с ним сегодня — вчера прокатился в РУДН разузнать о курсах для получения отсутствующего у меня сертификата психиатра. Сидели в офицерской столовой: салат, суп и три хлеба за 23 рубля. Чингис раскрывал страшные тайны: Элтон сосет и лижет у больных. Будто бы и медсестра, вбежав ночью в незапертый начальственный кабинет с сообщением, что кому-то из больных плохо, застала Элтона мастурбирующим смотрящему. Чудовищная правда, к чему ты?! Лучше поглощать пищу спокойно.

Чингис приглядывается ко мне: нет, у меня с Элтоном ничего нет. Когда-то традиционная мужская ориентация помешала моей работе в кино. Уже в стенах ПБ за чаем Чингис снова вставил съемный передний протез: «Так оно и было». Каждый «факт» юный фельдшер Дымов подтверждал качанием ноги: «Все знают!»

Фельдшер ушел, а Чингис раскрыл мне свою родословную. Он — славный потомок Чингисхана. У Чингиса великие предки. Да и близкие родственники не подкачали. Есть снимок деда, где он сидит на лавке между Лениным и Сталиным.

Дед присоединил Бурятию к России. Сейчас Чингис добивается восстановления памятной доски на доме на Арбате, где жил дед. Доску сняли, когда деда репрессировали.

Чингис отказывается идти работать во II-е отделение, где мрут больные. У Чингиса есть основания: контракт на I-е отделение. У меня контракт на II-е, но я почти три года проработаю на I-м. У Чингиса существует и иная причина. В прошлом году он проколол пролонгами одну «неуравновешенную, кидавшуюся даже на смотрящую по камере». Смотрящая не кормила «неуравновешенную», привязывала к кровати и в конце концов забила до смерти ударами сковородки по голове. Такова версия Чингиса.

Медуправление УФСИН разошлось с ним, подстрекаемое Элтоном, злейшим антиподом монголоида. Устроили показательный процесс. Всех врачей ПБ и изоляторов собрали в управлении. Чингиса заставили подняться на трибуну и объяснить собравшимся, почему он назначил пролонг шесть дней подряд при рекомендуемой дозе одна ампула в месяц. И вот теперь накануне нового отпуска О.В. Чингис не хочет идти во II-е отделение «прикрывать ее неблагодарную толстую жопу».

До педераста пятнадцать лет Кошкиным домом руководила активная лесбиянка осетинка Валерия Линкоровна Бероева, «баба мафиозная». С замом Наташей жила. Ходила по ПБ павой, руки за спину. Дабы «разоблачить извращенков», опера их до съемной квартиры «вели». Дверь хлопнулась, а что внутри было — покрыто мраком.

Чингис, заложив руки за спину, торжественно поднимается по темной, заплыванной лестнице Кошкиного дома. Часто он останавливается, чтобы через плечо бросить мне, поднимающемуся следом, очередную разоблачительную реплику. Перистый серый чуб на лысеющей черной голове в сквозняке встает дыбом, тень решетки ложится и сбегает с измученного двумя работами скуластого лица. Бероева уволилась и с любовницей укатила в Кисловодск или Пятигорск. Античные призраки выходят из бутристых стен воплощенного коллективного бессознательного нашего здания...

А до Валерии Линкоровны, правившей Кошкиным домом восемь лет, главным врачом был Сергей Васильевич. Про него помнит лишь работающая в Бутырке пятый десяток медсестра Альбертина Михайловна.

Мы в отделении. Стоит перед нами артист Элтон Джон. По лицу Чингиса Элтон читает, что тот мне говорил. «Я в управление!» — Элтон убегает.

Следует демарш на нашу с Чингисом близость: запланированные посиделки на День медика сорваны. Элтон не желает дышать одним воздухом с Чингисом еще и в праздник. Напрасно, оставив машину, я приехал в Бутырку своим ходом. Симпозиум, т. е. попойка, отменен.

Гиммлер приходил умиротворять. Кажется, занял сторону Чингиса. Меня поздравил с Днем медика через губу. Магницкий воздаст!

Элтон продолжает давать больному Ирмакову экспериментальные таблетки из Серпов. За каждую таблетку лично расписывается в листах назначений. Сестры жалуются на допработу — но-

сить листы в кабинет. Науку ленью не сделаешь. Когда Элтона нет, сестры хитрят. Зовут эка-санитара подделать почерк начальника.

22.06.09

Жидаев, новая пассия Элтона, ало-губастый, высокий, гибкий, как пантера, больной, накопил выписанные ему таблетки и выпил разом. Отравился не до смерти. На пару с ним «вскрылся» его сокамерник серийный убийца Хучелидзе. Переведенный в другую камеру Жидаев опять отравился. Снова не до смерти. Хучелидзе, соперничающий с Элтоном за сердце красавца, «вскрылся» повторно, требуя возвращения Жидаева в двушку, где они вдвоем сидели. Вызываю Хучелидзе, стыжу. Тот сначала жалуется на нестерпимое желание убить человека. «Кого?» — «Сейчас — вас». Хучелидзе кладет огромную, он большой человек, перебинтованную от многочисленных порезов волосатую руку на мою безволосую. Мы вдвоем. Никого нет. Хучелидзе рассказывает, «как все началось». Мальчиком он присутствовал на вскрытии то ли отца, то ли дяди. А Жидаев? Ты из-за перевода его в другую камеру вскрылся? Да нет же! Я вскрылся, потому что опер Сергей Григорьевич мобильник у меня отобрал. Я за этот мобильник ему каждый месяц по тысяче рублей платил. Деньги приходилось отбивать, и на прогулочном дворике я давал другим больным звонить. Молчи! Молчи! Понимаю, почему двушку Хучелидзе, она имеет общую стену с «кабинетом» Элтона, никогда не обыскивают. Инспектора на утренней поверке в камеру

Хучелидзе даже никогда не заходят, боятся найти трубку, освященную опером ПБ. Но Сергей Григорьевич столь строг? Прячется за строгость? Что же в этой больнице один я, дурак, взятку не беру?

24.06.09

Хучелидзе выдвигает и другие требования. Сергей Григорьевич должен вернуть цветной телевизор и заныканную упаковку циклодола. Циклодол — корректор нейрорептиков. Циклодол — золото отечественных психбольниц.

Не имею информации про телефон, а вот телелик Хучелидзе, полнокровному бородачу в расцвете сил и лет с зелеными в крапинку глазами в разные стороны, вернули. Циклодол? Про то не ведаю.

Опасливо «долгожданная» комиссия медуправления УФСИНа наконец явилась, я уже собираюсь домой. Меня рвет из ординаторской позорно бежавшая О.В. Наталья Филипповна, главный психиатр УФСИН, не Настасья Филипповна, но та же фригидность, замаскированная на этот раз не под страсть, а под должностное рвение. Воплощенная ответственность. Представляю ее маленькой девочкой, которую училка спрашивает, кем она хочет стать. Пятиклассница Наталья Филипповна отвечает твердо, покачивая серыми бантами: «Хочу стать полковницей и инспектировать дурки!» Я издали вижу ее затянутую в мундир стройную фигуру на чуждых форме и месту двенадцатисантиметровых каблуках. Страшна, ретива, секс подавлен до отрицания. В жи-

листных руках пятидесятилетняя изголодавшаяся женщина держит историю болезни бомжа Сороки. Диагноз: «Абстинентное состояние, синдром отмены алкоголя с делирием» (белая горячка, в просторечии — «белка»). Мутными глазами, абстрактной ко всем мужчинам, как на полотнах Магритта, ненавистью Н.Ф. сверлит меня, почти подбегающего. «Как вы смеете подходить ко мне, держа руки в карманах?!» — кричит она мне. И я, оробевший, делаю вид, что перепуган еще больше. Краем глаза замечаю бледные, перекошенные ужасом фейсы Крабова и поодаль стайку сестер. Элтон отсутствует.

Докладываю о Сороке, значительно более придумываю, чем вспоминаю, что с ним. Тайком люблю фигурой Н.Ф. Но рожа! Неудовлетворенность подполковницы захлестывает. Чтобы не прочитала неуместное желание, отвожу глаза, бубню, лаская взглядом кольцо разведенной на левой венистой руке. Филипповна «заряжена», она неистовствует: «Как часто я смотрю больных?» Реально делаю обход каждое утро. Честно: знаю не всех. «Что с ногами Сороки?» Боже, что с его ногами, прошедшими теплотрассы и вентиляторы метро, отогревающими отморожения?! «На изъязвления мы накладывали повязки с мазью Вишневского. Я назначил фуросемид против отеков», — лопочу я. Вольнонаемный, без погон, а сломался. Слышу и стыжусь собственной просительной интонации. «Фуросемид в повязках? — издевается Н.Ф. — Профессионализм ваш ясен!»

Н.Ф. превращается в Наполеона. Она заходит в палаты. Садится белым накрахмаленным халатом на потерявшие любой известный цвет за-

вшивленные постели. Она берет больных (мужчин) за руки. Она жалеет убийц, грабителей и насильников. Она желает им здоровья. Она пеняет врачам, ее врачам, поскольку она главный психиатр системы, что «закололи мальчиков». Персонал не понимает, не любит тех, кого жалеет Н.Ф., но ненавидит того, кого ненавидит **Психиатр**. Ненависть популярнее и понятнее любви в Кошкином доме. Гиммлер первым ненавидит меня, поверженного, зато верноподданнически пожирает глазами Н.Ф.

Апофеоз. Маренго, или этюд в багровых тонах. Открываем 489-ю камеру. У окна тусуется ожидающий отправления на этап выписанный Айрапетян, а под дверью сидит на корточках красавец Жидаев и лезвием пилит себе руку. Кровь тихонько струится на пол. Н.Ф. поворачивается ко мне и участливо спрашивает: «Почему не лечите?» Ответить не могу. Не сказать же правду, что влюбленный в большого главврач (Элтон) запретил лекарствами портить красоту. Лечим с сестрами тайно, не внося получаемые препараты в листы назначений.

Звучит сакраментальный вопрос, где Элтон. Этот вопрос беззвучно висел, пропитывал, истекал из явления Н.Ф. в ПБ. Гиммлер свистящим шепотом посылает меня найти Элтона. Вместо него на втором этаже нахожу трясущихся от ужаса Чингиса и О.В. Оба отворачиваются, не говорят правды: Элтон на совещании у начальника тюрьмы. А зам Гордеева? Без вести. Возвращаюсь, докладывая перехватившему меня на дальних подступах к комиссии Гиммлеру: «Главврач на совещании». — «Только не на совещании! Туда мы с Натальей

Филипповной после осмотра психбольницы идем. Скажите: он в спецотделе».

«У меня ноги устали», — капризно итожит Н.Ф. Еще бы: двенадцатисантиметровые каблукы-шпильки. Вставшие подростковые писули, и только.

16 часов 20 минут. Пробую отпроситься у Филипповны. Мой рабочий день все-таки окончен. Отвергнут с презрением: «Докладывайте главврачу, что ваш рабочий день закончился! Я — на совещание, а в 18.30 приду смотреть отделение опять!» Кто бы ее вые...!

26.06.09

Позвал Чингиса (работает психиатром с сертификатом невролога) по неврологической части осмотреть больного Скоробогатого, жалующегося на нарастающее онемение конечностей. Из-за отсутствия в больнице неврологического молоточка Чингис простукивал коленки Скоробогатого кольцами больших тюремных ключей. Поразительное дело: у Скоробогатого вообще нет рефлексов. Нет и чувствительности: он не реагировал на уколы иглы от шприца. Чингис поставил диагноз истерия или арахномиелит. В последнем случае, по словам Чингиса, необходима немедленная госпитализация в неврологический стационар. Я предложил доложить Элтону. «Не вздумайте! — Чингис чайником зашипел: — Сегодня пятница, короткий день. А он (Элтон) заставит вас с этим больным тут (в ПБ) после трех часов (15-ти) торчать».

Имел подлость послушаться и не доложить. Надеюсь, опасения Чингиса преувеличены той

биологической ненавистью, которую он испытывает к Элтону, стремясь на его место главного врача.

Вот и комиссионерша Наталья Филипповна в его глазах хороша. Все потому, что удостоила Чингиса короткой милостивой беседы на тюремном дворе.

«Вы лучше, — продолжал Чингис, — пойдите и спросите медсестру Татьяну Анатольевну, как она недавно **опять** застала Элтона мастурбирующим больному в перевязочной. Представьте, заметив сестру, подлец не смутился: «Это я больному нервное напряжение снимаю!» Я спросить Татьяну Анатольевну не пошел. Признаю, засовывать или предлагать засунуть пальцы в задний проход психбольному «для определения состояния простаты» — у Элтона страсть. Неоднократно сам был свидетелем.

Беседу с Чингисом прервал экз-санитар (санитары в Кошкином доме — экзи). Он зашел спросить врачей, не надо ли кого из больных отпиздить. А то кулаки чешутся. Шутя, я предложил отпиздить любимчика Элтона — Жидаева. Он упорно просится назад к Хучелидзе. Протестуя против разлуки, Жидаев пытался на прогулочном дворике (на крыше ПБ) проглотить лезвие. Был удержан другими больными.

Элтон продолжает вызывать в таблеточную четвертого этажа Жидаева. Заставляет долго пристально смотреть глаза в глаза. При этом стоит вплотную, животом касаясь живота больного. Перехватывая дыхание, дыша одним воздухом. Таблеток и инъекций не назначает. После того как Элтон оставит в покое, Жидаев облегченно взды-

хает. Спрашивает меня: «Кто это?» — «Главврач». — «Чума!!»

Федотова на этот раз обглоталась корректора нейролептиков, циклодола. Элтон полагает: не циклодола, а снова — метадона. Строчит рапорт: пусть опера разберутся, кто в ПБ носит метадон. Понимая, где работаем, каждый боится необоснованного обвинения.

В кабинете Элтона видел распечатанный им документ о смертности в ПБ. Все трупы О.В. «повешены» на Чингиса. Элтон знает, что тот за глаза называет его «голубым полковником», строчит письма в управление, требуя увольнения Элтона. Основание: нетрадиционная сексуальная ориентация, «позорящая уголовно-исправительную систему».

Меня затрахали больным бээсником (бывшим сотрудником правоохранительных органов) Смирнитским. Его родня требует, чтобы ему сделали ЭКГ. Это больному истерией, у которого от страха за ответственность по мошенничествам с квартирами не только сердечный ритм легко изменится, но и зарубцевавшаяся язва желудка вполне способна открыться! Мама Смирнитского с приема граждан кричит мне по телефону: «Сынок в шесть лет спал с открытой форточкой!» Что-то желает высказать дядя больного. Ему передают трубку.

Полусумасшедший инспектор Поспешев повел Смирнитского на ЭКГ. На сборке (приемное соматическое отделение) над Проспеловым рассмеялись: «ЭКГ? Да когда же ЭКГ было в Бутырке?!» Зам Элтона, Гордеева, смущена: «Но было же! Куда делось?» Она даже назвала фамилию медика, делавшего ЭКГ. Тогда впервые я узнал о

работе в терапевтическом корпусе терапевта Лыткириной.

Начмед Крабов (Гиммлер) скоро лопнет от высокомерия. Никогда не здоровается с врачами и не отвечает на приветствия.

01.07.09

После обеда (обед в ПБ с часу до двух) в дверях перевязочной (моего кабинета, где вместо стола откинута крышка таблеточного шкафа) нарисовалась лунообразная физиономия нашего внука: «К нам поступил миллиардер Аковлев. Посмотрите его, только осторожно. У него может оказаться поддержка». — «Миллиардер — это хорошо, — осклабился я. — А то у меня часы плохие».

Я посмотрел Аковлева. Это оказался здоровенный детина, сотрудник питерского ЧОПа, по заданию шефа позвонивший кому-то со своего мобильного с предложением взятки в особо крупном размере. Увы, миллиардерство не подтвердилось. Элтон, как всегда, жил в кругу непробиваемых фантазий. Но начальник мне не поверил! Я назначил Аковлеву лечение. Элтон вырвал из истории болезни листок назначений: «Я его сам вести буду!» Сука, не хочет делиться!

Элтон поругался с фельдшером Дымовым за командировку в Саранск. Этап с душевнобольными положено сопровождать медработнику. Обычно ездит медсестра или фельдшер, за их отсутствием — врач. Сопровождение — формально, т. к. медработники Кошкиного дома никогда, на моей памяти, не брали с собой лекарств.

Однажды в 5-ю московскую больницу, город Чехов Московской области, послали с этапом меня. Вольнонаемных направлять не положено, но нигде так часто не нарушается закон, как в самой системе! Я попросил лекарств. Мне дали, и даже шприцы. Однако просьбе моей удивились, надо мной посмеялись. Без препаратов сопровождающий, если больному плохо, способен лишь сделать ему дыхание рот в рот или непрямой массаж сердца (ритмично нажимать на грудь руками).

Что же не поделили фельдшер и главврач? Почему в Саранск не поехал фельдшер, что привычнее? Элтон родом из Ульяновска. Туда из Саранска рукой подать. Элтон хотел навестить маму. Дымов же родом из самого Саранска. Каждый хотел за госсчет, правда в «столыпине», прокатиться до дома.

Юный Дымов сорвал форменный галстук, растегнул фсиновскую гимнастерку: «Теперь работы от меня не дождетесь!» Отыграется на душевнобольных. «Бедные, вы бедные!» — как фарисействовала комиссующая Филипповна. Дымов грозился за чаем «смертельно отомстить» главврачу. Элтон не видел и не слышал. Подождем!

Антоновна (она же Гордеева) поумничала, «направив» молодого психиатра: зачеркнула в моем диагнозе слово «шубообразная», сверху написала «приступообразная». Ну, сколько ни объясняй, сомневается она, что «шубообразная» никак не связана с «шубой». Я указал, что после «приступообразная» через тире просится «прогредиентная» и указывается степень прогредиентности шизофрении. Матушка Антоновна не смутилась. Она

умеет держать лицо. Подходя ко мне сидящему, не упустит навалиться грудью на плечо. Чувствую мешочки пустых грудей. Учит меня, «молодого», с придыханием. Если честно, иногда ее хочется. Особенно когда от долгого сидения кровь в зад и перед уйдет.

Ох, знает бывший кардиолог Гордеева сердечные дела! Крабов от увядающей красоты ее просто млеет. Стоит, ножками перебирает. Антонова в ответ глазками вращает, круглит. Гиммлер в ответ: «Чибуша», «Чинуша», «Чмоша»? Антонова показно добра. Принесла мне сворованный у психов или эков сахар, стыдливо пересыпанный в коробку из-под кофе: «Отдохните. Побалуйте чайком. А то у вас сахар кончился!» Заботливая.

02.07.09

Уходя домой, видел больного Жилеткина. Он был в костюме, белой сорочке без галстука. Улыбался слабой виноватой улыбкой, опираясь на плечо другого больного, помогавшему ему идти. Жилеткин — «отказник». Протестуя против действий конкретного следователя и правоохранительной системы в целом, он отказывается есть и пить.

Я назначил Жилеткину капельницу с 5% глюкозой, дабы насытить и напоить через кровь. Да простят мне доктора немедицинские термины! Рассчитываю, так понятнее непрофессионалам. Продолжаю и далее в том же духе... Жилеткин болен на всю голову. Голодовкой он желает еще и «очистить кишечник». Неприятие ментов тоже развернуто в бред. «Менты» не видят его болезни, им виден лишь протест.

Явился опер Григорьевич. Он строг с безденежными, не имеющими поддержки внутри тюрьмы или «за забором». С теми, у кого «мохнатая лапа» (охранник Аковлев, неудачно предложивший кому-то супервзятку, авторитет Хучелидзе), Григорьевич мягок до лести, вежлив до утрированной неуклюжей деликатности, ибо по жизни Григорьевич мужчина брутальный, лицо его из тех, про которые говорят, что рублено оно топором. При 20-ти тысячной зарплате джип Григорьевича лучший на Бутырке. Про Григорьевича нехорошие слухи. К примеру, принес мобильник Хучелидзе. По этому мобильнику с угловых камер и прогулочного двора, где, несмотря на «глушилки», «берет», звонят за дружбу и таксу все наши три этажа.

На моих глазах опер Григорьевич набросился на положенного под капельницу «отказника» Жилеткина. С матерной бранью вырвал из вены катетер, ударил лежащего кулаком по печени: «Таких сук не лечить, убивать надо!»

Опер уходит. Поскольку он запретил не евшему четыре дня ослабленному Жилеткину вливать внутривенно глюкозу, я, дождавшись звука хлопнувшей за Григорьевичем двери, уговариваю больного выпить сладкий раствор. Жилеткин соглашается «для очистки кишечника». Что ж, не мытьем, так катаньем поддержим издержавшиеся силы.

Снова день рождения. Теперь какой-то сестры. Так это же Марина Пугалина. Она вахтенным методом работает у нас, приезжая на работу... из Саратова — рекорд удаленности, достойный Книги Гиннеса. Пугалина сопровождает этапы, в отде-

лении увидишь ее, как дракона острова Комо. Всегда в форме, даже при раздаче таблеток, выполнении инъекций. Ну, чтобы зэки боялись. Впрочем, Марина незлобивый пьющий маленький человек. Руки ее, как и у кое-кого еще из медперсонала, по пьяни порезаны. С кем ведешься, от того и наберешься!

На столе возможное изобилие в понятиях нас, убогих. В банке пронесенная через «кордон» водка. Вместо рюмок мензурки. Элтон выпил три. Ругал «журналюг» и вообще «уродов, снимающих отдых сотрудников». Это к обсуждению показанного по «ящику» отдыха 8 Марта гибэдэдешниц, которым мужское начальство преподнесло выступление стриптизера. Гибэдэдешницы без формы, но под поучающими госплакатами на парня прямо полезли. Наши подпившие девки Элтону: «Мардох (Мардох им кажется проще выговорить, чем Михаил) Николаевич, мы тоже стриптизера хотим! Мы что, не люди?! Да-да, люди! — заклохтали престарелые курицы. — Выпишите нам стриптизера на день тюрем!»

Лала Викинговна отучилась месяц на терапевта, но сертификата ей не дали. Стажа работы не хватило. Приписать стаж Голышкиной совесть помешала. Она постится, ходит в церковь. Как многие, ущербна. Из-за сколиоза ходит хромой уткой, набок. Особо нелепо выглядит в синей фсиновской форме. Я люблю Голышкину. Она обыкновенный хороший человек и скрупулезный врач.

Месяц учебы Голышкиной, следовательно — отсутствие в больнице, возвращение без сертификата взбесили Элтона. Тогда я не знал о его неприятностях с Филипповной. Прямо на дне рождения

Пугалиной Элтон объявил Голышкиной, что каждый ее выход на работу должен начинаться со сдачи экзамена по одной из терапевтических тем: завтра холецистит, потом — пневмония. «Пока учебник глава за главой не пройдем!»

Слова оказались не угрозой, но напоминанием. Лала Викинговна достала из сумочки «Пропедевтику внутренних болезней» за третий курс мединститута. Элтон кивнул.

08.07.09

Сегодня впервые увидел Джимаева, автора третьего гола в ворота О.В. Джимаев удавил Даршевского, добавив к двум моим победным очкам (два завершенных суицида в отделении О.В.) еще и убийство. Джимаев сидит один, т. е. его самоубийству не препятствуют. Другим больным запрещено находиться по одному, полагается, чтобы один присматривал за другим. Нередки случаи, когда из двухместной камеры больного вывозят на суд или на следственные действия. Тогда оставшийся на какое-то время предоставлен самому себе. Если у него есть суицидальные мысли, он может их реализовать. В больших восьмиместных камерах самоубийца способен «договориться» с сокамерниками. В подобном случае остальные «ничего не видели, ничего не слышали». Существуют совершенно непонятные мне «постановления об одиночном содержании». Больной, а это или «блатной», или особо опасный преступник, находится один в двухместной камере официально. Он предоставлен самому себе. Самоубийства среди лиц, официально находящихся на одиночном содер-

жании, мне неизвестны. Ничем не грозил себе и Джимаев.

Джимаев — истощенный средних лет «чурка» (термин ПБ). Джимаева трясет от нейролептиков, которыми его то ли лечат, то ли наказывают за убийство Даршевского. Элтон воздал Джимаеву на земле, чтобы не упустили на небе. Я назначил реланиум для снятия экстрапирамидных расстройств.

Чингис якобы болен. Все уверены: врет; трудится на второй работе под прикрытием больницы, сфабрикованного женой-терапевтом. Джимаев числится за ним. Нейролептики назначены Элтоном. Он начальник. Имеет право. Зная, что Чингис никогда не назначит Джимаеву корректор (как подавляющее большинство медперсонала, он смешивает медицинскую деятельность с прокурорской и судейской), корректор назначаю я.

Фельдшер Дымов, болтун и сплетник, выдал инфо про Крабова. Шефа СС когда-то за что-то побили по лицу бутырские врачи. Вот бы узнать когда и за что. История украсила бы мои тетради. Ну не за схожесть же с железным Генрихом?

45-летний качок больной Кузькин, свастика на плече, не подписал согласие на лечение. Решил «оглядеться». Сориентировавшись, потребовал вернуть в СИЗО-5, откуда доставлен: «вскрылся», добиваясь перевода в другую камеру. Де в его камере варили решетку, не соблюдая мер пожарной безопасности. Не понравились запах и дым. Я «повелся», т. е. поверил Кузькину. Уж как честно смотрел он!.. Лала Викинговна открыла мне глаза. Этот тип, схваченный за бандитизм,

формально по профессии — сборщик автоматических линий, в СИЗО-5 кричал, что психически болен, требовал госпитализации в ПБ. В Кошкином доме ему не понравилось: лечат! Да еще с такими побочными эффектами. На второй день в ПБ Кузькин объявил себя здоровым. Глупец! Типичная ошибка пациентов, желающих выписаться. Утверждение «я не болен» в психиатрии называется отсутствием критики к болезни. Станут дальше лечить, пока критика не появится. Выписке способствует утверждение: «Мне лучше» или (что хуже категоричностью) «Я выздоровел».

Я тоже даю «прокурорскую слабину». После репортажа по ТВ, как на ростовской дороге убили ночевашую в машине ехшую с отдыха семью, мертвым перерезали для верности шеи, появляется желание умертвить Кузькина и «братьев» его.

10.07.09

Элтон обедает стоя, нагнувшись над столом, спиной к дверям. Дверь начальственного кабинета не заперта. Любой, кто осторожно откроет ее, видит спину Юпитера ПБ. Халат на Отце висит Зевсовой хламидой; лопатки, загривок, задники ушей двигаются в ритме вкладывания в рот, жевания и поглощения «сливок» душевнобольной пищи. Все врачи, фельдшера и сестры нашего ПБ имеют лишний вес, откормленные среди больных — только недавно прибывшие.

Завожу с Элтоном разговор о сопровождении медперсоналом больных в спецмедучреждения. Больные едут туда по постановлениям судов, в

100% случаях соглашающихся с институтом Сербского о невменяемости. Отчего медики не берут с собой лекарства? Элтон, частично насытившись, уже благодушен: «Я не нуждаюсь в лекарствах».

Он хитро сластолюбиво ослабился, присаживаясь, усаживает меня, разливает кипяток в стаканы с растворимым кофе. Чувствую его горячее бедро. Тема неистошимо увлекательна: «Возможно, вам рассказывали... Если больной возбужден в автозаке, в столыпинском вагоне, возьмите его половой член. Движения вам известны. Семязвержение успокаивает, купирует даже кататонический раптус».

Боюсь спросить, что делать в случае возбуждения психически больной женщины. Когда учит начальник-«артист», в вопросах нужно соблюдать меру...

Спавшего больного Опяна пытались задушить сокамерники. Опяну удалось отбиться. Крупный интеллигентный армянин, он сидит на кушетке для внутривенных вливаний, плачет, курит, стряхивая пепел в ладонь. Кошкин дом!

Антоновна смертельно боится больных: страшно сотряслась, раскрыв дверь перевязочной и при выключенном свете заметив меня, дремавшего в облезлом кресле у окна. Антоновна избегает обходов. Душевные переживания больных для нее — не интим, а ток-шоу. Вопросы о затаенном задаются ею больным на вече сестер, врачей, инспекторов, других больных. Она — замначальника по лечебной работе, но алкогольный галлюциноз для нее — «белая горячка» и т. д. Про «шубу» достаточно сказано.

15.07.09

Вчера опер Сергей Григорьевич Гечалаев назвал Антоновне больных, выписка которых должна проводиться лишь с его согласия. Это Никитин, Крайних и Лакшашвилли. Все из 508-й камеры, где сидят «блатные». Блатной — это уголовный авторитет или тот, кто денежки подкидывает ответственным сотрудникам. Антоновна лжет.

Не делится ли Гечалаев с ней? По ее словам, указанные Гечалаевым больные «поддерживают порядок в отделении, следят за ненадежными больными». Троица находится в 4-х местной камере, т. е. либо следит друг за другом, либо втроем за четвертым — «смотрящим» по ПБ. В общем, старожилы Кошкиного дома держат меня за дурака. И я разобрался: троица — «коммерческие», сидельцы, платящие оперу, а через него в стороны и выше за хование в ПБ от не столь комфортно-го пребывания в камерах общего корпуса. Видели бы вы «плазму» 508-й камеры! Не каждый непривлеченный имеет дома подобный домашний кинотеатр. Опять же еду, сидя в Бутырке, можно заказывать в ресторане... Позже этим троим и другим начальники станут писать в дневниках высосанную из пальца псевдосимптоматику, чтобы оправдать пролонгацию пребывания в ПБ.

Сегодня целая делегация следаков пришла к больному Хасанову. Попросили предоставить для беседы перевязочную, где я принимаю. Не мог не уступить. Убийцу Хасанова уговаривали взять на себя какой-то «висяк», еще одно убийство. Через головы оперов Хасанов сетовал мне, что был в другом городе на какой-то свадьбе в день

навязываемого убийства и подписывал подсовываемые бумаги. Я пошел домой, тщательно вымыл руки.

Элтон никогда не принимает больных по их просьбе. Только если сам захочет. Лечит тоже. Когда шлея под хвост пойдет. Экстравагантность его общеизвестна. Сегодня посоветовал пригладиться к ненавидимому Чингису: не считаю ли я как психиатр, что у Чингиса нейросифилис? «Подождите, в зимние холода он в вывороченном шерстью вверх тулупе и с опущенными ушами треуха станет по больнице ходить».

Элтон добивается инвалидности по приобретенному работой психиатра психзаболеванию (мечта многих аттестованных медиков ФСИН): «Я и сам при случае могу прикинуться больным. Три года живу в психбольнице. Никто не разоблачит!»

17.07.09

Антоновна Гордеева прячет кривую улыбку. Она вешает лапшу про состоятельного мужа-бизнесмена, а сама нет-нет да к еде душевнобольных приложится. «Чего муж-казах не кормит? Мак в Чуйской долине иссяк?» — не достойная доверия инвектива злой медсестры.

Аркадий тоже сопровождает этапы. Нет вопроса, что он стоматолог. Вот причина, что его практически никогда нет. Больные зубы я лечу анальгином. Появившийся солнышком Аркадий начинает с более волнующего его, чем вывод больных в зубокабинет: «У нас ведь как: место генерала милиции стоит десять миллионов долла-

ров, в Госдуме работать — пять миллионов. У меня таких денег нет. Имею и второе высшее образование — юриста... Да все равно приходится работать в тюрьме, добираясь сюда из Каширы».

22.07.09

У больного Раткина случился эпилептический припадок, когда медсестры, все три, ушли за зарплатой в кассу за территорией. Уколы для снятия эпистатуса делала терапевт Лала Викинговна.

Элтон, уже отставной начальник, в это время обследует меня и двух сотрудниц спецчасти, по очереди, на новомодном псевдоприборе, не иначе как с его подачи приобретенном учреждением. «114 тысяч!» Лампочки мигают, картинка распиленного человеческого тела меняют одна другую. Наденешь наушники, посидишь вперившись в экран, и аппарат выдаст поломки твоего организма, уверяет Элтон. Сидим и смотрим, пока двумя этажами выше терапевт пользуется эпилептика. «Главное, чтобы не было червей! — увещевает экс-главврач. — Случается: уважаемый человек, а страдает от гельминтов. Не раз подобное случилось в моей практике». По полчаса у нас искались гельминты. Нашли что-то другое. Не из деликатности?.. Появляется Лала Викинговна. Она просится на обследование. Элтон и ее предупреждает о — не дай бог! — проблемах с анусом.

Позже, когда Викинговна в поликлинике МВД рассказала об «обследовании», ее пристыдили. «Вы — врач, а этому верите?!» Но мы занимаемся психиатрией — самой спекулятивной из медицинских наук.

Возвращаемся в кабинет Элтона. Балеты «для релаксации» он обычно смотрит по утрам. На этот раз угощает нас после «обследования». Доволен нашей верой ему. Вновь «Корсар», вновь мужики в трико в обтяжку пляшут. Элтон жадно всматривается в их гениталии, проясняя ситуацию с собственным свержением. Враги — Чингис и клика (отсутствующий доктор Грымов) — обвинили Элтона, что он «приватизировал» кабинет, «крайне необходимый для обследования больных, уступи, и вы не принимали бы в перевязочной!». Но мне кажется, Элтон имеет право на вот этот, к примеру, полутораметровый драный диван, где даже низенький главврач спит подогнув ноги. Есть убогий набор кастрюль, сковородок, чашек и т. д.

После отъезда Элтона в диване найдут множество мертвых тараканов, но ни страницы интереснейших записок, которые мог бы оставить талантливый самобытный психиатр. Он показывал мне атлас типических физиономий для использования в постановке диагноза. Пусть лица больных были чрезвычайно интеллигентны для нашего контингента. Он читал Крафт-Эбинга, Юнга... Последователи ничем подобным интересоваться не станут.

Исчез, кстати, и псевдоаппарат за «114» тысяч.

ВЕРСИЯ ЭЛТОНА О ПРИЧИНАХ ЕГО ОТСТАВКИ

Наталья Филипповна, главный психиатр ФСИНа, полюбила его, одинокого подполковника 48 лет. Положив взгляд на «вечного» холостяка, разведенная одинокая женщина зачастила в Кошкин дом. Некогда, при главвраче Бероевой,

Наталья Филипповна трудилась здесь простым врачом.

С надуманными, но добрыми проверками Филипповна засиживалась в кабинете Элтона допоздна. Потом просила проводить ее. «Хлопала ресницами». Элтон провожал до метро, даже спускался вниз. «За стеклом вагона я видел ее, посылающую мне воздушные поцелуи. Какими пламенными взглядами она меня авансировала!»

Как-то в два часа ночи после одной полной недомолвок весенних посиделок, когда метро закрылось, а больница сменилась ближним кафе, О.Ф. предложила Элтону проводить ее до дома. «Три-четыре остановки». Будто бы живет она в районе Савеловского вокзала или Тимирязевской. Подвыпивший Элтон пошел. Психиатры не способны были поставить диагнозы друг другу.

О.Ф. пригласила к себе, взрослого сына не было дома.

В квартире Элтон отказал влюбленной.

«Ты что, не мужик?!» — Главный психиатр ФСИНа с двадцатипятилетней психиатрической практикой, в форме, с двумя крупными звездами на погонах не желала соглашаться с истиной, очевидной для многих инженеров человеческих душ. Или страсть слепа? Говорили, но она не верила? Не казалась ей подозрительной хотя бы элтоновская манера ходить, по-женски крутя бедрами? Часто облизывать и без того мокрые губы?

«Простите, но вы меня не за того приняли».

«Ты умрешь!!» — закричала полковница в истерике.

Элтон уготовил себе тяжелую судьбу. Грянула та самая безжалостная проверка.

«Бедные вы, бедные!» — говорила Филипповна больным, усаживаясь на их жаждающие прожарки от вшей постели. Она совершала трансфер, перенося собственную ошибку, неудавшуюся жизнь на арестованных мужчин, больных.

Потом я узнал: в день комиссии после совещания у начальника учреждения (Комкова) Филипповна вернулась в ПБ, Элтон же по-прежнему не показывался. Он бежал.

Поскольку Элтон жил в психбольнице, выйдя с территории, он мог отправиться лишь гулять. И он гулял, чтобы стряхнуть порочный прах Москвы с философических стоп.

Что же Н.Ф.? По свидетельству сестер, не дождавшись раскаяния, она уже не ходила по камерам. Вызвала какого-то больного в кабинет Элтона. Села на место начальника, а больного усадила на место, где обычно сидела сама на ночных посиделках с тем, кого определила избранником и теперь, еще любя, ненавидела.

Больной привычно занял о незаконном задержании, сфабрикованном уголовном деле. Н.Ф. долго, но невнимательно слушала. Она на полуслове прервала больного, положив свою руку на его: «Помолчи. Я тебе сама расскажу. Моя жизнь не лучше твоей, хотя несчастья мои иные».

Подслушивавшая сестра, опасаясь гнева Н.Ф. (он чудовищен), отошла на носках сандалий от дверей. Неизвестно, что говорила Филипповна, вдавалась ли в конкретику, только излияния ее длились не менее полутора часов. Когда больной ушел, она платочком вытирала слезы.

Речь Элтона, другого страдальца, крошит реминисценцию: «Она завидовала моему немецко-

му. Слышала, когда по-немецки я разговаривал с приехавшими обмениваться тюремным опытом голландцами... Ее передернуло, когда мы с ней вошли в кабинет Левика (начальника медуправления УФСИН), и он похвалил мой костюм и ботинки, а не ее мундир. Я люблю и умею одеваться», — подчеркивает экс-начальник ПБ. Он воспринимает случившееся эстетически, на что грубые враги его не способны.

Нервы Элтона сдают. Начинается истерика. Он выкрикивает: «Ее девичья фамилия Блюменталь! Жиды! Она и Левик — жиды. Жиды верховодят во ФСИНе!»

Я неловко обнимаю Элтона, насколько позволяет разделяющий нас стол. Элтон хватается за меня обеими пылающими руками. Называя по имени-отчеству, продолжает:

«Я же после института распределился в МПС (Министерство путей сообщения). Три года! Потом ушел в систему. Служба в детской колонии сломала меня. Порок! Порок! Если б вы знали, какая там гадость! Приходят подростки ко мне, доктору, с вопросом, отчего воспитательница Валентина Андреевна то сама просит, а то ни в какую не дает. Даже накажет, если пристаешь. Сотрудники педерастами влежку становились. Офицеры ломались».

Элтон подливает мне кофе. Рука его дрожит. Голос прерывается. Он без порока сентиментален. Я начинаю думать, как бы уйти от него по-безопаснее. Бают, врача Шмелева, благополучно закончившего стоматологический институт, проработавшего психиатром двенадцать с половиной лет — в Кошкином доме год за два идет (у меня

есть случайно найденная ксерокопия его диплома), Элтон приставаниями довел до увольнения. Сестры, врачи: «Заставлял до десяти вечера после работы с ним за компьютером сидеть. Готовили отчеты». Коленка к коленке, плечо к плечу... «Если б не [Элтон], дядечка до сих пор бы работал. Хороший был доктор».

23.07.09

Не ведаю, спал ли Элтон. Торопливо поднял для приветствия багровое лицо; вижу его глаза с розовыми прожилками сосудов, как у кролика. С ранья строчит «телеги» на Левику и Н.Ф. Последняя, не по значимости, виновна, что за время работы главным психиатром не внесла новшеств в службу. Левик был виноват в том, что, будучи санитарным врачом, отлучился на двухмесячную учебу на психиатра в институте Сербского, отобрав возможность повышения квалификации... у меня. Зачем Левику сертификат психиатра, когда психиатром он работать не собирается? Известный коллекционер сертификатов. В кабинете УФСИНа вся стена сертификатами увешана. Был бы толк!

Как водится, «телеги» Элтона лягут на стол самым обвиняемым для разбора полетов обвиняющих.

Элтон ищет правды в России, итог в Кошкином доме — запустение. Из-за «болезни» Чингиса и отпуска О.В. двадцать человек во II-м отделении не осмотрены, лечение им не назначено. В одиночку чищу авгиевы конюшни: смотрю, описываю, назначаю. Успеваю пролечить под влия-

нием «голосов» напавшего на медсестру Опяна, пытавшегося повеситься Лаптева (проколот, раздет догола, сидит в «резинке», чтобы не смел...). Не хочу перегружать книгу списком Чингисового жестокосердия или халатности, но он есть. Все двадцать фамилий.

ДОПОЛНЕНИЕ К АНАМНЕЗУ КОШКИНОГО ДОМА

В ночь с четверга на пятницу прошлой недели *старшая* (младший инспектор 2-й категории Л.Д. Светланова, в просторечии — Людмила) была поймана во время коитуса с подследственным. Отлучена из рядов сержантского состава. Инфо висит на доске позора Бутырки. Фото нет по причине отсутствия начальника по воспитательной работе Полесского. Так говорят. Фото у него? А вот рядом на стенде рисунок расстрела предателей в 1937 году. Это не опечатка.

Возвращаемся: уволенный Элтон жаждет подвигов, дабы показать начальству и себе, какого ценного кадра в его лице Кошкин дом и Система теряют. Случай не заставляет себя ждать. У застарелого преступника, наркомана и эпилептика Лагуткина ночью был очередной приступ. Сестры разбудили ночевавшего по обыкновению в ПБ Элтона. Экс ворвался в камеру. Перевернул Лагуткина на бок и тянул западавший язык, пока ждал интубационную трубку, с такой силой, что порвал уздечку. Приезжала скорая...

Утром Элтон проверяет себя и Лагуткина на тетадрядку: сифилис, гепатит, туберкулез, ВИЧ. Чего же я сглутил, не проверялся после «рот в рот»

Курицыну?.. Застаю Элтона в процедурной, где он колет сам себе в складку живота витамин В₆ «для профилактики гепатита С».

28.07.09

Побеседовал с «интересным» человеком — проворовавшимся издателем из Питера. Васильковский Михаил Иосифович. Седой бледный интеллигент, из властных. Не отрицает, что «вывел» 30 миллионов рублей, но «в интересах возглавляемого издательства, типографии и шести журналов. По-честному издавал не исключительно себя». Оправдывается: я же для дела! Спрашивал меня, выгоднее ли отбывать срок на общих основаниях или «включить дурака» и лечиться в ПБ (на момент беседы Васильковский уже признан институтом Сербского невменяемым).

Васильковский оскорблен, что экспертиза в Серпах длилась всего четыре дня. «Я большего внимания не достоин?.. Вы не представляете, как врачи и сестры там матерятся! Женщины! Женщины!!! Слух интеллигентного человека режет». Человек соскучился по мягкому общению. За месяц в Кошкином доме я — первый доктор, который Васильковского посмотрел. Васильковский тщеславно показал фото. Вот он с женой. Которая на двадцать лет моложе. Вот он на своем катере (не все ушло на книги). Вот с сотрудниками: шесть молоденьких девушек вокруг седого интеллигента за письменным столом. Все улыбаются. Один высокомерно, другие — со скрытым презрением. (Наш характер! Где кормят, там и срут.) Вот с представителем президента по Северо-За-

паду. «Ну вы его знаете!» Я не знал. «Вы языки-то знаете?» У своей камеры попрощался на немецком.

Завтра Васильковскому на этап в Ульяновск. Он родом оттуда, как Элтон. С печальной усмешкой думаю, что Элтон уже не попросится его сопровождать. Как устроился в Питере? Две мысли сверлят ум: 1) как неверно мы себя оцениваем: обижаемся, когда нашу «сложную» натуру изучают всего четыре дня, и довольны двадцатиминутной беседой с не своим врачом в Кошкином доме; 2) почему не всё мы можем сказать, даже когда хотим. 30 миллионов!

После освобождения Васильковский мог бы издать все мои книги. Эх! Не договорились.

31.07.09

Элтон, вцепившийся в кресло начальника ПБ («25 лет в органах, подполковник, ничто никому не отдам!»), на протяжении недели симулирует соматическое расстройство: «Лагуткин при дыхании рот в рот заразил меня энтеромикозом и еще черт знает чем!» В рабочее время Элтон лежит в своем кабинете на серых тюремных простынях, не без галантности прикрывших рвань короткого дивана. Захожу по какому-то делу. Элтон лежит, свернувшись калачиком, в пижаме, спиной ко мне. Помешкав, не стал беспокоить. Формально Элтон на «больничном», но как фигура с подвижной психикой то болеет, то, не смирившись с отставкой, лезет во все. Гордеева, Окунева и другие неоднократно (с двусмысленной похвалой): «Творческий человек!»

Больной Хасанов, назойливо объявлявший, что проглотил ложку, затем вместе с рентгеном отверг версию и сошелся на том, что у него аппендицит. Беседую с Хасановым в «предбаннике», где он сидит на корточках в ногах лежащего на кушетке Жилеткина, которому внутривенно вливают глюкозу. Жилеткин продолжает отказываться от еды «в знак протеста». Кормим его через кровь. Подлаживаясь под бред, говорим, что «чистим организм».

Проснувшийся Элтон с неожиданной энергией подлетает мыть руки. Меряет взглядом сидящего Хасанова. Я взываю к бывшему хирургу Элтону: не тряхнете ли стариной, не помните ли животик Хасанову. Взбешенный Элтон, с ходу Хасанову: «А палец в прямую кишку не хочешь?!»

Хваленый ход. Элтон полагает, что другие чего-то «в зад», по понятиям, должны бояться.

Пауза. Элтон трактует в стезе собственной испорченности: «Здоров!» — «вылечив» Хасанова, он бежит сломя голову в свой кабинет, будто оттуда «враги» уже выносят диван, иную мебель, книги, видеотеку балетов.

Я вежливо посмеиваюсь. Хасанов, как пронесенный бедой, крестится. Магометанин, а не признал ли Сына Божьего? Вот такие бывают врачи. Хасанов хвалит меня — познал в сравнении.

01.08.09

Элтону нет до двух часов пополудни. Гордеева предположила шепотом: «Не ночевал!» Я предположил, не вслух: отдохнул от неурядиц душой в гей-клубе. Расследование показало иное. Вчера

больница получила спирт как компонент смеси Попова (+ две таблетки фенобарбитала) — купировать абстинентные состояния.

Первой упилась дежурная медсестра II-го (хронического) отделения Света Писемская, яркая дородная толстуха-диабетчица. Элтон от нее не отставал. Вдвоем прикладывались до трех ночи, когда Попов свалил обоих.

Утром похмельная, неуклюжая, заваливающаяся на сторону Света несуразно, вербализируя разорванный поток пьяного сознания, громко материт меня. Смысл слов ее понять невозможно. У Светы пьют отец и муж. У отца после операции по поводу рака гортани трубочка в горле. Ее жалко. Но зачем же?.. И почти каждое дежурство. Девочки-сестры прикрывают и покрывают ее. Уводят спать, когда она совсем никакая. Элтон появляется в два часа дня. Красен, походка шаткая, тремор рук. Не в настроении он налетает на инспектора, мирно дремавшего на посту:

— Не смейте закрывать душевнобольных в «стаканы»! Это унижает человеческое достоинство!

Инспектор смотрит с испуганным недоумением. Возможно, кого-то из больных он заставлял чего-либо ожидать в «стакане». Однако сейчас в «стаканах» никого нет. «Стаканы» — это помещения для недолгого ожидания. Там есть лавка. «Стакан» предназначен для одного человека, но некоторые «талантливые» инспектора набивают туда до четырех последственных. Элтон в общем-то прав, но смешон. Зачем же тогда по три «стакана» сразу после входа на каждом этаже ПБ? Зачем в конце коридоров подле «резинки», у запасного выхода, еще два «стакана»?

В сборном отделении Бутырки я насчитал 70 «стаканов». В тюремном замке (официальное название нашей тюрьмы — архитектурного памятника XVIII века, архитектор М.Ф. Казаков, смотри доску на стене административного здания) до полутысячи «стаканов», если не более. «Стаканы» спроектировал не Казаков. Они — детище советской власти и ее наследников.

Некоторые «стаканы» используют для хранения швабр, ведер, матрасов, другого хозяйственного инвентаря. К наезжающим проверкам на неиспользуемые «стаканы» стыдливо клеится надпись «шанцевый инструмент». Мертвых закапывать?.. Когда я не собирался работать в Бутырке, а был в ней на экскурсии, мне показывали «стакан», где чего-то ожидал арестованный Берия. Неправда! Берию застрелили в его доме. Коллеги по работе организовали.

В «стаканы» запирают не только ожидающих, например, приема врача, но и возбужденных больных, нуждающихся в инъекции, «резинке», фиксации. В отличие от «резинок» в «стаканах» не раздевают донага. В «стакане» можно успеть придушиться штанами или вскрыться (лезвием «мойки» порезать до крови предплечья). «Стаканы» требуют внимания инспектора.

Элтон набросился Дон Кихотом на «стаканы». Но без оных невозможно нормальное функционирование тюрьмы или тюремной психиатрической больницы. Они удобны при вечной недосягаемости контролеров.

Опасаясь, что за что-нибудь достанется и мне, а не только инспектору за «стаканы», бегом несусь мимо Элтона, спускаюсь на третий этаж. Там в

таблеточной строчит псевдодневники (без осмотра больных) терапевт Викинговна. Присаживаюсь с деланным интересом около. В проем двери вижу стоматолога Аркадия, ошастливившего удалением двух хроников. Он опять запекает: «Я только удаляю». Второй куплет про сражение с неизвестным мне противником за стоматологическое кресло и инструменты. Дантист без ключа от камер. Ключи у отсутствующего на посту контролера. Аркадий стоит и сторожит двух больных. «Посадите их в «стаканы», — зло советую я. «Нельзя. Мих. Ник. запретил: «Это унижает человеческое достоинство». — «Да я и не пойду в «стакан», — с достоинством отзывается душевнобольной.

И у благородства есть время. Дантист не выдерживает. Бросает больных и уходит. В таблеточной за столом строчит истории Лала Викинговна. Я подле на кушетке с нетерпением ожидаю окончания рабочего дня. Через раскрытую дверь видны перетаптывающиеся убийцы (у обоих 105-е статьи). Ждем контролера.

Время — без двадцати три (в пятницу работаем до трех). Я колеблюсь, не закрыть ли убийц в «стаканы». Запрещено! Унижает достоинство. «Да я и сам не пойду!» Оставляю женщину с двумя убийцами и уйду. Рабочий день закончился.

04.08.09

Хасанов, уходя на общий корпус, шепнул мне: «Могу ли я передать пахану Бутырки, что при необходимости вы нужную справку черкануть для пацанов готовы?»

Я растерянно промолчал.

Без даты: один из дней августа

В больнице крупная пьянка. Повод — день рождения 67-летней медсестры Альбертины Михайловны (А.М. взялась завидовать мне и регулярно расписывается напротив моей фамилии в зарплатной ведомости). Итак, ПБ загудела. Элтон и вышедшая на работу Окунева отчего-то улизнули после трех рюмок спирта — выдавала изрядно нализовавшаяся старшая медсестра И.В.

Распустились. Грязно шутили. «Выздоровевший» Чингис щипал попу не пившей Лены Фимовой (она за рулем до Тулы, далее к Бутырке электрички и метро).

До меня донеслось фимовское: «Я уже предупредила, так что не получится». Она всегда защищает Чингиса!

Чингис упился. Спустился в процедурную четвертого этажа пить из ампул витамин В₁, «чтобы не пахло». Оставшиеся за столом оба фельдшера, медсестры Люба и Марина (из Саратова) уговаривали старшую не жадничать и принести еще спирта.

На следующий день психбольница была пуста. Встретилась одинокая именинница с тремя шприцами. Элтон строчил рапорт на Чингиса, что вчера тот «бездельничал». С Элтоном — понятно, он жил в больнице. Слабые на похмелье женщины-врачи, не жившие в больнице, после дня рождения Альбертины Михайловны на работу не вышли. Чингис ушел к Гиммлеру и «капал» там на Элтона. Вечером он попросит у меня четыре-пять историй, чтобы «отписаться, что работал». Дневники, как водится, кропались без вызова боль-

ных. Вчера Окунева по приказу экса спрятала от Чингиса истории болезней II-го (хронического) отделения, чтобы лишить его возможности сделать записи, подтверждающие, что он «работал». Апогей конфликта.

Сидим с Чингисом, сплетничаем про Хучелидзе, который то один, то для развлечения с кем-нибудь еще (Жидаевым) третий год коротает уклонение от уголовной ответственности за серию убийств в камере, смежной с кабинетом Элтона. Хучелидзе в открытую говорил мне и Чингису, что, помимо платы за мобильник, ежемесячно платит четыре тысячи рублей за «номер с удобствами». «Он и Мих Нику ежемесячно отваливает», — зло подводит итог Чингис. Полуправда(?) переходит в паранойю: «Кстати, вы ключи из кармана у меня не брали?.. Значит, он вытащил. Он (Элтон) еще и не на то способен!» Вспоминаю, как недавно Чингис спрятал мои пронумерованные тюремные ключи. После четверти часа растерянности и страха Чингис отдал, предупредив, чтобы я был внимательнее, «а то с работы не выпустят».

Больных весь день на беседы к врачам не выводили. Поставили на этаж инспектора — женщину. Она: «Наказали!» Поставили на пост, но запретили больных выводить. Понимай, как знаешь.

07.08.09

Три дня нет Элтона: спровоцировал гигантскую проверку ПБ и уехал... «болеть» в родной Ульяновск. Начальницей заступила Окунева. Итог: все спустя рукава.

Руководство Окуновой выражается в том, что она с утра до вечера смолит сигарету за сигаретой в чайной (столовая на пятом этаже ПБ). Группируется со старшей медсестрой II-го психиатрического отделения И.Л. Не расстаются. «Мы с Тамарой санитары, мы с Тамарой ходим парой». Проходят этаж за этажом, рассуждая о необходимости чистоты в отделениях. Благодушно матерятся, называя друг друга бл... И что примечательно, отзываются, когда подруга бл... назовет.

Невидимая за тонированным стеклом проходной некая всем известная в тюрьме сука (младший инспектор 2-й категории) выговорила мне за ежедневные тщательно рассчитанные на 7 минут досрочные уходы с работы.

Начальник Бутырки уехал отдыхать на Гоа, замначальника по воспитательной работе — в Акапулько. Наш удел — получать замечания на входе в сральню.

14.08.09

Еще вчера Элтон, будто не веря своей отставке, ходил разбрасывал крысиный яд вокруг нашей тоскливо-желтой психбольницы. Умерщвлял отравлявших эстетическое чувство невинных грызунов. Потом привычно звал к себе меня. Показывал пополнение библиотеки: купленную за 998 рублей иллюстрированную монографию «Лечение эхинококкоза легких омелой» (или керосином, точно не помню, скорее — омелой, это растение). Монография — труд трех современных авторов. «Хорошая и нужная книга!» — «Случалось ли?» — дежурный вопрос вежливости и зна-

комый до боли ответ: «Да, и у одного весьма значительного человека!»

Сегодня его упакованные в клетчатые «челночные» сумки вещи выносят эки-санитары в предоставленную начальником тюрьмы Комковым «газель». В какой Березов понесет сия белая лань нашего неутомимого труженика псевдонаук? На последнем отмечаемом в тюрьме дне рождения шеф, как всегда без сбывания, обещал научить меня ушному иглоукалыванию: «Покажу и смертельные точки!» Нет более «Мардоха» Николаевича. В Ульяновске ли он, далее?.. О.В. плакала в платок, когда, нагнув голову, никому не говоря прощальных слов, Элтон от нас уходил. Мы стояли, он шел. Если не действия, то ждали звука. «Артист» не сыграл и спиной. И это было страшнее и печальнее. Не к пиле, но к попе шли веточки его срамного нерва. Неужели эта девиация перебивает все вместе взятые отклонения человека неординарного, доктора талантливого. Как нам жить без...? Поживем...

Часть II

ANAMNESIS VITAE
(ИСТОРИЯ ЖИЗНИ)

21.08.09

Ушедшая неделя была замечательна лишь вчерашними криками с угрозами «отрезать руку красной суке», выданной на-гора больным Вироненном со товарищами. Кипеж подняли из-за двух паек завтрака, недоданных балантерами (от слова «баланда» — баланду раздают). Для Вироненна спор закончился вызовом усиления из восьми человек с дубинками и последовавшей «резинкой».

Почти двухметрового роста, голый худой шизотипик, с гордо вскинутой неусмирённой головой проследовал в засранное узилище эрмитажа.

Врач-дерматовенеролог (в изменённой реальности Кошкиного дома — терапевт) Лала Викинговна Голышкина, когда отсутствуют или в отпуске психиатры, описывает за них психстатусы больным, ставит диагнозы, готовит на СПЭК (судебно-психиатрические экспертизы). В Бутырке свободна ставка кожвена, но Лала три дня в неделю трудится терапевтом (разрешили — далеко ездить из-под Александрова). Некоторые диагнозы Лалы Викинговны достойны Книги анти-Гиннеса: «гастрит без уточнения», «алкогольная

нейропатия». Она отчего-то бережет никотинку, ругает меня, если я назначил. Любые болезни живота лечатся у нее ранитидином. «А что? Если у нас больше ничего нет?!» Удивительно, но она не любит кожные болезни! После того как в Бутырке появился один, а позже — целых два дерматолога, стала приглашать их. Лала Викинговна по уши в синдроме Адлера: себе не верит на йоту. «Кроме Бутырки, меня никуда не возьмут!» А ведь в свободные от Бутырки дни работает же дома кожником-венерологом.

06.09.09

Прошло пять месяцев, как я работаю в Бутырке (с 02.04.09). Ныне — на больничном: пью по таблетке кофеина-бензоата натрия и иду на прием к врачу 3-й поликлиники ГУВД, что на Алексеевской. Взвинтил АД до 160/110. Поставили диагноз гипертония 3-й степени. Добиваюсь сердечного санатория.

Эмвэдэвские доктора (терапевт Мышкина) то ли верят мне, то ли жалеют, сами трудом затраченные. Однако кардиолог — злобная незамужняя толстуха отчитала: и от детей я бегу, и нанятая мною нянька дорогая. Сказала: «Ешьте меньше жирного!» Я ей: «На двадцать одну тысячу в месяц вы хотите, чтобы мы вырезку к столу покупали?!» Нерастраченный шар (кардиологша) обещала на сутки обещать меня датчиками и «вывести на чистую воду»... А мы в ответ — в осеннюю воду вплавь да по кофеинчику.

За пять месяцев у нас в ПБ сошли с ума двое из персонала.

Санитар-зэк Денис, отчисленный студент второго курса юрфака, вдруг стал есть таблетки душевнобольных и загаллюцинировал. Я завел на него историю болезни, описал первично, потом — каждый день, все как положено. Дениса посадили в камеру бээсэсников (бывших сотрудников правоохранительной системы — отдельно, чтобы «черные» больные не побили).

«Черные» — уголовники, по цвету тюремной робы, «красные» — сотрудники, по цвету прежних, советских, околышей. Зоны делятся на «черные» (меньшинство) — контролируют «авторитеты», администрация — для вида; «красные» (большинство) — контролируются администрацией — реально. Бутырка считается «красной».

Прощтрафившаяся контролерша с входных ворот вдруг заработала у нас на коридоре II-го отделения. Ходила в белых перчатках, так на воротах брала ключи. Поясняла: чтобы заразу не подцепить. Чуть позже записалась на прием к психиатру ГУВД. Во время приема неожиданно укусила психиатра за руку.

Нашу психбольницу расширяют. Скоро после ремонта откроют второй этаж. На трех этажах дуракам уже тесно.

19.09.09

За то время, что я болел: с 02.09 по 14.09 (АД) — ни один из двадцати пяти прибывших больных осмотрен не был. Все без лечения ожидали моего возвращения. Представим, если б я ушел в отпуск на положенные два месяца! Кое-где О.В. сделала жалкие царапки в одно-два предложения. Острых

больных медсестры лечили самостоятельно по минздравовским схемам, прикрепленным к стенам обеих процедурных.

В этом гуляй-поле 501-я камера неожиданно набросилась на несовершеннолетнего Мариновского. Возможно, хотели «опустить» (спецобряд з/к: удавка на шею, придушенного загнуть, задний проход прижечь огнем нескольких спичек, наречь женским именем и как женщину дальше использовать), но забили насмерть.

О.В., как и в случае с Курицыным, не верила и тормозила общепризнанный синий труп. Человек околел не сразу. Удивительно другое: рентгенолог Бутырки, в общем-то славный человек, подрабатывающий на скорой, на произведенном снимке *не увидел* переломов шести ребер и перитонита в два литра. Заключение местного светила: патологии не выявлено.

И все же: 4:0. Это во II-м отделении, где был и мудрый властолюбец Чингис, и вздорная истеричка О.В. Доколе, Господь, милуешь меня? За что прощаешь грешника?

Судьба умершего была настолько безразлична лечащему врачу, что Чингис не поехал на вскрытие. Не вышел на работу под предлогом поездки в морг, а сам ограничился телефонным разговором с патологоанатомом. О.В. осудила Чингиса в приватной беседе со мной и Крабовым (Гиммлером) и... продолжила бездельничать. Ее и старшую сестру II-го отделения всегда можно разыскать в сестринской, отданной под столовую (пятый этаж; если стоять спиной к входу — слева). Там они курят и болтают часами. С ними обычно и покуривающая «тайно» Гордеева.

27.09.09

СПИСОК
78
или Дети во
цкого,
не умирают...

Грымов Алексей Владимирович — этого провинциального доктора (расхожий штамп профессора по облику, не по внутренней сути) я видел два дня. Почти год он находился в отпуске, добившись суммирования неиспользованных отпусков за несколько лет. Грымов, второе колесо антиэлтоновской коалиции, сардонически торжествовал: «Как минимум на месяц раньше пидора уволят!»

За 12 лет службы во ФСИНе майор внутренней службы врач-психиатр Грымов не добился жилья в Москве и мстил, давя кому-то на психику, ночуя теплыми и не очень весенне-летне-осенними ночами на лавочке пред входными воротами Бутырки. Для крепости сна доктор принимал на грудь. Не единожды сотрудники, выстроившиеся перед КПП, стояли подле заспавшегося психиатра.

Ему не простили ни отпуск в год, ни сон в подворотне. Робин Гуд, он добился дополнительных психиатрических отпусков (один месяц, у аттестованных в зависимости от выслуги и больше), положенных по закону, но не признаваемому в Бутырке, для всего медперсонала Кошкиного дома! Чудовищно! Какая несправедливость! Изгоняемый Грымов обещал мстить, и люто. Из курской деревни он достает московское начальство, звоня в суды из автомата.

Из других «подвигов» Грымова: в ПБ не забывается его поездка во Владивосток, имевшая целью создать иллюзию командировки для покрытия паузы между двумя отпусками. Из Дальневосточного УФСИНа отзвонился в столицу, дабы не заподо-

зрили в обмане. Попросил и получил деньги на возвращение!

Рекордсмен отпусков, Грымов клял управление, признаваясь в желании «поработать до Нового года». До заветных двенадцати с половиной лет ему оставалось 6 месяцев.

Грымов любил улыбаться: соломенные густые усы на матером лице, дородная голова дородного тела, два выбитых верхних резца («Упал!» — позже узнаем правду) — калька жизни психиатра, отданной тюрьмам и лагерям. Почему он не вставит зубы? Да все недосуг!

04.10.09

Среда ознаменовалась явлением отечественных правозащитников. Я столкнулся с престарелыми тетками, когда мы пересекали КПП, расходясь в разные стороны. Они входили. Рассмотрел американскую ID-card у наиболее неважно одетой старухи — хотелось подать. Другая держалась не без изящества, вышагивала в белом пальто.

Надурили обеих. Привели в дамскую камеру нашей ПБ (поведала О.В. Окунева). Кровати заправили чище, чем в армии. Зэчки впервые за две недели намыты, оттого животны радостны. На любые подковырки старух построившиеся психбольные браво отвечали: «Жизнь — сказка. Спасибо, все есть, ничего не надо».

«Хозяин» Д.В. Комков и его люди расплывались ущербными улыбками каменных фейсов. Старухи не доверяли: «Что-то больные у вас заученно отвечают?» Прорваться через тренинг лжи было невозможно. «А лекарства у вас современ-

ные есть?» — хитро прищуривались они. «А какие современные?» — принимала удар Окунева. После отплытия теток тюрьма над ними ржала.

Чингис взял за привычку прихватывать в метро бесплатную газету с соответствующим месту раздачи названием. Во время утренней поверки он раздавал газеты больным, т. к. «они имеют право на информацию». Часть газет передавал мне для I-го отделения. И вот в пятницу вышли в смену две матерщинницы, давненько растерявшие честь, совесть и вообще все, что встречается у человека и у женщины в частности.

Эти медсестры, достойные кинокамеры Тарантино, материли больных во время обхода почем зря. Не мывшимся по полмесяца по не зависящим от них причинам советовали «мыть яйца холодной водой в раковине». Видавший виды, я содрогался.

Днем началась кампания по массовому забору у больных крови на ВИЧ и сифилис. Я стоял в дверях ординаторской, «реализуя право больных на информацию». Заметив, что рекламные издания оказались у обматеренных больных, медсестры вырвали у них из рук газеты и швырнули на пол. Что обозлило? Да «неуместный» вопрос, когда же, наконец, будет баня? Мое существование игнорировали. Часть газет сестры не просто бросали, но прежде — рвали в клочья. Вот имена этих героинь: тулячка Лена Фимова и Любовь Станиславовна Цветикова.

«Проворовался» замначальника тюрьмы по воспитательной работе Полкин. Тот самый, кто, увлеченный собой, в первый день моей работы, проводя какой-то псевдоинструктаж, спросил меня,

четыре раза больше установленной минздравом нормы.

Врачи во II-м отделении есть, но я брошен с I-го в тартарары II-го. Гордеева и Окунева ничего не делают «по понятиям»: одна как начальник больницы, другая, ее закадычная подруга, как начальница II-го отделения.

Я, видимо, лишусь отпуска в декабре: Чингис со своей стеничностью отберет, хотя право на моей стороне. Окунева намерена отдохнуть + болеть тоже до Нового года, потом уйдет в отпуск за следующий год.

Гордеева, отработав начальницей три недели, оставляет вместо себя Чингиса и уходит в Серпы... учиться на психиатра! Оказывается, за годы работы в ПБ (до этого трудилась сначала где-то кардиологом, сама из Владимира, потом терапевтом в медсанчасти Бутырки) не обзавелась соответствующим сертификатом. Что ж, подучиться ей не помешало бы! Накануне учебы она на полном серьезе уверяла меня, что все психические болезни можно лечить одними витаминами. Эльтон же купировал приступы шизофрении внутривенными вливаниями глюкозы!

11.10.09

Выборы в Мосгордуму. Гордеева предупредила: за три дня до выборов в день проведения не настаивать, если больные отказываются от приема лекарственных средств, три дня — никаких уколов. В случае вопросов психбольных москвичей, за кого голосовать, рекомендовать голосовать за Лужкова. Я издевательски предложил раздать по

камерам агитационные листовки. Гордеева поджала губы. Показывая пример, она отменила назначенные мною уколы антидепрессантов убежденному самоубийце Лукашенко, заменив курсом витаминов.

На двери тюрьмы наклеили объявление, требующее, чтобы все работающие в день голосования москвичи-тюремщики взяли по месту жительства открепительные талоны и голосовали за колючкой. Меня, беспогонника, на работу в день выборов не выставляют. Гордеева: «Отдыхайте. Мы как-нибудь сами!»

12.10.09

Больной Марзоев «выдал» психопатическую реакцию: бесился в «стакане», материл связавшегося с ним Чингиса. Фельдшер Дымов по дурости выпустил придурка, и тот побежал по коридору, призывая: «Врачей на ножи!» Другой лозунг октябрьской революции: «Долой галоперидол!»

Я вызвал усиление, дабы уколоть и изолировать смутьяна. Марзоева уговорили водвориться в камеру без укола. Появился опер, видимо состоящий в «особых» отношениях с Марзоевым. Он снова вывел Марзоева в коридор, обнял его за плечи, ласково внушал не бузить. Марзоев ответно улыбался, тряс непокорными кудрями, объяснял свое поведение так: «Я просто сильно какать захотел. Неудобно, но приходится признаться».

Явилась и Гордеева. Тут же отменила мои назначения Марзоеву: «У нас не карательная медицина!» Трогать, т. е. лечить, Марзоева нельзя

(болезнь его проявляется подобными психопатическими эксцессами). Причина проста: Марзоев не признает себя больным, т. е. у него нет критики к расстройству личности, которым страдает, но он хочет по ряду причин находиться в ПБ, платя оперу, а возможно, и выше.

Завершается эпопея с самоубийцей Харбиным. Сорокалетний суицидник перерезал себе горло. 30 сентября его осмотрели, перевязали, 10 октября терапевт сняла повязку (десять дней он не перевязывался). Я любопытствовал, зашел в перевязочную, и — о ужас! — обнаружил трахеотомию. Вот уже десять дней Харбин дышит, кроме рта и носа, еще и через дыру в дыхательном горле.

Две недели назад бутырский хирург пытался закрыть дыру в трахее кожей, без пластики (сшивания) хрящей! Хирурга ждали в субботу, в пятницу не было. В субботу хирург не пришел, не отозвался и в понедельник. Сегодня Лала Викинговна и Гордеева направляют Харбина в 1-й изолятор (Матросская Тишина). Считается, что там лучшая в Москве тюремная соматическая больница.

Харбин жить не хочет. Просит нож, скальпель, чтобы «дорезаться до конца».

13.10.09

Чингис за обеденным чаем: «Она (Гордеева) не вправе посылать вас на прием граждан».

«Когда я стану начальником (Мечты! Мечты!), никто, кроме меня, не будет туда ходить! Там дают взятки!»

Подозреваю, что на приеме граждан не только дают взятки, но и берут.

Во вторую половину дня четверга на прием граждан (за территорией, около первого КПП) приходят родственники узнать о состоянии больного, и пытаются, по неведению, повлиять на ситуацию: через невменяемость вывести из-под уголовной ответственности дорогого человечка.

Вменяемостью занимается институт Сербского, а не Кошкин дом. В Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского для принятия решений не интересуются ни нашими историями болезни, ни выписками. Они семи пядей во лбу! А ведь больные проводят у нас до полугода. Мы долее наблюдаем их, чем Серпы за две-три недели. Диагнозы Серпов часто ошеломляют. Возвращающиеся оттуда больные (они ожидают сначала суда, всегда следующего рекомендациям Серпов, потом отправки в спецпсихбольницы) подчас рассказывают о суммах, вложенных в «золотой» диагноз.

Помещение для приема граждан — небольшая белая комната. На каждой стене, кроме фасадной с окнами, бумажки с текстом, предупреждающим об уголовной ответственности за дачу и получение взятки. В правом верхнем углу за спиной врача не дремлет видеокамера. Так что процесс для рискующих дать и получить небезопасный. А доходит до смешного! Один кавказец выставил передо мной на стол прямо под видеокамеру бутылку дешевой водки и коробку конфет, попросив «спасти сына от пожизненного заключения». После окончания приема я швырнул водку и кон-

феты в ближайший мусорный ящик. Но начальник отдела кадров за мной шел, следя, не соблазнюсь ли.

16.10.09

Сегодня на тюремной площади снимали эпизод к/ф «Любовь-морковь 2» или «-3». Гоша Куценко должен был имитировать приземление на парашюте. Орбакайте и других звезд не было.

Событие значительное: начальству занесли в конверте. Отменили обычное пятничное утреннее собрание сотрудников на первом этаже соматического корпуса, справа от церкви — не зная, мы с Гордеевой сходили зря. В день кино несколько камер ПБ, в т. ч. 453-ю, написавшую по этому поводу жалобу, немедленно инспекторами разорванную и брошенную в помойку, в баню не повели.

Банщик — майор Володя Поспешев (тот самый поклонник Муссолини, у которого сестра живет в Италии, сам — который год в тюрьме, каждый день заевшая пластинка про «свой кабинет» в Бутырке 6 на 4 или около того) был занят на съемках. Володе, как *имеющему опыт работы в кино*, доверили набор и руководство бесплатной массовкой из сотрудников. В чем опыт Володи? Он снимал на личный мыльный видик посещение Бутырки Микки Рурком. Гений вживался в предстоящую роль, ложась на эковские постели в отряде. Как вшей не нахватал?.. Володя мне запись показывал! Не мне одному. Микки Рурк в Бутырке стал главным событием Володиной жизни... Разве после Муссолини и *его друга*.

Ассистент переводил модного режиссера, а Володя транслировал сотрудникам на нашем птичьем языке, т. е. с матом, сдержанной мимикой и жестикуляцией, характерной для долго работающих в уголовно-исправительной системе. За тридцать метров слышался срывающийся на визг крик Володи: «Тихо! Съемки идут». Этот крик слышали и наши 250 больных, не выводимых в тот день не только в баню, но и на прогулку.

Наши больные, врачи и медсестры припали к зарешеченным окнам, высматривая знаменитостей. Некоторые (Лала Викинговна) не выдерживали, изобретали дела в административном корпусе, чтобы *ненароком* пройти мимо съемок. Она видела начальство: главбуха и зама по воспитательной работе Полкина, восторженно трепетавших поодаль фургонов с осветительной аппаратурой. Центр всего — разложенный на асфальте плаца парашют.

Мы жадно ждали вестей. Обступили вернущуюся Лалу. Она вещала. Хотели знать больше. Лала предложила *по какому-нибудь делу* сходить в административный корпус мне. Я отказался.

Прошел святой день искусства, а в среду новый повод, чтобы не работать, т. е. не выводить больных в баню и на прогулку, медсестрам — не выполнять врачебные назначения: в среду грянул Покров. В Бутырку высадили десант из двадцати попов с владыкой.

Начальник сектора Неба вылез из приличненькой «вольво» представительского класса. Душевнобольные получили от епархии нательные кресты, носки. Тетрадки и авторучки с прокламациями о празднике.

Как в таких случаях водится, батюшки отпиروвали с начальством. Меня всегда поражает, как, прощаясь после застолья, начальники с зажженными сигаретами благодужествуют с духовенством.

20.10.09

Вчера на дверь тюрьмы (КПП) повесили объяву: всем сотрудникам уколоться от гриппа, в т. ч. «свиного». Во время работы обсуждали, кто хотел, кто — нет. К обеду уточнили: вакцин всего восемьдесят, поэтому колоть станут от майора и выше. Очевидное преимущество больших звезд!

Окунева и Чингиса тащат к следователю по поводу юного Мариновского. Старики прошляпили. Что же? Чтобы не ходить к следаку, не слышать неприятного, Окунева ушла в отпуск, Чингис тоже второй день не выходит. Заявил: «Я — на ВВК» (воинская врачебная комиссия). Уж не оформляет ли он на манер ненавидимого им Элтона инвалидность по приобретенному психическому заболеванию? В общем, оба «халатника» (обоим вменяется преступная халатность) от правосудия попрятались.

21.10.09

Терапевт Голышкина по поводу своего дня рождения пронесла наливки: отвлекла разговором охранника; тот проверял ручные сумки, бутылка была в сумке через плечо.

Пять человек: именинница, два фельдшера (Люда Людочкина и Дымов), врио главврача Гор-

деева и дежурная медсестра Цветикова пили и пытались захмелеть. Удалось: Гордеева быстро начала путать чай с соком (третья стадия?).

Подонок Марзоев, в понедельник призывавший посадить врачей на ножи, теперь подговорил всю 457-ю камеру к голодовке, пока не поведут на прогулку и в баню. Задержка произошла из-за недавних киносъемок, Покрова и нехватки персонала. Пришел улаживать опер Вострыкин.

Печально, но подонок Марзоев прав: без бани народ вшивеет. Но как тот же «народ» в короткий срок засрал свежо открытый после ремонта второй этаж!

Полы немытые (должны мыть больные сами), стены разрисованные, туалетные двери вырванные, заменены навешанными серыми тюремными простынями, унитазаы с налипшим калом, ручкомойники в зубной пасте и мыле, через камеры натянуты веревки, где сушится постиранное в тех же умывальниках жалкое белье.

Чингис снова на больничном. Гордеева звонила. «Не поверите: не схожу с унитаза!» Не поверим. На его столе наткнулся на небрежно брошенную распечатку из Интернета: родословная потомков Чингисхана, потомки XIII—XVII веков. Далее уж своей рукой проведено до нынешнего Чингиса. Паранояльное развитие психиатра налицо.

24.10.09

Около месяца ждет СПЭК (судебно-психиатрической экспертизы) больной Новощенов. Он — каратист, участвовал в поединках. Чемпион? Кога: то убил ударом ноги.

• кредо,

Новошенова в наручниках привел спецназ. Новошенова бояться. Его поместили в отдельную камеру. Кроме него, там никого нет. Новошенова не выводят в баню и на прогулку. В камеру к нему не заходят. Еду передают через решетку. Я его не смотрю. Инъекции ему не делают — сестры боятся колоть. Таблетки тоже не выдаются.

При передаче смены принимающий контролер при выведенных в коридор заключенных заходит в камеру для досмотра. Новошенова не выводят. В камеру к нему не заходят. Возможно, страхи если не надуманы, то преувеличены.

Это полувосточный молодой человек с треугольным лицом и раскосыми глазами. Довольно симпатичный, он зарос черными волосами — стричь тоже бояться. Новошенов, если и был здоров, от одиночества спятил. У него блуждающий безумный взгляд круглых глаз. От людей Новошенов прячется.

Открываем дверь. За ней — решетка, а дальше нет Новошенова. Он свернулся калачиком на кровати сразу за фанерным ящиком туалета. Стены санузла не до потолка. Он может кошкой сидеть на них. Готовится ли для удара, думает, отдыхает? Предполагают худшее. Инспектора переглядываются: «Где он?» Видим загаженный, закиданный хлебными крошками пол, надгрызанные куски черствого хлеба (кроме хлеба, Новошенов ничего не ест), а дальше — пусто. Но это не пустая пустота, она предполагает наличие человека. Он невидим и все же ощущается. Жуткое чувство. «Его нет?» — «Как нет, — говорит маленький инспектор, азербайджанец с золотыми зубами Алик. — Должен быть!» Действительно, не фокусник Гуди-

которое собирается донести до врачей и сестер на общем собрании: «К черту больных! Главное: нам (персоналу) прикрыть свою жопу». Конец цитаты. Мы перевернули страницу.

20.11.09

Отчего врию главврача так дрожит, когда я целую ее в шею? Ну не надо же так зверски краситься!

23.11.09

Перед самым моим уходом с работы «вскрылся» больной Игнацев. Ему и дела не было, что незадолго до этого врию Гордеева принесла коричневые сигареты и угостила «подружек»: Окуневу и Возницыну.

Одурманенные никотином врию главврача, начальница II-го психиатрического отделения и старшая медсестра того же отделения не оторвали поп, чтобы помочь истекавшему «за стенкой» кровью Игнацеву — дорогие сигареты были выкурены только наполовину, уже «зацепило», но основной дурман ждал впереди. Позвали со второго этажа меня с медсестрой Сюзанной.

Мы поднялись на четвертый этаж, где раскла- нялись с прибалдевшей «начтройкой», пьяными голосами вразной дававшими указания «поставить *косилу* на место».

Игнацев сидел в луже крови в «выписной» камере в конце коридора. Бедняга не хотел покидать стены психушки: «Здесь лучше!.. Ничего, ничего. Сейчас я встану», — бормотал он, весь в крови,

как резаная свинья, растопыренными пятернями размазывая быстро густеющую кровь вокруг себя по тюремному полу.

Да, у нас лучше, чем в том бушующем страшном мире за тюремными воротами. У нас многое понятнее. Отношения до крайности обострены и тем очищены от ряда мучительных условностей. Кошкин дом — идеальный антимир.

24.11.09

Бухгалтерия отказывается платить мне зарплату за ноябрь и производить какие-либо выплаты в дальнейшем, пока не придет письменный ответ из 3-й поликлиники, подтверждающий подлинность моего больничного. Я в «черном списке», т. к. посмел болеть дважды: в сентябре 02.09—12.09 и в ноябре — те же цифры. Запросы в поликлинику, чтобы подтвердить мои больничные, поручено писать Гимmlеру. Он ходит вздутый бесконечными проверками в связи со смертью в СИЗО-1 подследственного миллиардера Магницкого. Простодушный, сегодня я впервые услышал эту фамилию.

Причина репрессий по больничным: обнаружение, что майор Пен купил и подал фальшивый — синий и маленький, а не большой и белый, как на «гражданке».

Об Элтоне говорили все меньше. Вспоминались мужчины — «друзья», жившие неделями вместе с ним в его кабинете. Одного такого я сам видел: шустренький, маленький, ростом с Элтона, глаза в пол, ни на кого не глядя, летит в туалет.

Впрочем, видел я и девушку. Тоже аккуратненькую, тоже маленькую, в короткой юбке, сидевшую

утром у него на диване. На мой нагло-бестактный вопрос, кто она, девушка ответила: «Не обращайтесь внимания. Я — так». В коридоре тогда еще подошла заинтересованная Гордеева и спросила, кто у Трибасова. Я кощунственно ответил: «Там — «я — так»...» Но все-таки имел же право одинокий психиатр на личную жизнь.

Постоянно, обычно за чаем, вспоминала о Мих Нике хорошим словом лишь престарелая медсестра Татьяна Игнатовна, лишенная возможности трудиться во Владимирском центре за какой-то «повешенный» на нее труп: «И вот стучится как-то Мих Ник ко мне в сестринскую ночью и говорит: «Возьмите, заправьте, Татьяна Игнатовна, капельницу и пойдём на общий корпус». И идем мы с ним темной ночью, часа в два, пурга, тюремные собаки воют. Он впереди меня, чуть нетрезвый. Сзади я — с капельницей. Ответственный был начальник!»

Но нами правит женщина, и уже не первый месяц.

ДОПОЛНЕНИЕ К АНАМНЕЗУ VITAE ET MORBI

Я родился в одной семье, рос в другой — у дяди, бездетного брата моей родной матери. Дядя всю жизнь проработал врачом, на пенсию он вышел с 57-летним стажем. Им и тетей-учительницей было определено стать врачом и мне. Они, как и физические родители, субсидировать немедицинские обучающие программы отказались.

В четыре года я читал. В школу пошел в шесть лет. Четверок у меня не было, но на золотую ме-

даль не подавали. В 16 лет я поступил в мединститут. Только я и еще один парень при проходном 21 балле набрали 24, т. е. высшие баллы по всем вступительным экзаменам, кроме одного (физика). Шестью веселыми годами пролетела юность.

Как апостола Петра, меня трижды спрашивали, хочу ли я работать психиатром в уголовно-исправительной системе. Из трехсот участников распределения мой номер был шестидесятым, и я мог рассчитывать на место терапевта в райцентре. Мой приемный отец, в то время врач с 45-летним стажем, прислал справедливую бумагу, что я достойно зарекомендовал себя во время практики. Меня хотели отправить к отцу, но я стремился к самостоятельности, любил психиатрию. По предмету я получил «хорошо» вместо «отлично», но только потому, что принимавший экзамен усмотрел депрессивную триаду у меня, а не в формулировках ответа. «Нет, — твердо сказал я. — Никакой терапии. Хочу работать психиатром в системе УИТУ (управления исправительно-трудовых учреждений) Волгоградской области».

До сих пор не жалею, что не отрезался от психиатрии. Работа оказалась жертвенной.

И вот где-то то ли в июле, то ли в августе я уже месил грязь незабвенного села Дворянского. Там располагался спец (психиатрическая больница специального типа), где мне определено трудиться.

Сандалии расплзлись, носки промокли насквозь, сорочка и джинсы повторили контуры тела. Из-за серой завесы дождя проступило желтоватое административное здание. На втором этаже табачно-обкуренный пьяный главврач. Держась за стол, чтобы не упасть, он меня приветствует.

Помещают в коттедж-общежитие. Сплю на кровати врача, который в отпуске. Кругом его вещи. Интересуюсь его книгами по психиатрии. Книги неплохие: Ломброзо, Личко. Между страниц Кандинского нахожу первый порошок кофеина. Много других антидепрессантов. Они использованы в качестве закладок, или книги использованы как тайники для них.

Позже придет владелец книг и таблеток. Он — мой начальник. Пока начальник, он же — единственный врач 6-го отделения в отпуске, я исполняю его обязанности, работаю за себя и «того парня», ведя 106 больных. Сначала все кажутся здоровыми, «косилами», и вот уже учусь видеть больных.

Приходит этап. Все больные побиты. Их пропустили через «коридор». С двух сторон сразу за воротами контролеры встали в две шеренги и пропустили через град дубинок вновь прибывших: для острастки, «чтобы сразу поняли, что такое спец».

Главврач назойливо звонил, выпрашивая морфин «для сломавшей ногу матери». Но меня уже натаскали, как отмазываться от пьяницы и наркомана: «Вы сами приказом запретили держать морфин в отделениях, чтобы «больные не кололись». — «Верно. А я и забыл!»

Врачебные отпуска продолжаются. Сажу в ординаторской, она же — кабинет начальника. Воскресенье, летнее утро. Гул самолетов близкой авиабазы. Параноики: «Третья мировая война давно началась. Врачи нам не говорят...» Звонит телефон. «Это из Москвы. С вами сейчас будет разговаривать Юрий Владимирович Андропов». Верю и не верю. Держу трубку трепещущей рукой. «Алек-

сандр Васильевич?» — «Да». Голос мягкий, вежливый с затаенной сокрушающей, заставляющей уважать силой. «К вам вчера поступил больной такой-то», — не вопрос — утверждение. Вырывается: «Так точно», — хотя не ношу погон, не аттестован. «Я вас попрошу, А.В., не назначайте ему никаких препаратов до понедельника». — «Сделаем, Юрий Владимирович!» — «Здоровья вам и удачи в вашей нелегкой работе!» С того конца провода пошли короткие гудки.

Я застыл с трубкой на четверть часа. Приказ Андропова или человека, назвавшегося именем руководителя страны, было выполнить несложно. Понедельник был завтра, указанный больной прибыл недавно, находился под наблюдением, никаких лекарственных препаратов не принимал. Очнувшись, я бросил трубку, кинулся к сейфу. Там лежали уголовные дела больных, решением судов признанных невменяемыми на момент совершения преступления, освобожденных от уголовной ответственности и находившихся у нас на принудительном лечении. Несколько секунд, и в руках шелестит дело человека, о котором просил Андропов: двадцать эпизодов по угону легковых автомобилей в Москве. Каждый раз на протяжении двух лет «не осознавал характера своих действий и не мог руководить ими».

На следующий день вся больница только и говорила, что со мной разговаривал Андропов. Об этом в больницу сигнализировали сверху. Меня вызвали к начальнику больницы Давыдову для комментариев, меня зауважали. А к середине дня прибыл спецтранспорт и названного то ли больного, то ли здорового увезли незнаемо куда. Я часто ду-

мал, зачем Андропову потребовалось звонить напрямую врачу. Поработав годы, я пришел к выводу, что он опасался: пока приказ пройдет сверху вниз по системе, больного успеют заколоть. Тем более в воскресенье приказы в России идут трудно: все начальники на дачах, в банях, на рыбалках. Знал Андропов свою систему. До винтика знал. Подстраховался. Много позже, шатаюсь по Госдуме, я познакомился с внучкой Андропова Евгенией, которая работала помощницей депутата М. По разговорам с ней я предположил, что мой «больной» был их родственником. Но это только мое предположение.

К нам приходили письма и посылки с теплой одеждой и продуктами питания для больных из-за границы, на них подчас с фантастическими грамматическими ошибками значилось: «В концлагерь для политзаключенных». Из 106 больных по 58-й статье (антисоветская деятельность и пропаганда) в нашем отделении были лишь двое: поэт Комаров (растление малолетних) и писатель Казиев (де-факто — участие в создании Конфедерации народов Кавказа, де-юре — убийство нескольких лиц на бытовой почве). Дело Комарова получило огласку, потому что его жена ухитрилась перебежать из очереди в Третьяковку в раскрытые ворота канадского посольства напротив, когда оттуда выезжала машина. Она попросила убежища и заявила об «объявленном дураком» муже-диссиденте. Представляю, сколько раз ей приходилось для исполнения этого трюка простаивать в очередях в Третьяковскую галерею!

При Горбачеве спец в Дворянском закрыли смешно: нас на митингах называли «товарищи

дворяне». Как встарь, открыли женскую колонию. Врачей разаттестовали. Врачи рассеялись, в большинстве осев в ближайшем Волгограде. При Ельцине спец снова открыли. Он существует и ныне. В нем — новые врачи. От нас через Кошкин дом туда идут больные с Петропавловска-Камчатского, Сахалина, Якутии. Деньги на авиабилеты у ФСИНа есть! Старых же врачей, кого разыскали, пригласили в волгоградскую администрацию и заставили расписаться в иностранной Белой книге, что они «утяжеляли диагнозы» и делали невесть что (расписавшийся товарищ рассказывал). Но ведь больные поступали и поступают с диагнозами Московского института судебной и социальной психиатрии имени В.П. Сербского! На спец-ах диагнозы не ставят.

Не берусь оценивать времена. Что-то было честнее... Но в целом Система та же. Для меня лично важным итогом стал разговор с руководителем страны. Мне открылось, что и простой психиатр способен в известный момент сыграть ключевую роль, оказаться, так сказать, на острие...

26.11.09

В ночь на сегодня кто-то вскрыл комнату в конце коридора, где я переодеваюсь. Я заметил расщепленный косяк — небрежно, широко, с вызовом.

Вещи висят, как должно. Не уверен, что обысканы. Опять мне указывают место. «Старшой»: «Кто-то полюбоществовал». Я известил О.В. Она — опера. Тот: «Отсмотрю видеокассеты камеры наблюдения».

27.11.09

Тюремная почтальонша, принеся в отделение письма, признала, что их перлюстрируют. Внешних повреждений на конвертах нет. Ухмыляется: «Секрет фирмы!» Мы, врачи, делали то же самое в Дворянском тридцать лет назад. Увы, законом эти «секреты» запрещены. В открытом виде больные подают письма на перлюстрацию, но не наоборот.

Чингисхан с 30.11.12 снова в отпуске. Выклянчил у меня отказ от отпуска в его пользу. Обещал вернуться 10.01.10. Обманет! После получения необходимых подписей, в т. ч. начальника тюрьмы, негодяй расхохотался мне в лицо: «Быть вам, Александр Васильевич, в отпуске в апреле! В январе меня не дождетесь!» И далее полный бред: «Мы, буряты, зимой не работаем. Обычай у нас такой». Далее он понес, что буряты и монголы — один народ. Чингисхан — бурят.

Наш ловкач в 2009 г. ухитрился из 12 месяцев проработать 6. И все как с гуся вода! Преимущество аттестации (герой — майор внутренней службы) и жены — терапевта, вместе с врачом-подругой, «рисующими» ему бесконечные больничные.

На обходах больные буквально воют от Чингисова невнимания. Два трупы и несколько десятков нелеченых больных — результат манкирования им своими служебными обязанностями. Опять мне вести его больных. Своих больше ста, т. е. — 250. Начальник и замначальника ПБ Кошкин дом согласно служебной инструкции больных не ведут. Они как воры в законе. Ничего не подписывают, чтобы не попасться. Лишь унизительно утюжат мозги нам, простым психиатрам.

29.11.09

Вспомнил: во время инспекции Н.Ф. спросила больных, как они стригут ногти. Ответ поразил простодушием:

- Грызём.
- А на ногах?

Ответ не прозвучал.

30.11.09

К вопросу, что некто взломал замок в комнате, где я переодеваюсь, и копался в моих личных вещах. И.Л. Ашанова, старшая медсестра II-го психиатрического отделения: «У нас (в Бутырке) были случаи, когда и героин сотрудникам в карманы подкладывали... Ну, чтобы избавиться от неудобных... Когда я на Кошкин дом сестрой-хозяйкой устроилась, в первую же ночь у меня со склада украли 14 теплых одеял. Так у нас учат».

01.12.09

Полдня эки-санитары вылущивали из блистеров и выбрасывали в мусорное ведро просроченные таблетки трихоторола и трихопола. Эти препараты, предназначенные для лечения венерических заболеваний, перегрузили психиатрическую аптеку. От неиспользования срок их действия иссяк. Какой злой гений послал эти лекарства, учитывая практически полную (99%) невозможность сексуальных отношений между пациентами в ПБ? Неужто заботился он о факультативных и облигатных гомосексуалистах?

06.12.09

102

СПИСОК

ЦКОГО,

или Дети во не умирают...

Ушедшая неделя отметилась тремя событиями: начальник тюрьмы Комков и замначальника по воспитательной работе Полкин еще трижды не выпускали врачей по окончании дня, пока мы не отчитывались им «о проделанной работе». Полкину и Комкову грозит увольнение по делу Магницкого, умершего в 1-м изоляторе. Как собака в бешенстве кусает палку, они мстят врачам как классу.

Наш начмед Крабов (Гиммлер), которому вместе с лечащим врачом Магницкого Литвиновой (она в бегах, прячется где-то на Украине) грозит уголовное преследование за халатность, то ли действительно, то ли мнимо от «переживаний» сошел с ума. С галлюцинациями и в бреду он лежит в 20-й городской больнице. Служака-ананкаст взял на душу груз нескончаемых обвинений и проверок. Его жаль. Я с Крабовым довольно много общался. Он неплохой человек. Как врач не лучше и не хуже других в Системе. Служил в госпитале во время военных действий в Чечне. В автомобильной катастрофе у него погибла семья. Одинокий взбалмошный истерик.

Особенно отыгрался на нас за Магницкого Полкин, вороватый павлин, таскавший по тюрьме то съемочную группу «Любовь-морковь», то дешевых артистов, поющих в праздник тюрем голосом Аллы Пугачевой: «Все могут короли...», то вживающегося в роль Микки Рурка. «Вы меня по телевизору видели?» Уж Полкину-то мы надокладывались о проделанной работе!

Вторая беда — не дорожки Бутырки, посыпаемые зимой реагентом, от которого портится об-

увь, и не «дороги» межкамерной связи — веревки между окнами. Продолжается сага с больничными. Ровно лишь у Чингиса, а остальным болевшим продолжается задержка зарплат, пока не придут письменные подтверждения подлинности больничных из поликлиник МВД (их в Москве три), где они выдавались или подтверждались (в случае выдачи гражданским медицинским учреждением). Фото попавшихся с фальшивыми больничными майора Пена и еще одной девки из спецчасти висят на доске позора. Ежедневно дважды проходя мимо, с работы и на работу, мы готовы плевать им в лицо, лишь бы начальство повелело дать денег.

Две недели мурыжат меня местные Шариковы во главе с Афиной Палладьевной (Ивановной), всесильной начальницей расчетной группы бухгалтерии. Видели бы вы эту жабу! «Почему ваш больничный синий? Он должен быть белый!» (такой у аттестованных). Отвергнутый бухгалтерией, мой больничный валялся сначала в сейфе у Крабова, потом — у Гордеевой. И вот она отвела меня в бухгалтерию и потребовала денег. Их тут же выдали без всяких запросов и ответов. Требуется еще доказательства тезиса?

Получив наконец зарплату, лицезрел, как бандюки подогнали к проходной грязнящий джип-«тойоту» без номеров. Братва бегом, буквально на руках внесла туда какого-то шарика-пахана, очевидно оправданного. В джип вскочила крикливо разряженная боевая подруга лет сорока. Дико сигналя, джип выскочил из арки, словно сидевшие в салоне не верили удаче: как бы в Бутырке не передумали и не придержали!

11.12.09

Фельдшер Люда Людочкина: «Я перестала делать обходы на пятом этаже. Все записи на беседу к врачу О.В. (начальник II отделения) просто выбрасывает. Больные не смотрены месяцами. Вот они и бесятся. Где врач? Волками набрасываются».

Справедливости ради надо отметить, что, если действительно случается ЧП (в том числе от невнимания), О.В. львицей бросается на помощь умирающим «волкам». Она так и именует себя: «Скорая психиатрическая помощь». Только работает она в стационаре!

Утром врио начмеда Козькина Н.Д., прислана ФСИНом вместо «сошедшего с ума» Крабова, звоня по телефону, искала врачей ПБ. На месте в 10 часов утра, т. е. через час после начала работы, нашла лишь меня. О.В. Гордеева и старшая по обыкновению дурели от табака и чая в столовой, где нет аппарата. Козькина их пожурила, не более.

По делу Магницкого сняты начальник изолятора Комков и его зам — Полкин. Комков переведен начальником оперчасти в СИЗО-7. Где Полкин — неизвестно. Комков уведет с собой и друга, «стоматолога без кресла» Аркашу. Обязанности начальника тюрьмы исполняет Канцлеров.

15.12.09

О.В. («правит» ПБ на пару с врио Гордеевой — подружки, на работу тоже через день ходят по очереди) приказала немедленно выписать больного Насреддинова, нагрубившего ей, требуя после

перевода оставленный в прежней камере принадлежащий ему телевизор.

Не помешал 22-х градусный мороз — Насреддинов был отведен на общий корпус Бутырки в пять минут, без телевизора. Вспомним: двумя месяцами раньше больной Марзоев, обматеривший Чингиса, призывавший к массовым беспорядкам («посадить врачей на ножи»), впрочем, «человек опера», не выписывался две недели, без лечения припеваючи находился в «блатной» с телевизором угловой камере — блатняки сидят в угловых, там дальше от инспекторов и врачей и, несмотря на «глушилки», там берет запрещенный мобильный телефон. Воистину, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Отсутствие или наличие психосимптоматики не играет никакой роли, когда мнимые больные пребывают в ПБ «по оперативным соображениям».

Старшая медсестра II-го психиатрического отделения Инна Леоновна Ашанова за чаем заявила: «Все больные «косят». К Новому году надо выписать всех». И это человек — сотрудник ПБ! Где же ей еще быть?! Многие сестры, фельдшера, врачи ранее служили в армии. Матерятся безбожно. Защита Родины портит нравы?

26.12.09

С 04.10.09 по 21.10.09 у нас лечился некто Беляшов Сергей Александрович, d/s «Алкогольная энцефалопатия с нарастающей деменцией». Амнестический синдром и т. д. После выписки он 52 дня ожидал у нас возвращения в СИЗО-1 (Матросская Тишина), откуда прибыл. Задержка этапа объяснялась неготовностью каких-то документов. В ре-

жиме ожидания возрастной Беляшов все более слабел. 12 декабря он наконец уехал, а 20 декабря умер в СИЗО-1 от сердечной недостаточности.

Еще свежи неприятности с Магницким: сняты начальник тюрьмы Комков и его зам Полкин, грозят увольнением замначальнику изолятора Канцлерову — он сейчас врио начальника Бутырки. Вместо спрятавшегося в городской психушке Крабова (Гиммлера) назначена начмедом Козькина Н.Д., обесцвеченная сорокалетка с кокетливыми золотыми коронками травмированного кролика на передних резцах. И ей не очистить авгиевых конюшен. Скоро 240 лет Бутырке!

Козькина вызывает меня, нашего терапевта Лалу Викинговну и новенькую свеженазначенную начальницу I-го психиатрического отделения сорокалетнюю Пыткину Анжелу Вадимовну и предлагает «подчистить» историю покойного Беляшова, дабы снять вину с задержавшей отправку в СИЗО-1 бутырковской спецчасти. Задача трио — фальсифицировать историю болезни полностью. Старая уничтожается, новой подменяется. Уместные старые записи искусной рукой клеивает в новый корешок, как оказалось, опытейшая в подобных делах Пыткина. «Ничего не заметно?» — знакомый вопрос. «Идеально!» — знакомый ответ.

Особого смысла в подмене, как часто, нет, но береженого Бог бережет. По отточенной версии, Беляшов покинул Кошкин дом в абсолютном здравии. Жить бы. Не горевать бы ему до ста, да старуха с косою. Нет, не жена. Жена, т. е. вдова Беляшова, как раз разборку и затеяла. А он уже больше не «мотался и падал», как в прежних *честных* записях Лалы Викинговны значится. Смерть Беля-

шова не кралась, она громом среди ясного неба грянула в Матросской Тишине.

К чести О.В.: она на поклон к Козькиной не пошла. Нам же троим, если что, сидеть.

29.12.09

Коллективную новогоднюю пьянку отменили из страха. На КПП поставили двоих досмотрщиков ловить проносящих водку: не смей праздновать! «На сухую» назначили концерт с участием труппы, до того, по собственному признанию, выступавших на свадьбах.

Репертуар соответствующий.

Две девицы, Штепсель и Тарапулька, бравировали, что были заняты во втором составе «Иствических ведьм». Где третья? Ведьм ведь было три.

Одна из них же «прославилась» в массовке «Ранеток». На пошлость ржали. Одна из сотрудниц зажгла зажигалку и махала над головой. И снова Пугачева, Кузьмин и Леонтьев в исполнении наглого очкастого тамады. Доколе испытывать станут наше терпение?! Я ушел, когда заговорили голосом Брежнева.

Гордеева, обе начальницы отделений Пыткина и Окунева, старшая медсестра Инна Леоновна ускользнули еще раньше пьянствовать в «Елки-палки». В ПБ не выдали спирт, а выпить тянет...

30.12.09

После экспертизы в институте им. В.П. Сербского возвратился Новошенов («Маугли»). Опять зарос ногтями, усами, бородой и гривой. По-преж-

нему один в двушке. По-прежнему добровольно на воде и хлебе. Камера засвинячена.

Каратиста не перестали бояться. Черный пояс уважают. Снова повторяют про убийство в ресторане небрежным движением ноги. Резюме института Сербского ошеломляет: диагноза нет, от уголовной ответственности освободить, направить на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа. «На свете много есть такого, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам!»

31.12.09

Новогодний шмон выявил на общем корпусе 70 литров браги. Тюрьме ничто человеческое не чуждо. Каждому тут свое. Насчет подарков: хочу такой же джип, как у нашего оперуполномоченного Гечалаева. При зарплате в 20 тысяч рублей — такой размах!

17.03.10

Первый день после отпуска. Анжела без меня запустила дела ужасно: количество больных на 1-м отделении с 55 выросло до 134, т. е. без меня выписки практически не было. Уходили лишь те, кто и так уходил на этап. Коек не хватает. Назначенные были особые камеры для выписанных снова отменены. Выздоровевшие содержатся с «на-смерть закрученными».

Здоровые лежат подле душевнобольных и снова... заболевают.

В кабинет к новому начмеду вызвал не назвавшийся следователь с перебитым носом. Брат боль-

ного Хазлиева, которого «умники» (Гордеева с Пыткиной) объявили симулянтом, вынудив подписать и меня заключение врачебной комиссии, подал в прокуратуру. «Симулянту» в Серпах поставили шизофрению! Отдуваться за высших мне, «простому».

Чингис снова в отпуске, теперь — с последующим увольнением. Уходит и О.В. Муж ее умер. Она в депрессии: «Работать нет смысла!» Пришла новый врач из Тамбова — Елена Эдмондовна Четверикова. Живет у москвича-любовника. Хочет аттестоваться. Будет четыре месяца на испытательном сроке, получая четыре тысячи рублей в месяц. Действительно, испытание!

Отпускные деньги бухгалтерия пыталась мне полностью не дать. Несчастные мы, бесправные!

19.03.10

Халиков И.В. (камера 451), Кирилов Р.И., Расимистов (камера 453) и Оптанов О.Б. (камера 455), последний — бээсник, бывший сотрудник правоохранительной системы, около или больше месяца содержатся в психбольнице без подписанных ими согласий на госпитализацию и лечение в ПБ, т. е. незаконно. Всем троем не выставлены диагнозы, а в отправительных талонах написано: «По согласованию с начальником ПБ Гордеевой А.А.».

Халикова кололи аминазином с галоперидолом, пролонгами, били, разбили очки; контролеры вопили: «Пидарас!» У Халикова 132-я статья — пидарасы теперь у нас не в чести. Особенно изгалялся инспектор хохол Володя, он лупил сидевшего в «стакане» Халикова ногой по лицу. Крики контролеров, плач Халикова слышало присмирившее от-

деление. Медперсонал обходил свалку, в центре которой лежал выволоченный из «стакана», нещадно пинаемый Халиков, ухмылялся. Так ему и надо!.. А еще О.В. Окунева упрекала меня в возвращении к репрессивной психиатрии «страшных времен Снежневского»!

20.03.10

Типичная картина Кошкиного дома: опер Гечалаев орет на душевнобольных, что они «вскрылись». В этот момент Гечалаев похож на язычника, пугающего страстно стремящихся к смерти христиан львами.

22.03.10

В отсутствие врача принимавшая новеньких медсестра Лена Фимова (некоторое время назад граждане имели несчастье вызывать ее на соматической скорой) поставила одному нашему больному диагноз «менетчик». МКБ (международная классификация болезней) отдыхает.

Позже этот больной чем-то сильно задел чувства этой известнейшей в местных кругах бездельницы и матерщинницы, она громогласным визгом, даже с каким-то характерным лишь ей подсвистыванием, потребовала его выписать, причем немедленно: «Смотрите, какую харю наел, менетчик!» Так узнал я. Присутствовавший фельдшер с каменным лицом поправил «ошибшуюся» медсестру: «Не менетчик, а — вафлер. Он же мужчина!» Менет через «е» — не ошибка. Так живем.

24.03.10

ПЕРВЫЙ УДАЧНЫЙ ПОБЕГ ИЗ БУТЫРКИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ

Вчера в 16.50 (я уже ушел, тружусь до 16.00) убежал Анжелин больной Астахов Виталий Владимирович, 1984 года рождения, камера 468 — третий этаж.

Дело было так. Контролер («банщик») Володя Поспешев, тип, которому жжется поставить диагноз, вел двух больных с прогулки. Крытый прогулочный дворик — на крыше. Володя по обыкновению впереди, а не сзади, как положено. В ушах — наушники плеера. Череп лысый, башенный, взгляд отстраненный — невербализированная беседа с самим собой. Внезапно Астахов кидается вниз по лестнице. Первая отсекающая этажная решетка открыта, вторая — настезь, дверь во двор не заперта. Это явление рядовое при общей безалаберности.

Взгляд налево, взгляд направо. Мгновенная оценка ситуации. Астахов, в прошлом спортсмен-паркурщик, выбирает решение наиболее дерзкое. Он бежит к смотровой вышке. Кошкой взбирается, избегая колючки по углу стен. Ноги как раз и упираются в угол. Раскорякой Астахов взлетает к вышке. Часовой на вышке накрепчайше спит, положив голову на руки.

Охранник на соседней вышке видит беглеца, но не стреляет, опасаясь попасть в товарища. Впрочем, он не стреляет и предупредительно вверх. Вместо этого они с Поспешевым кричат спящему. Поспешев даже бросает в будку камни. Камни бьются о стенку и скатываются. Спящий не проснулся. Мимо него Астахов взобрался наверх стены и с

шестиметровой высоты прыгнул вниз прямо на трамвайную остановку.

Москвичи ждали трамвая. Дело дневное. Они видели прыгнувшего беглеца. Никто из толпы не отреагировал, не позвонил в милицию. Москвичи садятся в подошедший трамвай, едут домой, чтобы о побеге из Бутырки прочитать в Интернете.

Беглец, убыстряя шаг, свернул в проулок.

Володя Поспешев от крика сорвал голос. Он замер с камнем в руках. Часовой проснулся много позже по независящим от побега причинам.

Поспешеву грозит увольнение, несмотря на 27 лет безупречной службы.

В связи с побегом аттестованных сотрудников, включая врачей, отпустили домой в 23.00.

25.03.10

Наутро ординаторская на пятом этаже, где переодеваюсь, выглядит необычно: пол усеян мужскими и женскими (с помадной каймой) окурками. Нервничая, тушили сигареты и о стены. На мой вопрос сестры единодушно, с пониманием отвечают: «Всю ночь работали следаки».

Вины Анжелы не усмотрели, а ведь сбежавший больной за полтора месяца пребывания в ПБ получал лишь активированный уголь для улучшения пищеварения. Остается предположить, какой была бы тяга на ином «топливе» — нейролептиках, например. Астахову ставили депрессию. Он поступил с самопорезами на обеих руках. Анжела, врач высшей категории, депрессию лечила углем. Но лечил же Трибасов шизофрению каплями чистой глюкозы, и больные излечивались! «Даже

благодарили!» — слова Элтона. Скорее это был не тот случай, и энергетика у Элтона Трибасова была иная, чем у Анжелы Пыткиной.

Удивительно, даже огромный сторожевой пес в будке напротив двери, откуда выскочил пока еще на полусвободу Астахов, не залаял на него. Мистика какая-то! Зато сей пес вечно мечется, рычит, скулит и лает на меня со своей «запретки» (пес в коридоре за «колючкой», где ходят на вышку и с вышки автоматчики, — на территорию с оружием нельзя, а то еще зэки оружие отберут!). Говорят, что сторожевые псы (когда-то ньюфаунленда меняет подруга, иногда — сенбернар) лают лишь на зэков. Плохая примета или пес чует наращиваемую мною книгу?

После побега запретили в одиночку открывать двери. Я единственный мужчина-врач ПБ, поэтому инспектора просят меня вместе с ними открывать камеры и конвоировать больных, в частности ко мне же на беседу. Сам себя наказываю: хочешь побеседовать с больным — конвоируй! Не войдешь, не выйдешь, поскольку все тюремные двери закрыты на два оборота. Мой «простой» проходной ключ их не берет. Приходится звать на помощь инспекторов. Ходим друг за другом. В общем, Кошкин дом клюнул в задницу петух! Теперь медперсонал — заложник в случае массовых беспорядков. Про беспощадный бунт сумасшедших в Дворянском вещала Краморова: заточкой выкололи глаз Эльзе Кох, трубой по голове ударили медсестру, убили главврача Геббельса.

Выдали зарплату за март: 6 тысяч рублей. Как на них жить, если столько же я плачу за коммунальные услуги? На мой нелепый вопрос у началь-

ницы расчетной группы бухгалтерии Афины Ивановны начался булькающий истерический смех. В спину долго слышал, как она захлебывается.

На входную дверь ПБ ставят душераздирающую сигнализацию (уже есть на воротах двора).

Ангела Пыткина «забывает» на больных, как прежде делала О.В. Условий для приема больных никаких. Из ординаторской исчез даже стул для пациента. Принимаю стоя.

Ангела перебралась на четвертый этаж. Там почти нет ее («острых») больных, но зато ближе к Гордеевой.

В процедурной четвертого этажа есть хотя бы стул для терапевта. Пациент сидит на кушетке. Врач — к нему спиной, что категорически запрещено техникой безопасности (облегчается нападение душевнобольного на врача). Терапевт Лала Викинговна Голышкина, та, кто завтракает в три утра, чтобы с автобуса успеть на электричку из Александра, и выходит на Москве-3, чтобы там купить билет, словно оттуда ехала, — понятная экономия, смертельно боится больных. Основания у нее есть: пошел слух (больной оттуда рассказал), что на спеле в Сычевке (Смоленск) одна медсестра вступила в любовную связь с больным, потом ему отказала (наскучил?). Больные (любовник и его друзья?) убили медсестру, закатали в бетон на строительной площадке нового корпуса. Сестру хватились сразу, но нашли через полгода (кто-то убийца сдал).

Лала Викинговна говорит с больными строгим тоном: «Как вы (ты! — в зависимости от степени неблагополучия дома: мама, муж-алкоголик, двое детей) смели (смел) еще и заболеть!» Лала Викинговна просила меня называть ее при больных не

по имени отчеству, а просто «доктор». Фамилию не называть категорически. Опасается, что «на воле» могут разыскать и убить «за лечение»: ранитидин от всех болезней.

474-я камера (третий этаж) заявила, что «вскроется вся» (коллективный демонстративно-шантажный самопорез), если Анжела наконец не посмотрит их (ждут осмотра врача два месяца).

Контролер Азарь мне: «У Хасанова героин. Он просит перевода в камеру к Лагуткину, у которого есть шприц». Если контролер и опер знают, почему не принимают мер?

Контролер больным: «Уберите «дороги» с окон днем. Ночью делайте, что хотите».

Новый замначальника СИЗО-2 по ЛПР (лечебно-профилактической работе), тот, кто вместо снятого по делу Магницкого Крабова, Тенгиз Валерьевич Дивани полдня проверял постельное белье на моем этаже. У подавляющего большинства больных нет вторых простыней, наволочки нестиранные, засаленные, черные. Кто не стрижен, кто не брит. В баню не водили вторую неделю. Народ вшивеет. После побега не водят и на прогулки. Виновна и администрация, и больные, которые избегают стрижки, тушат сигареты о пол, крошат хлеб, пишут матерные стихи или пожелания смерти сотрудникам на стенах, ломают умывальники и двери туалетов, рвут простыни на «дороги»; в отсутствие табака разбирают веники на курево.

Т.В. Дивани: «Недавно Канцлеров (несмотря на тревожные для него слухи, продолжающий исполнять обязанности начальника тюрьмы) задержал смену контролеров до 16.00 часов (должны меняться в 09.00). Те его едва не избили».

Но за что же врачи устроили темную Крабову, обвиняемому в смерти Магницкого? Из-за потерянных премий, что ли?

Капитан-банщик, ранее служил в милиции (полиции), теперь вместо Пospешева: «Да, у нас тут полное разложение. Каждый сотрудник УФСИН думает лишь о том, как безнаказанно украсть, что ээкам пронести... Володьку (Пospешева) за побег делают крайним, потому что спавший на вышке часовой чей-то тут брат, сват...»

До мозга боится больных не только Голышкина. Начальница I-го психиатрического отделения Пыткина избегает их всячески: не ходит на обходы, не приглашает на беседы. После каким-то чудом пробившейся из ПБ наверх жалобы пациента, что она манкирует обязанностями, стала беседовать с больными, но не в ординаторской, где она с больным один на один, а на инспекторском посту. Происходит это так: она сидит на инспекторском стуле, а больной стоит, отгороженный закрытой решеткой. По идее инспекторы должны присутствовать при беседе, охранять доктора, но т. к. они это не всегда делают, Анжела нашла выход. Еще она берет пару историй и часа на два-три скрывается в административном здании, в спецчасти, где «изучает дела больных». Еще она там пьет чай. Гордеева же постоянно «зависает» в соматическом корпусе, где раньше работала кардиологом (терапевтом). Чай, конфеты... А.А. фарисейски уверяет, что любит тюрьму, именуя ее «Домом-2». Еще бы: она, как и многие сотрудники, здесь прописана!

Хочется получать и психиатрические надбавки, и войсковые, и послужебные, и как они еще

там? — за точность не ручаюсь, но никто не любит «саночки в горку возить».

Гордеева очень удивилась, что шизотипическое личностное расстройство — в кругу шизофрении. «Надо перечитать!» В ноябре—декабре прошлого года она отучилась на сертификационных курсах и повышала квалификацию в институте имени Сербского, но, как сказала старшая (И.Л.), «что училась ты, Тоня, что не училась...». Знаменитая тунядка медсестра Лена Фимова в то время, когда начмед Дивани досконально осматривал на предмет хозяйства мой этаж, выдала: «Отлично! Сегодня ни таблеток раздавать не будем, ни уколов делать не станем. Пусть подольше матрасы и простыни смотрит!»

26.03.10

Больной Талайбеков подтвердил общеизвестную истину: в угловой 491-й камере есть мобильный телефон. В той «блатной» камере есть и домашний кинотеатр. Там сидит смотрящий Кошкиного дома. Если он скажет, стучать все камеры станут. Ему дрович (мастурбировал) сам начальник ПБ Трибасов. Из желания или, чтобы, не дай бог, бунта на Кошкином дому не было?

Приехала еще одна комиссия знатных тюремщиков: 15—25 человек. Долго задумчиво смотрели на угол забора, по которому улизнал Астахов.

Зам по тылу майор Лютиков стыдил меня, что в коридорах ПБ грязно. Более стыдить некого. Пыткина «работает с делами» в спецчасти, Гордеева в соматкорпусе, сестры пьют нескончаемый чай. Как не лопнут?.. Лютиков послал меня за санитарями, чтобы вымыли пол хотя бы на входе. «У вас как в

пытальне: пол и стены в крови и соплях!» Лютиков опасался, что комиссия тюремной знати со двора подается к нам, дабы, так сказать, изучить условия вызревания побега.

Санитаров я тоже не нашел. В отчаянии побежал на пятый этаж в столовую. Туда уже успела из соматического корпуса вернуться Гордеева (шустра!). Гордеевой уже налили. Отхлебывая ароматный напиток, она порекомендовала мне отправить зама по тылу Лютикова на три буквы. «Он нам не указ!» — подтвердила старшая. Т. к. главная медсестра в декрете (родила от прежнего начальника тюрьмы), а полы, кстати, за старшей!.. Избегаю обоих огней. Принимаю приглашение и сажусь со всеми пить чай. Внизу ждет Лютиков.

Мы пили чай минут тридцать—сорок. Когда я пошел вниз, увидел санитаров, мывших лестницу в десяти метрах от столовой, где мы были. Как они там очутились? Зато на втором этаже Лютикова не было. Комиссия к нам тоже не зашла. Еще через час осторожный звонок Гордеевой с пятого этажа: «Лютиков ушел?» — «Да». — «Ну и слава богу!» Трубку положила. «День прожит, и слава богу!» — великая русская присказка.

31.03.10

Меня вызвали на Сборку — фильтрационный медпункт, с которого начинается и которым заканчивается путь последственных в Бутырке. Осмотрел больного. Тут ввели Эгамбершиева. Наши должны были увезти на суд. Сегодня в камере или где-то там еще контролеры сломали ему зуб и придушили (следы пальцев на шее). Хотели, чтобы я

его вывести больных на беседу на втором этаже (докторам запрещено это делать самостоятельно, и у них нет соответствующих ключей), он ссылался на срочную работу на третьем этаже. Я шел за ним на третий, но там ему надо было бежать помочь товарищу на четвертом. Полчетвертого он ушел на обед. Больше я его не видел. Результат: трезвонил жаждущий осмотра весь этаж. Больные кричали, вопили, грозились, дрались, плакали от побочных действий нейролептиков. В 453-й камере новенький посмел избить этажного смотрящего, в 455-й камере больного Хасанова вынули из петли.

Под вечер насмешила стажерка-калмычка, процедурная дневная медсестра Наташа. Ранее она бесстрашно, без маски и перчаток, входила со шприцом в камеры больных туберкулезом. На этот раз, толкая тележку по коридору (больные меж прутьев запертых решеток выставляли попы), она бросала использованные разовые шприцы прямо на разложенные для раздачи таблетки. Т. к. многие наркоманы вичевые или страдают гепатитом С, таблетки невичевым и негепатитным доставались окропленными спидовой или С-вой кровью. Не к Пасхе ли сии облатки? Праздник в воскресенье. Медбрат II-го отделения Володя и медсестра I-го отделения Люба (крикливая бездельница) забавлялись. Они не остановили Наташу, но терпеливо ждали окончания лекарственной раздачи, чтобы сделать *замечание*.

В другой день медсестра Колоян (грозная баба) по поводу побега Астахова: «Надо по колючей проволоке электрический ток пустить, как у нас на подростковой зоне (там подрабатывает на складе).

Дождь идет, так видно, как проволока искрится. Подросток подойдет — не убьет, но шибанет хорошо, чтобы не повадно было». Конец цитаты.

FLASH — BACK
(ИЗ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО)

И вот я дождался своего начальника. Им оказался юркий маленький человечек, не выше Фрейда, как раз с Ференци. Черненький, усики котаваськинские. Глазки так и бегают. Как помню, чтобы не соврать-то, фамилия его была Осипов. Звали Сергеем Александровичем.

Он увлекался мистикой. До небес заблагодарился, когда на день рождения я подарил ему не бог весть как изданную «Божественную комедию» Данте. Он читал Фрезера и Панова. В полночь со свечами сидел перед зеркалом (мы как-то пьяные в окно заглянули). Он имел настоящий мужской череп (неарийский), внезапным показом которого из-за спины однажды пытался заставить заговорить больного сурдомутизмом, полагая, что тот «косит». Больной не заговорил, но не разубедил доктора. Вообще, он был упрям, как вол, и надменен, как индюк. Подле начальственного стула держал на стене вырезанные из газеты портреты всех руководителей страны, начиная с Брежнева, на что позже кто-то из проверяющих скажет: «Ну и зачем вы уважаемых людей в психбольницу поместили?»

У Осипова была кличка Пиночет. Как «все диктаторы», он любил цветы. Утро начиналось с полива цветника на подоконнике. Под окном кабинета он рассадил клумбу, куда собирался, сняв специально

расшатанную решетку, спрыгнуть из окна второго этажа (там кабинет) в случае бунта. Сразу за его кабинетом, по совместительству — нашей врачебной ординаторской, располагалась палата, преобразованная из цеха бывшей строительной фабрики. У больных считалось «западлом» лежать на койке за спиной сидевшего через стену начальника. Считалось, что от подобного соседства они «заболевают». Что ж, начальник и декларировал, что учится энергетическому вампиризму.

Осипов был не женат и жил в предоставленной ему двухкомнатной квартире барака с мамой, последовавшей за сыном в сельскую глушь «отрабатывать» трехлетнее распределение.

Итак, Осипов вошел. Не успели мы с ним познакомиться, как контролер ввел хрипяще-сопящего больного, быстро считающего невидимые ни ему, не окружающим монеты. Лихорадочно щелкая костяшками, больной повалился на колени и пополз к начальнику отделения, пытаясь схватить за полу халата: «Меня сводит от нейролептиков. Дайте циклодолу!»

Осипов брезгливо отодвинулся от просителя: «Встань и не унижай себя, Севрюков!» Достав из кармана записку, небрежным жестом, чтобы не коснуться кожи больного, уронил ему в трясущуюся длань таблетку корректора.

Униженно, слезливо благодаря, именуя Осипова барином и всемогущим человеком, больной отполз. Потом был подхвачен конвоиром и вытасен из кабинета в камеру.

Теперь у нас было больше времени поговорить.

Осипов писал диссертацию, любил баб и сидел на психостимуляторах. По утрам, «для свежести»,

эки-санитары в помывочной душевнобольных поливали его, раздевшегося догола, холодной водой из шланга. Он громко отфыркивался и кричал от удовольствия. Еще он постоянно бросал курить и, не выдерживая аскезы, подбирал окурки сумасшедших и инспекторов на коридоре и докуривал их через мундштук.

У меня тоже случались приключения. Один больной пытался убить меня, потому что я, «ничтожество!», не знал Декарта. Помешал привинченный к полу табурет. Другой хотел продырявить мой живот штырем, когда я «обвинил» его, имевшего на теле несколько выколотых свастика, в том числе соответствующую «повязку» на плече и «погон», что ему «недостаточно» известна история нацизма. Дружище Шагин уверял, что Гитлер жив.

Случай послал нам двух писателей, Комарова и Казиева. «Страшные времена Снежневского!» Осипов взялся усиленно лечить последнего, назначая ему сульфозин (разогретую до кипения серу) в ладони. Часть уколов он делал лично, потому что «сестры не умели». Задача была отучить писателя писать. Видимо, певцу он делал бы сульфозин в глотку.

Казиев разучился не только писать, но и нормально писать, поскольку не мог удержать члена болезненно распухшими руками. Он ходил под себя. Вонь около него стояла невероятная.

Осипов обладал парадоксальным мышлением (или это был уже Филимонов? Какая разница! Иных начальников в отечественной психиатрии за 32 года наблюдений я не видел). Он вдруг сжалился. Дела писателя стали лучше. Сульфозином кололи поэта Комарова и еще каких-то типов, чтобы

«не драчили» (распухшие ладони мешают мастурбировать). Более того, Осипов позволил Казиеву дрожащей рукой написать письмо, проперлюстрировал его и, не найдя ничего криминального, вынес за зону и бросил в почтовый ящик в Камышине, что было категорически запрещено. Письма отправлялись спецчастью. Не уверен, но, возможно, там была вторая перлюстрация.

Сочувствуя писателям, поскольку и себя втайне причислял к таковым, в субботу я отправился в Камышин (райцентр, подле которого спец). В горсправке я спросил, где КГБ. Комитет был напротив, но бабка столь напугалась то ли вопросу, то ли выражению моего лица, а может, и самому лицу, никогда не отличавшемуся приятностью, что просто сникла в будке. Она не знала, где КГБ! Прохожие от моего вопроса шарахались. Я все-таки перешел дорогу и нашел КГБ. На звонок в дверях двухэтажного особняка появился невзрачный сотрудник, сказавший, что сегодня нерабочий день. Я заявил: «В рабочий не могу». Мы поднялись на второй этаж, и я заполнил анкету. Пришлось называться подлинным именем, показывать паспорт, чего искренне не желалось.

Я изложил суть дела: мой начальник «вступил в сговор» с душевнобольным Казиевым, осужденным по 58-й статье за антисоветскую деятельность и пропаганду, вынес и бросил «за зоной» не зарегистрированное спецотделом письмо. «Что в письме?» — «Не знаю. Но так не положено. Как добропорядочный гражданин, врач... посчитал своим долгом...»

Этот «добропорядочный гражданин» был единственным, кто не проголосовал за коммунисти-

ческого кандидата генерала внутренней службы Иванова, принявшего меня на службу. Меня вычислили — был единственным — и таскали. А мне не понравилось, что во время предвыборного выступления генерала Иванова в актовом зале в окно было видно, как в его служебную «Волгу» грузили канистры со сметаной.

Неприметный человек в штатском задумывается. Он начинает вербовать меня. В конце беседы выспрашивает, кто у нас в больнице охотно рассказывает политические анекдоты. Информацией человек владеет и называет конкретные фамилии. Он упоминает, что и я дважды (дат не называет) рассказывал политические анекдоты. Мы расстаемся почти друзьями. Жмем крепко руки.

На следующий день (понедельник) приезжает комиссия КГБ. Тамошние сотрудники нашли и изъяли недозволенное письмо. Ничего вопиющего в нем не было, но сам факт! Казиева перевели в другое отделение, отобрав у увлекшегося Осипова его игрушку. В том самом отделении работал мой друг, он любил выпить и просто «забивал» на больных. Казиеву там стало спокойнее. Скоро куда-то дели и Комарова. Меня вычислили столь же быстро, как с выборами. Но «принцип Андропова» сработал и здесь. С Системой можно было бороться лишь ее же методами. При моем появлении даже Осипов попискивал. Он не захотел больше быть моим начальником. Его перевели в другое отделение, не к Казиеву. Отработав три года, он уехал в Волгоград, где однажды после работы его подстерегли и «опустили» после работы на пустоши, через которую шла дорога к остановке, душевнобольные. Попросту его изнасиловали в задний

проход. Видимо, на этот раз у него не оказалось с собой спасительной таблетки циклодола против мучительных побочных действий нейролептиков.

Упомянутый больной Севрюков на третьем году моей работы в Дворянском пытался покончить с собой, ударяя ножом для резки хлеба в распределительный электрощит. Нож (он был на цепи, дело происходило в столовой) выбили дубинкой. Дубинками же контролеры забили Севрюкова насмерть. Патологоанатом при вскрытии подтвердил диагноз терапевта: смерть от инфаркта миокарда.

О tempo, o tempo! Мы были исключены из Всемирной Психиатрической Ассоциации. Ныне мы восстановлены, вступили и в другие международные психиатрические организации. У нас больше нет репрессивной психиатрии. Но это потом, а пока я был произведен в секретари комсомольской организации психбольницы, потом снят, т. к. отказывался давать рекомендации в партию «блатным» комсомольцам, не платившим взносы и в лицо вместе с КПСС посылавшим меня на х... Было очевидно, что партии и стране — конец. Это конкретно подтверждалось пустыми полками в магазинах. Горбачев довел все до логического конца. Ельцин расщепил СССР до регионов. Я переехал в Москву. Обратился в «Литературную газету» и Союз писателей, через них вытащив из Дворянского обоих упоминаемых ранее писателей. Парадоксально: оба на спеце ежемесячно получали пенсию от СП, т. е. о них не могли не знать.

Часть III

ANAMNESIS MORBI
(ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ)

05.04.10

Явился новый градоначальник нашего города Глупова — капитан из Курска — Алексин Дмитрий Иванович, 31 год, разведен. Есть дочь 8-ми лет, платит алименты. Поселили его на съемной жилплощади в Дзержинске, где в общежитии и на квартирах живут многие высокопоставленные сотрудники УФСИН.

Подобно медведю на воеводстве, Алексин валит с плеча. Приятным быть не желает, воплощенная функция, человек, забывший улыбку в Курске. Всем сухим видом кажет: работать заставлю. Честолюбец-идеалист. Скоро он по трупам пойдет... в управление.

Пыткина в расстройстве ушла после обеда, не нашли. Она тоже рассчитывала возглавить ПБ. Обошли!

07.04.10

Во время первичного приема больной Марушкин Владислав Владимирович, 1984 г. рождения, d/s «Эмоционально-неустойчивое расстройство лич-

ности», импульсивный тип, напал на меня: сначала отказался садиться «из уважения», отдернул мою руку с листа истории болезни и пытался порвать подписанные ночью согласия на госпитализацию в ПБ и лечение нейролептиками. При нападении присутствовали почти все врачи-женщины + медсестра Лена Кроликова (из Королева). Все случилось столь быстро, при этом больной сразу притворно успокоился, что персонал ничего не понял. Больного укололи и отправили в «резинку». В карточку больного записали: выводить на прием исключительно в наручниках. Мне не стыдно.

08.04.10

Больной Галустян, психопат, обнаглевший от моего хорошего отношения: на утреннем обходе я публично, т. е. в присутствии других больных и персонала, попросил у него прощения за то, что перепутал его уголовную статью: назвал мошенником, когда он вымогатель, на приеме потребовал дать ему «почитать историю болезни, чего вы там пишете». Когда ему было отказано в вежливой форме, потребовал начальника ПБ.

Я, следует признаться — в сердцах, выскочил звать. Алексин сидел в прежнем кабинете Трибасова, теперь — его. В хорошем настроении, нога на ногу, курил, слушал блатняк «Лесоповала». Доложил. Алексин отрезал: «Скажи ему (со мной на «ты», хотя в сыновья годится, я с ним на «вы»), что я занят!» Вошла Гордеева, тоже годящаяся ему в матери, и он собрался ее «учить».

Возвращаюсь в отделение. Инспектор Алик Галустяна уже увел. Сестры сидят насупленные. Стар-

шая Инна Леоновна: «Нет, я ему все-таки скажу!» Краем глаза вижу, что другие две сестры, Наташа и Люба — белые. Инна Леоновна налетает на меня, я не сразу понял: «Ты — не мужик, если оставил нас, трех баб, с сумасшедшим!» Я попытался отшучиваться: «Вы — не бабы, а офицеры!» (На самом деле они сержанты.) Но Леоновна уже завелась. Обозвала меня «пидором, устроившимся на Кошкин дом, чтобы трахаться с Элтоном Трибасовым». Захлебнувшись гневом, я заявил, что немедленно увольняюсь. Их же, баб, не намерен охранять за 6 тысяч рублей (моя зарплата). «Дело не в том!» — прокуренно скрипела Леоновна.

Тут же написал заявление об уходе — уже второе (первое в связи с задержкой зарплаты на два месяца, когда «по делу Пена», до проверки больничных не выдавали хворым ничего). Иду к Алексину, на вонючей темной лестнице встречаю Леоновну, и мы, врач и старшая медсестра, обкладываем друг друга трехэтажными матюгами. Исчерпав лексикон, она кричит: «Набрали тут сумасшедших! Самим лечиться надо!»

Алексин проявляет нехарактерную дипломатию. Предлагает сесть, успокоиться и выпить растворимого кофе. Мой рапорт на увольнение изымают. После моего ухода домой кофеем отпаивают Леоновну. Вообще-то кофе возбуждает, а не успокаивает, доктор?

09.04.10

Наш новый начальник капитан Алексин имеет столь провинциальную внешность, что, по собственному признанию, его за три дня работы в

столице дважды забирали в отделение милиции за отсутствие регистрации. Регистрацию он сделать не может. Это условие получения 15-ти тысячной ежемесячной компенсации за наем жилья в московском регионе. «Ты должен быть преданный бомж!» — цитата из Анжелы.

14.04.10

ДОПОЛНЕНИЕ К АНАМНЕЗУ

Анжела 23.01.08 была еще не Пыткиной, а Си-миненко (написано на ее офицерской тетради). И в отношении ее справедлив тезис Трибасова: помимо денег, ищи другой мотив работы в Бутырке. «Я недавно вышла замуж». Видимо, второй раз. Долго была не замужем, истосковалась. Бросила в сибирской глухомани — «400 километров до ближайшей больницы» четырнадцатилетнюю дочь на мать, сбежала с новым мужем к нему в Подмоскowie, южное направление. Вот секрет ее согласия работать в нашем «отстойнике».

Анжела — настоящая сибирячка: пригнала из Хакасии джип: «Всю дорогу попеременно с мужем за рулем». На джипе ездит до ближайшей от дома станции метро. Друг другу мы симпатичны. Обмениваемся СМС-поздравлениями с Новым годом. Она защищает меня, когда из-за начальственного бреда меня заставляют изучать пистолет Макарова, ездить на стрельбы, «потому что больше от ПБ некому, а кого-то надо послать» сопровождать этапы, обзванивать аттестованных офицеров, предусмотрительно исключивших на ночь мобильники, что объявлена учебная тревога «Кре-

пость» (попытка захвата преступниками тюрьмы извне).

С началом весны Анжела стала носить такие мини, что остолбенели и мы, сотрудники, и ээки, подолгу смотрящие ей вслед. Алексин сделал замечание. Она — ни в какую. Она маленького роста, миниатюрная. Пробуждая желание у мужа, она задевает и других. А что она больных боится, так она же женщина!

15.04.10

Долго неприятно ожидаемая Комиссия по правам человека от Евросоюза. Накануне совещались, куда спрятать шизофреника Халикова Илью Валерьевича, 1978 г. рождения, из СИЗО-5. Несмотря на побои (разбитые очки склеены синим скотчем), он по-прежнему отказывается подписывать согласие на госпитализацию и лечение в ПБ. Подговаривает других больных не подписывать и на утренних обходах громко заявляет, что содержится у нас незаконно и будет жаловаться (он жалуется, но писульки его к выходу на волю не допускаются). Кстати, Халиков науськал Марушкина «передумать» с согласием, после чего тот набросился на меня с историей болезни.

Анжела предложила на время комиссии закрыть Халикова в «дальней резинке». Алексин: «И от туда будут слышны его крики. Молчать, подлец, не станет!» Анжела: «Заколоть нейролептиками до упора!» — «Вдруг сдохнет?!» Я: «Отвести на флюорографию в другой корпус (на Сборку) и закрыть в тамошнем «стакане» на весь день». Алексин раздражается: «Что за беспомощность?! Расписаться

за больного не можете? Где согласие? Не хотите?! Я сам за него поставлю крест, и все!»

С «воцарением» Алексина количество фальсифицированных подписей на согласиях возросло необычайно. На сей день нет ни одного без подписей, тем или иным способом добытых. Позже, с появлением у нас в коллективе доктора Зло, тот станет образцом для начальника в данном смысле. «А.В., вот у него поучитесь, как подписи собирать!»

В итоге Халикова спрятали... в суде. 15-го и 16-го, в дни работы Европейской комиссии, были организованы его вывозы в суд. Анжела: «Судьба к нам благосклонна!» Но в бурю Бог помогает только тем гребцам, которые усердно работают веслами, а не тем, кто сидит сложа руки, пусть и усердно молясь!

Европейскую комиссию представляла одинокая сорокапятiletняя полька. Ходила с переводчиком, за ними — начмед, главврач и я в белых халатах, начальник тюрьмы в штатском — черный похоронный костюм. Был приказ аттестованным: не пугать синей формой; при наличии формы — сверху накинуть белый халат.

Полька хвасталась, что получает 2 тысячи евро в день за командировку в Россию.

На моем этаже она осмотрела две «палаты». Под суровыми взглядами начальства я отчаянно врал, что у нас есть отдельные палаты для алкоголиков, наркоманов и т. д.

На самом деле отдельных «палат» нет: все сидят вперемешку. Адская смесь всех патологий. Причем, наглухо больные с выздоровевшими и ожидающими этапов, арестованные впервые с мате-

рыми уголовниками. Единственно: отдельно сидит СПЭК — прибывшие на комиссию в институт Сербского — третий этаж; признанные тем же институтом Сербского невменяемыми — четвертый и пятый этажи; «опущенные» (принудительные или добровольные гомосексуалы), чтобы с ними не вступали в половые отношения и не унижали, — одна-две камеры на пятом этаже; женщины — одна-две камеры там же.

Хотя полька и беседовала с больными наедине (+ переводчик), для этого она просила никого, кроме них двоих, не входить в камеры, она не узнала ни про «резинки», ни про побои, ни про объедание больных персоналом (один контролер недавно шесть куриных ног за присест слопал, лишив курятины такое же количество больных).

16.04.10

Алексин так горд, что не здороваётся, обматерил медсестру Лену Фимову (несчастливая «скорая помощь в прошлом»). Лена подала наспех составленную утреннюю верстку, где в графе «I-е отделение» обозначила поступление больных — четверо. Наш верхогляд подал сводку Теликову (временный нач. тюрьмы после добитого побегом Астахова Канцлерова). Теликов (вежливо): «У вас в I-м отделении всего четверо?» Что же ты, дурак, прежде не посмотрел? У Алексина виноваты все. Кроме него. Работу начальника ПБ видит так: гонять почему зря персонал, а самому ничего не делать, с утра до вечера играть на компьютере (одна медсестра: «Начальник играет в такие тупые игры, в которые мой ребенок бросил играть в 12 лет»). Бабу,

что ли, завел бы, стал поспокойнее! Сперма из глаз брызжет.

Примечание: при проверке Еврокомиссией Алексин тоже публично показал, что не знает, сколько в отделениях ПБ больных и какие у них диагнозы. На приеме граждан по понедельникам (потом — четвергам) сидит круглым идиотом, звоня нам в отделения по каждому вопросу: «Что с этим больным? А что с тем больным?» Срывает с утренних обходов, вынуждая сидеть на телефоне, давая ему ответы на вопросы родственников. Послал бы лучше меня или другого врача, знающего больных.

16.04.10

Увольняется Елена Эдмондовна Четверикова (молодая врач-стажер из Тамбова). Три месяца ей платили лишь стажерские 4 тысячи. Любовник, позвавший ее в Москву, разлюбил и бросил. Алексин на полном серьезе предложил девушке «открыть камеру на пятом этаже, чтобы ты там жила». Четверикова посчитала себя этим предложением оскорбленной. После ее обвинят в краже денег из сейфа у Гордеевой. Будто бы вошла в кабинет, когда Гордеевой не было (инфо от фельдшера Дымова), увидела ключи от сейфа на столе, открыла, взяла. В общем, умыли девушку бутырской грязью напоследок.

Под вечер Анжела водила по ПБ какого-то алкоголика (как потом выяснилось — Тамерлана). Хвалила пенаты, показывала «домашних богов» за решетками... Москвичи к нам идут неохотно. Бутырка — сборище этрусков. Очень любят ее «друзья степей» и уроженцы Махачкалы, Грозного, Майкопа и Дербента.

21.04.10

ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Трибасов по поводу контролера, который шел, постукивая концом ключа по тюремной стене, где оставался кривой след облупленной свежеположенной краски: «Обратите внимание, Александр Васильевич (кстати, моя кличка — Суворов). Многие люди устраиваются к нам (в Бутырку) не из-за денег. Нам платят уничижительно мало. А потому, что их влечет возможность проявить насилие. Стремятся безнаказанно истязать людей: подследственных и т. д. *Этого* я знаю. Он бьет...»

23.04.10

Анжела по четвергам взялась сопровождать этапы в 5-ю психбольницу (г. Чехов Московской области). Она живет поблизости и в 12.00 уже дома. Не зная о ее дополнительном «выходном» (согласовано с серым кардиналом Кошкиного дома Гордеевой), главврач Алексин, человек с «органчиком» в голове, в присутствии меня, двух сестер и стольких же фельдшеров обещал на следующей неделе за поездки по «четвергам намылить Анжеле морду». Анжела несимпатична, но не до такой же степени!

Я и Четверикова сидели в последний день ее работы в столовой за чаем. Она разоткровенничалась: очень обижена на Москву и — конкретно на Кошкин дом: «Здесь не психиатры работают. Психиатров я видела. У меня у самой печатные работы есть, я на конференции ездила... Если у них есть сертификаты, пусть и таблички крупно

наберут: «Психиатр». По внутреннему душевному складу — здесь ни одного!» Вспомнила Козьму Пруткову: «Если на клетке с козой написано: лев, не верь глазам своим». Что-то вроде того.

Ночью с 23 на 24.04.10 из карантинной камеры, распилив решетку, сбежал заключенный Локатков, родом из г. Кондопога в Карелии (где были беспорядки на национальной почве).

Локатков хорошо знает тюрьму. Вторая ходка, в первую работал в отряде obsługi! Ночь и день лил дождь: собаки не взяли след. ОМОН и свои рыскали весь день. Вольнонаемных задержали до 19 часов, аттестованных, в том числе сдавшую работу медсестру, — еще дольше («Пока не поймали»).

Я часть времени потратил на запись недостатков по второму этажу (выполнял поручение главврача). Вот они (по другим этажам поручение Алексина не выполнили):

— камера 451: нет раковины для умывания, отсутствует дверь в туалет — по нужде ходят публично; стены зверски исписаны неприличными стихами (автором никто себя не признает);

— камера 452: подтекает унитаз, подле — неубранная невысыхающая лужа;

— камера 455: электророзетки не работают; нет умывальной раковины (в ПБ она используется и для стирки белья — веревки протянуты от окон к туалету через камеры);

— камера 456: не работает розетка, отсутствует дверь на туалете;

— камера 457: не работает розетка; забита труба под раковиной; оконная рама висит на одной петле, из-за чего окно не закрывается ни днем ни ночью, ни в дождь, ни в хорошую погоду;

- камера 459: нет раковины;
- камера 460: нет дверей на туалете, нет кра-на, унитаза; сломан умывальник;
- камера 462: нет раковины;
- камера 464: нет ни унитаза, ни раковины; сломана розетка;
- камера 466: отсутствует туалетная дверь; по-стоянный сквозняк из-за выбитого стекла в окне.

Полы с затоптанной грязью повсеместно.

Примечание: там, где нет унитазов, больные справляют нужду «аккуратно» прямо в канализа-ционную трубу.

Больные не мыты три недели, многие завшив-лены. Прогулки не было десять дней. Из-за по-бега (?) завтрак подали в 13.00, обед в 17.00.

В 19.00 на выходе из тюрьмы встретил Д.Б. Кра-бова (Гиммлера). Разаттестованный под благовид-ным предлогом ухода на пенсию, выдавший «на-гора» бред и галлюцинации, почему и лежал в гражданской психбольнице, дабы отдалить или укло-ниться от ответственности за инкриминируемую халатность в связи со смертью адвоката Сергея Магницкого, Крабов снова при делах. Ныне — са-нитарный врач (единственный) в Бутырке.

И на новом месте Дмитрий Борисович суетится да ничего не делает (смотри выше инфо по отсут-ствию раковин, унитазов, грязи, завшивленности, отсутствию бани, прогулки, наличию тараканов, блох, клопов в камерах Кошкиного дома; «про-жарки» — спецобработки завшивленных матрасов и белья душевнобольных — не дожدهшься).

Магницкий все же кое-чему научил Крабова. Бывший замначальника изолятора по лечебно-про-филактической работе более не орет на персонал,

разве забудется. ДПНСИ (дежурный помощник начальника следственного изолятора): «Дмитрий Борисович такой обходительный стал. С одним эком по поводу здоровья два часа говорил. Я ему: хватит уже. А он мне: так нельзя; он же — человек. Слушаю и думаю: недавно ты стал добрым, Лжедмитрий!»

26.04.10

Насыщенный день. На входе на территорию в девять утра встретил Володю Поспешева. Одет как для спортивного ориентирования: кепка, куртка, брезентовые штаны. Молодится — мол, неполных пятьдесят, а «35 лет в Системе!». С 15-ти, что ли, лет? Сын полка ППС? Ранее из уст Володи звучал меньший срок «безупречной службы».

Володя вывозит из тюрьмы на тележке нехитрый скарб в мешке, разрисованном сотенными евро. Комната 6 на 4 напротив отдела кадров опустела. Володя уходит в пустоту. Замечает меня, подходит: «В психбольницу ложусь. Нашли паранойю. Кто-то ходит за мной. Правда ли это?» Вопрос обращен не только ко мне, но и ко всем сотрудникам, стоящим в очереди на вход. Опять ко мне: «Как закосить? Посоветуй, доктор!» — «Косить, Володя, не надо. Оставайся самим собой. На крайняк, похвали Муссолини и *его друга*». Володя оживает: «Муссолини был хороший человек». Он говорит о нем, словно знает лично. Моя очередь входить, и я теряю Володю.

После Крабова Володя — второй человек, которого работа в Кошкином доме научила психически «болеть». Вру! А Элтон, а Чингис с Чингисханом,

а инспекторша, укусившая за руку эмведевского психиатра?! «Мы все глядим в Наполеоны, двуногих тварей миллионы!»

А вот Локаткова Василия Васильевича, 1986 года рождения, в отличие от паркурщика Астахова, поймали.

Сбежав из карантинной камеры, он дерзко зашел на коридор, разговаривал с инспектором, принявшим его за работающего в отряде. Заглянул к «друзьям». Попил с ними чаю. На ходу закусывавшим контролерам приятного аппетита желал. Поднялся на крышу. Прошел мимо по обыкновению спавших на вышках постовых (они устают на вторых работах охранниками в гипермаркетах) и соскочил со стены.

Воздух свободы соблазнил выпивкой. Локатков купил пива и прошелся по бульварам. Его задержал патруль около одного из московских вокзалов с бутылкой в руке и ста рублями в кармане.

К задержанию и водворению в Бутырку Локатков отнесся совершенно легковесно. Я его освидетельствовал как психиатр, не найдя у молодого человека ничего, кроме психинфантилизма.

Инфо от фельдшера Людмилы Людочкиной и медсестры II-го психиатрического отделения Аллы Иванцовой: вечером в воскресенье двух душевнобольных убийц Ковалевскую Василису Вадимовну, 1987 г. рождения, и Казачкову Е.Н. (по другой версии — Бякину Викторю Кторовну, 1972 г. рождения) опера водили в 491-ю камеру к смотрящему Кошкиного дома Каримову Сабуху Мустафаевичу, 1984 г. рождения, утех ради. Смотрящий готовился покинуть гостеприимные стены нашего учреждения, получив в институте Сербского ин-

дульгенцию в виде диагноза на время совершенных преступлений: «Не сознавал характера своих действий и не мог руководить ими». За поддержание порядка в ПБ в период пребывания, сотрудничество с оперативной службой ему, по его просьбе, решили сделать маленький подарок перед отъездом. Сопровождать до Махачкалы должен медбрат Захарьев.

Возрастная Бякина Виктория Кторовна будто бы сама напросилась. «Но Василиса? — недоумевала Анжела. — Она же — гордая девушка. Поэтесса. Скинхедка, обвиняемая в причастности к убийству тридцати шести таджиков на национальной почве. Считалась лидером преступной группировки, кем-то вроде Софьи Перовской (мои слова, для Анжелы такие имена пролетели в школе мимо)... как она могла согласиться или ее могли принудить делать минет или отдаваться уголовному авторитету?!»

Мы обсуждаем проблему. Пылко спорим. Кто-то предполагает, что инициатива исходила не от смотрящего, а двух молодых оперов, сменивших Гечалаева, отъехавшего на своем джипе бороться с преступностью в 7-м изоляторе. Каримов — ставленник Гечалаева. Гечалаев — осетин, вот и поставил нерусского во главе криминального профсоюза психбольницы.

Анжела продолжала возмущаться: «Ковалевская же в психозе!» Словно это могло помешать интимным отношениям! Появляются уточнения: девок отвели сначала в пустую камеру, туда же вывели и Каримова. У того обнаружилась половая слабость. Нейролептики отнюдь не укрепляют мужскую половую силу.

Каримов предложил «угостить» свою камеру. Тогда уже женщин отдали всем, кто был в 491-й. Пошла свистопляска!

Анжела пошла жаловаться. Каримова вывели и отвели в основной корпус на опрос. Тогда взбунтовалась ПБ. Психи кричали, визжали, стучали мисками в двери, непрерывно звонили.

К нам на второй этаж прибежало усиление, бутырский резерв — выдернутые с других постов инспектора. Выпустили из угловой камеры нашего смотрящего Гниева Николая Константиновича, лежащего с легкими самопорезами демонстративного характера. Он привлечен по статье 105, часть 2, и 162, часть 3, т. е. в связи с покушением на убийство. Этот «лейтенант» Каримов ходил без сопровождения по тюремному коридору, подходил к каждой камере и умирнял ее, говоря, чтобы не шумели. На происходящее с одной стороны коридора смотрели врачи и медсестры, с другой — призванные бороться с «мятежом» инспектора УФСИНа. «Спецназ» забился в угол у «резинки», глумливо и беспомощно ухмылялся.

Бунт был подавлен. События забылись. Позже говорили, что ходил по коридору, умиротворяя психов обещанием скорого возвращения Каримова, не убийца Гниев, а вор, не в законе, Горбунков.

На следующий день начальница I-го отделения Анжела «в благодарность за содействие» назначит ему десять капельниц «от головных болей».

После опроса Каримов вернулся в камеру. «Факты не подтвердились».

На следующий день главврач Алексин подтвердил, что Каримова в Махачкалу будет сопрово-

ждать медбрат Захарьев. Но тот неожиданно за-протестовал. Он устал. Лишь недавно с другого этапа. Да и много чести Каримову, когда его *одно-го* будет сопровождать *целый* медработник.

Алексин рассвирепел. В гневе он неуправляем (причина развода с женой?). «Захарьев, в Махачкалу поедешь именно ты. Не согласен — уволен! Пиши рапорт!»

Володя краснеет, бледнеет. Держится, ворчит, но в конце дня ломается и соглашается ехать, хотя съездить вместо него уже вызвалась сердобольная Анжела. «Нет, только Захарьев!» — рычит наш высокопоставленный эпилептоид-нарцисс и эрегированный пенис, по Фрейдю. Алексин топает ногами, брызжет слюной. Он похож на *бесноватого*, объявлявшего обреченные города «несокрушимыми крепостями», тем самым обрекая их гарнизоны на гибель, в последнюю великую войну.

В последний момент Алексин смягчился и согласился, чтобы вместо Володи Захарьева поехала медсестра Алла Иванцова, но до нее не дозвонились. Возможно, она предусмотрительно выключила телефон.

Алексин, «сломав» Володю, добился одного: коллектив его возненавидел. Володя скоро уволится, а пока он сидит в сестринской, непрерывно курит и ноет, что ему не возвратили его личных потраченных денег за предыдущее сопровождение душевнобольных, а вот опять ехать. Володя подходит к географической карте и прокладывает маршрут поезда то через Чечню, то через Волгоград и Астрахань.

Володе некуда деться. Его полагают «богатым»: своя квартира в Москве, только поговаривают, что

у него нет никаких документов для занятия медицинской деятельностью. Вот и трудится он в Бутырке. Опять же аттестован, честь отдал и вперед!

27.04.10

Фельдшер Люда Людочкина — кирпич, а не баба, во время службы в Чечне «дралась с замполка». Внезапно, без повода, мне: «Не люблю, когда мужчины говорят про х... У полковника под Ханкалой (Чечня) жену вздрючили, что она с похмелья на службу не выходит, так он в отместку нас, баб (военнослужащих), построил на плацу и полчаса про х... рассказывал, какие они бывают худые и толстые, кривые, с шпигами в залупу шариками... За то, что высшее начальство покусилось на его жену, всех баб, что ли, возненавидел? Я лично его х... не видела!»

Из других рассказов Людмилы можно узнать, как ее ближайшая подруга-контрактница «давала в палатке всем». «Я и сама дам!» (Всем?) «Уволилась я из Чечни, потому что надоело, как пьяные офицеры по ночам в дверь ломятся, особенно когда *чехи* из-за реки постреливают».

Людмиле не заплатили «полевые», в боях она не участвовала. В тюрьме, как многие, она дорабатывает до пенсии. Сдает квартиру в Смоленске. Ей 38 лет, замужем не была. В выходные ездит на Красную площадь «сниматься».

Недавно обманул некий мошенник, выдававший себя за иностранца (Людмила уверяет, что лучше меня знает английский, поскольку я неправильно пишу прописную I. Где она разглядела?). Лжеиностранец попросил у Людмилы рубли, чтобы оплатить совместный обед в пиццерии ре-

сторонного дворика подземного Манежа. Люда дала 1000 рублей. С ними «ухажер» улепетнул. Пришлось за одно и то же платить дважды.

В следующее воскресенье Люда встретила «любовника» в Александровском саду у Вечного огня. Не узнал, снова клеился. «Я ему чуть харю не набила». Могла! Помешали толкшиеся рядом милиционеры.

У Люды, опять как у многих сотрудников Бутырки и ПБ, нет московской регистрации. Ей нельзя «светиться». Живет она в эмведевско-уфсиновском общежитии недалеко от Театра Российской армии. В общежитии шумно. В комнате шесть «девочек». У каждой свой будильник. «Мы привыкли. На чужой будильник не просыпаемся». Условия даже не аскетичные: туалет в конце коридора, канализационная труба забита. «Мы, девки, надеваем на попу магазинные целлофановые мешки и туда какаем. Завязываем, чтобы не воняло. Выбрасываем на пустыре по дороге на службу». Периодически Люда тайно — не разрешено, ночует в фельдшерской Кошкиного дома, отсыпается. В фельдшерской сносный топчан.

Люда начитанна. Не жалеет на книги до 500 рублей за экземпляр. Она страстная поклонница Бориса Акунина. Алексин берет у нее «почитать». Странно, но «после Акунина в голове одни х...». Не подскажите, что делать, доктор?

По радио сообщили: вчера Госдеп США объявил невъездными 50 российских чиновников и тюремных врачей, «причастных к делу в связи со смертью Магницкого». Неужто и Крабову с его 400 долларами ежемесячных это грозит? С ними он и до середины Днепра не долетит. Спросил

и угадал. Крабов: «Тоже мне напугали! Я даже в Украине никогда не был. А они — Америка!»

04.05.10

Удивив, неожиданно вышел на работу Чингисхан. Честно: мы о его существовании уже и забыли, т. к. на этот раз он ухитрился пробыть в отпуске полгода. Главврач Алексин со скрытым восхищением: «Доит Систему!» Он же с его характерной, мягко скажем, невнимательностью к личности: «Как вас там?.. Далиев (без имени-отчества), идите работать во II-е отделение».

Далиев с достоинством («мой дед присоединил Бурятию к России», а ргороп, вторая его кличка — Оленевод, зимой из-за холода ходит по ПБ в тулупе и шапке-ушанке): «Извините, уважаемый Дмитрий Иванович, но свой первый рабочий день я проведу в бухгалтерии, выясняя по поводу задолженности мне по зарплате».

Далиев гордо удалился, как Чингисхан после первого неудачного штурма Пекина. Больше в первый день его не видели. Походя, он успел сделать замечание сестрам I-го отделения, чтобы они закрывали на два оборота двери камеры, где пятый день прикованным к кровати наручниками Прометеем лежит снятый 29.04.10 с петли Каптинов Валерий Руссакович, 1987 г. рождения.

После смерти Магницкого у нас на Кошкином доме стали приковывать, а что станет, когда дойдет волна от 30.04.10, когда в СИЗО-1 умерла знатная дама Вера Трифонова (ей инкриминировалась попытка дачи взятки в 1,5 млн долларов за место сенатора в Совете Федерации).

В. Трифоновой было 53 года. Незадолго до смерти ее ездила консультировать Анжела Пыткина, справедливо не нашедшая ничего, кроме легких дистрессивных треволнений. В. Трифонова была директором «Китэлитнедвижимости», многие дома на Рублевке проданы ею. В. Трифонова страдала почечной недостаточностью. Пыткина советовала ей бросить курить. В. Трифонова не смогла и не успела...

За волнениями, связанными с выходом на работу Чингиса Далиева, мы совсем забыли о происшедшем накануне. В ночь предположительно с третьего на четвертое мая сокамерники убили Щипкина Алоя Владиславовича, 1969 г. рождения, камера 494, поступил 1 мая из СИЗО-7.

Все трое, находившиеся в 494-й камере, были туберкулезниками, Щипкин еще и вичевой. Их вела Маркиза ангелов, как вообще ведет, т. е. женщин относительно внимательно, мужчин никак (боится).

Щипкин отчаянно мастурбировал, отчего-то его особенно разбирало во время еды. Соканерникам не нравилось. Ему делались неоднократные замечания. Щипкин не внимал.

Со скорой вышла заминка. Анжела казенно «поясняла», что «не знала», что о трупе в известность надо было поставить ДПНСИ. 3 мая Анжела была в «усилении» — Щипкин скончался в «карете». На вскрытие ездил Алексин.

При вскрытии обнаружена огромная гематома в грудной клетке — следствие удара и противоудара, травматический отек головного мозга. Нашли и опухоль центральных отделов мозга, неминуемо приведшую бы больного к смерти, но в свой час. Нанесенный Щипкину удар был столь

мощен, что серое вещество едва не вдавилось в позвоночный канал (это невозможно). Патанатом сделал устраивающий нашу администрацию вывод: Щипкин неудачно упал. Ох, сколь многие неудачно падают в тюрьме! Кто на дубинку, кто на электрошокер. Кто — три раза на нож. Нами предполагается, что на спавшего Щипкина с высокого тюремного окна, прежде забравшись туда, прыгнул сокамерник. Сознательно «приземлился» на голову и грудь. Вот причина сильного удара и его последствий, приведших к смерти.

Впрочем, Щипкин — без связей. Это не Магницкий и не Вера Трифонова. За ним никто не стоит. Но волна дошла. По запросу сверху Ангела полдня выписывает все диагнозы нашего ПБ.

Тем временем с мозга Щипкина рассказ Алесина ненавязчиво, но для каждого небезынтересно (хотите расположить медработника, — поговорите о его зарплате) переходит на зарплаты московских патологоанатомов, врачей 50-й больницы. «Пятьдесят тысяч, а я где работаю!»

Главврач рекомендовал сотрудникам не упоминать иных версий смерти Щипкина, кроме неудачного падения. Так же было и отписано наверх. Мое предложение о проведении внутреннего расследования было отклонено. Так что, если и существовали виновные (виновный) в смерти Щипкина, они (он) остались безнаказанными.

06.05.10

Молодой опер Серпухов — узкие бачки, золотая цепь на шее, знает и не к месту употребляет слово «жуирует» в смысле «прикидывается, при-

творяется» — предложил совершенно дикую форму на «склонников» (склонные к агрессии), для внутреннего пользования. В «форме Серпухова» вместо «камера» напечатано «хата», есть и просто досадные орфографические ошибки. Отчего компьютер не высветил? Или высветил, да Серпухов торопился.

Инфо от опера Серпухова: смотрящий над пятым этажом — больной Восходов, над четвертым — Орлов (наглая рожа), над вторым — Горбунков, над всем Кошкиным домом — Голубятников (вместо Каримова). Штаб-квартира в 491-й камере, там мобильный телефон.

12.05.10

Больной Каптине, «посмевающийся» повеситься под праздники (в ночь с 29 на 30 апреля) — опер Серпухов самокритично: «Мой косяк!» — по глупости того же опера был помещен в двушку с Баланпердиевым, передвигавшимся в инвалидном кресле. Из-за беспомощности Баланпердиев не способен воспрепятствовать Каптине в случае повторения тем попытки суицида, поэтому Каптине прикован к кровати. В таком положении он находится все 12 дней майского «усиления». Запах мочи в камере смертельный — не всегда хватает сил дотерпеть, пока соизволят отковать по нужде.

Каптине чем-то невыразимо мне симпатичнее других больных. Сердцу не прикажешь. Его жалче. По утрам все Майские праздники кормлю Каптине, ставя перед ним миску с кашей. Каптине, длинный, неуклюжий, худющий прибалт (фамилия его мною изменена, как и у всех), приседает

на кровати на корточки и с обеими скованными наручниками руками ухитряется есть. Такую кор-
межку надо видеть. Часть пищи летит мне на кисти,
но я упорно продолжаю держать миску. Каптине
ест, следовательно, жажда жизни в нем не умерла.
Слабенький огонек желания надо лелеять и под-
держивать. Молодой парень, ему бы жить да жить...

Освободили Каптине не потому, что его поло-
жение было мучительным и бесполезным. А по-
тому, что медсестры возмутились: им показалось,
что Каптине водят не в камерный забитый клозет,
а к ним — в *сестринский* — на теплый стульчак,
напротив. На освобождение шизофреник Каптине
прореагировал парадоксально. Он умолял оста-
вить его прикованным наручниками к кровати «на
весь срок». Он — «опущенный». Сокамерники не
сажают его за общий стол. Презирают и... трахают
в задницу. Помещен в 501-ю камеру, где собраны
все «опущенные» Кошкиного дома. Там своя ком-
муна.

К нам в ПБ зашла в гости Наташа, та самая *со-
жительница* предпоследнего главврача, железной
леди, осетинки Бероевой. (Чингис: «Скажу я вам,
криминальная баба была!») Наташу Гордеева и иже
с ней встретили приветливо, познакомили со мной.
Без меня женщины пили чай с конфетами. По ви-
ду Наташа обычная женщина-врач (я уже врачей
чую), что она лесбиянка, по ней не видно. (Чин-
гис: «Лизались! Лизались! Бедоева Наташе зарпла-
ту сделала!» А что, Наташа без зарплаты должна
была работать?)

Зашел на соматический корпус (историческое
место: в его убогих стенах захирел Магницкий)
поздравить терапевта Александра Ботьковича Ра-

сова с присвоением звания майора. Этот неплохой человек и преданный Системе служака не ужился у нас на ПБ начальником — нет психиатрического сертификата, хотя готов был возглавить, если прикажут. Помните? «Главное в медицинской работе — прикрыть задницу!» Ныне «прикрывает задницу на соматкорпусе. После «отъезда» Дивани станет начмедом.

В 15.00 врачи и медсестры соматического корпуса сидели за общим столом в ординаторской, пили чай, потому что «инспектора больных не выводили». Отставной подполковник Крабов (Гиммлер) предался воспоминаниям:

«В 2006 году в Кошкином доме было четырнадцать трупов за год, в 2007-м — двенадцать... Валерия Линкоровна Бероева, которая была вашей начальницей до Трибасова, показывала мне «напольную» камеру. Эта камера предназначалась для вновь поступивших. Оттуда кровати для вместимости вынесли, и больные лежали вповалку прямо на полу. Оттого камера и получила название «напольной». Вышли. В.Л. умничала, я слушал и видел, как по косынке Линкоровны к ее шее ползет жирная вошь. Указал. Валерия Линкоровна: «Дмитрий Борисович, больше в «напольную» не пойдем...» Другой раз я из вашей *дурки* больного на «скорой помощи» сопровождал. Больной в коме, а брови у него шевелятся. Пригляделся, мама родная! Вшей видимо-невидимо. Я бинтом вшей в бровях давлю. Бинты кровью пропитываются, мне в лицо брызжет... Матрасы у вас в психушке тоже от вшей шевелились!»

У Крабова дар. Слушал его, как Андерсона. Но в каждой сказке...

13.05.10

Чингис снова в отпуске. Пришел в 15.00, узнал, что ему зачли прогул. Ушел обиженный.

За прожженный сигаретой матрас Алексин предложил больному Бахриеву «на выбор»: «вязки» или «резинку». В итоге «наказан» соткой аминазина внутримышечно, хотя у нас в качестве наказания более популярно: 4 на 2 (4 кубика аминазина на 2 кубика галоперидола — «Манхэттен», или «коктейль Молотова»).

Я отвратил больного Куницына от попытки самоубийства (он натолок стекла, чтобы съесть). Алексин смеялся. Подмечено: для него, гомофоба и мизантропа, страдания людей — развлекалово. Чем сильнее пациенты плачут, тем больше главврач веселится. Гордеева (чеховская Душечка, другая ее кличка Гордюшкина-Хитрюшкина) взалхлеб, поддакивая: «Да пусть бы ел, А.В.! Зачем вы его останавливали!» У врачей и медсестер принято тут советовать порезавшимся «резаться так до конца». Они тут обещают и нож хороший дать, и веревку из дома для повешения принести.

Вместо спавшего больного Мохова на АСПЭК (на экспертизу) вышел шизофреник Рафинадов. Мохову, не зная, что он подменен, поставили шизофрению. Разобрались, к концу дня опер Серпухов дал список больных, которым нужно «подождать с выпиской». Алексин неистовал (припадки *бесноватого*, как он похож на него!): «Выписывайте! Именно кого он указал придержать, тех завтрашним числом и выписывайте! А то опера берут деньги с больных за содержание в ПБ, а с нами не делятся!» Он же: «Скоро День медика. Водку будем пить».

Указанных больных я выписал, но на следующий день, договорившись с опером, главврач их всех оставил. Водку на День медика тоже не пили. Гордость Алексина не позволила ему участвовать в общем *симпозиуме*.

14.05.10

Терапевт Лала Викинговна о том, почему не здороваается с соседями (живет в деревне под Александровом): «Сегодня с ними здороваешься, а завтра они пьяные под твоей дверью в подъезде лежат. Перешагиваешь, чтобы дверь в квартиру открыть». Она советует мне отыгрываться на больных, когда плохое настроение. «Тут все так делают».

17.05.10

После декрета вышла на работу главная медсестра Инна Гыгоевна Сидоренко, d/s умственная отсталость легкой степени с нарушениями поведения.

Лала Викинговна мерила давление медсестре Пугалиной, специалистке по сопровождению этапов. У Пугалиной, как и еще у медсестры (Светы?), след от самопореза на предплечье. И больные, и персонал у нас «вскрываются». Персонал «научился» у больных. Говорят, на Кошкином доме сотрудники за три года сходят с ума (замечание Элтона Трибасова).

18.05.10

Главврач Алексин рекомендовал мне обманывать больных. Как известно, при поступлении они должны подписывать согласие на госпита-

лизацию и лечение. Без него мы обязаны выписывать больных в течение 48 часов или подавать в суд, если мы считаем, что больной нуждается в принудительной госпитализации (опасен для себя или окружающих).

Алексин: «Если больной отказывается подписать согласие, говорите ему, что, подписав *эту бумажку*, он выйдет на свободу!»

Аптека за территорией. Чтобы бесплатно хавать кошкиндомовскую баланду, начальница аптеки взялась приходить в ПБ с 13 до 14. В это *святое* время, восприняв *лучшие* традиции предшественников, главврач, замша Гордеева, главная и старшая медсестры, простые медсестры и инспектора + добавившаяся к ним аптекарша едят пищу душевнобольных. Суп отчерпывается сверху, куски мяса отбираются самые большие, с минимумом костей.

Захожу в столовую на пятом этаже. Слышу смачный хруст начальственной четверки + аптекарши. Вижу согласное движение пяти челюстей, работу десяти жевательных мышц. Где-то там внутри выработывается слюна и желудочный сок, поджелудочная железа дает ферменты. Кто откровенно любит пожрать, благоразумно принял мезим... Жуя, через начальственное плечо мне даются указания, куда пойти, кого и как вылечить. Я не должен мешать священнодействию.

24.05.10

Приезжал Элтон Трибасов. Забрал хранившийся в аптеке остаток личных вещей. Полный антипод Алексина: один — гомосексуалист, другой — обжегшийся на бабах натурал. Первый начинал

утро, «успокаиваясь» просмотром на компе «Корсара»: мальчики в трико выводили па на палубе пиратского корабля; второй — к двенадцати часам настраивает начальственный Интернет на брутальный музон «Лесоповала». Элтон, когда смотрел и слушал, сжимал пухлые ручки и коленки; новый под блатняк качает длинной худой ногой. Изменилась и продолжительность избираемых произведений искусства: балет «Корсар» длится два с половиной часа, диск «Лесоповала» — сорок пять минут. Замечательно поведение «вечного» замглавврача Гордеевой (при обоих). Если при Элтоне она предпочитала классику и псевдореминисцировала о посещениях Большого, теперь «торчит» от «Лесоповала» и Кати Огонек. «Владимирский централ...» — коряво выводит она.

Пока начальник и зам расслабляются, предаваясь «музыке», я на нижних этажах, «в трюме». Я веду, помимо своих, 90 больных навязчиво отпускного Чингиса Далиева. Анжела отлынивает под предлогом освоения абсолютно ненужного для нашей работы аппарата Фоля (способен определить употребление наркотиков и двадцать лет назад; такой бы в наши средние и высшие школы, учащиеся и их родители были бы рады!). Аппарат Фоля куплен аптекой, деньги потрачены, поэтому не изучать его никак нельзя. Нужно и приятно, когда занимаешься этим вдалеке от тюремной территории. Ни вышек, ни служебных собак, ни колючки, ни кислых физиономий сотрудников, одна эстетика!

Сибариту Трибасову и не снилось, как пышно расцветет насилие в принудительно оставленной им конторе. После смерти Веры Трифоновой пять-

шесть человек приковано наручниками ежедневно. «Браслетов» не хватает! Буяны ухитряются их гнуть до непригодности и даже ломать! Их раскрывают, из них вылезит — made in Russia.

Вопреки бездушию врачей (со всей страны сухие щепки самые отборные), больные не теряют оптимизма. Больной Молодой, за попытку самоубийства прикованный к постели в камере «интенсивной терапии», на мой вопрос «Как дела?» показывает зажженную сигарету в той руке, на которой нет «браслета», и спокойно отвечает: «Курю». Даже не стойк, киренаик какой-то, учитывая сломанный в двух местах позвоночник. Мучительные боли и подвигают Молодого к уходу из жизни.

Больная Бякина, та, которая будто бы сама навязывалась идти к смотрящему Каримову на секс вместе с упрямившейся скинхедкой красавицей Василисой Ковалевской, явилась ко мне на прием в коротком халате: «Все постирано». Просила закрыть дверь. Сидела перекладывая короткие ноги, показывала то бюстгальтер, то трусы — черное нижнее белье. Разговаривала ни о чем с длинными паузами. Я принялся ее выпроваживать, тогда она обозлилась и обещала написать на меня жалобу «на непонимание». Стремительно рассвирепела, кричала в коридоре: «Если бы мы не совершали преступлений и не сходили б с ума, вам бы работать было негде! Не за что деньги получать!»

26.05.10

Долгожданная баня. Новый, вместо Поспешева, банщик Роман, бывший опер, имеет обыкновение не только рыться в моих книгах, прося по-

читать, но и закрывать больных в помывочном помещении на час и более, уходя на обед. Под душем-то ничего, но в предбаннике после мытья свежо.

То ли он хотел отомстить мне за то, что я не дал ему Фромма, то ли еще по какой причине, но больные были в очередной раз «забыты» в бане рядом с камерой, где я принимаю больных. Эта камера громко называется у нас медкабинетом, или даже одной из ординаторских.

Больные, наконец выпросив баню, теперь скулили, стучали, робко просили и громко грозили, задыхаясь в холодном пару, ими же при помывке напущенном. Мои проходные ключи к бане не подходят. К камерам — тем более. И мне не дозволено водить больных, тем более одному.

Я поднялся на третий этаж, чтобы не слышать криков и грохота, делавших если не невыносимой, то чересчур абстрактной работу над историями болезни, мною в тот час производимую. На третьем этаже ни одного сотрудника. Поднимаюсь на пятый этаж к начальнику, обедавшему со своим обычным окружением. Тот привычно: «А где инспектора?» — «Их нет».

Больные и я — ситуация обычная в обеденный час.

На втором этаже появился контролер Арсений Горбатый, молодой драчливый парень с огромным деревянным молотком-киянкой (предназначен для простукивания стен в поисках дефекта, дающего шанс на побег; как и другое, имеет в тюрьме второе, более значимое использование). Арсений открывает дверь в баню. Сначала ударом ноги, потом — киянки отгоняет вглубь самых не-

терпеливых. Потом он просто лупит всех подряд, направо-налево, куда ни попадя. Слова Арсения знаменательны: «Бани хотели?»

Другой раз он бил сидящего больного ногой в «стакане». Побои в ПБ нередки. «Что делать, если они по-другому не понимают?» Побои производят за углом, не в коридоре, где «видит» и пишет видеокамера. Чаше их производят науськанные санитары-зэки. Они знают «приемы». Некоторые — «мастера».

Эти случаи не вопиют, по сравнению с первой половиной 80-х прошлого века на Дворянском спеце. Там у нас был доктор-психиатр Вася, не помню фамилии. Вася занимался карате. Дрессировал и меня с приятелем Сережей Е., тоже психиатром. Мы ходили в широких штанах, не поворачивались к больным спиной, ждали нападения. Его все не было. Тогда Вася один, другой раз ударил больного на приеме. Потом он вызвал больного сурдомутизмом, которого показом черепа прежде пытался разговорить наш начальник, зеленкой, ориентируясь на висевшую на стене карту человеческого тела, отметил на его коже болевые точки и покаратистски пятками принялся лупить больного. Тот упал. Вася вошел в раж, он кричал упавшему: «И ты со своей жертвой так? И вот так?!» Мы Васю едва утихомирили. Вася устал. Вытирая пот, он оправдывался: «А если бы, А.В., он вот так с твоей женой? Дочерью? Сыном? Матерью?»

Больной тоже отдышался. Его увели. Он не мог ничего рассказать, поскольку был глухонемым. Писать не мог — врожденная умственная отсталость. Других глухонемых, кроме него, в отделении не было. Вася мог чувствовать себя без-

наказанно, если бы я не пригрозил написать на него рапорт в случае повторения нынешних экзерсисов. На что Вася твердо отвечал: «Я раньше напишу, что это ты избиваешь больных!» Он чувствовал себя уверенно не только потому, что жена, у которой он был «под каблуком», работала воспитателем в отряде, позже — адвокатом, а потому, что практика избиения больных была не нова и повсеместна.

27.05.10

Заккрытие больных в бане в обед повторилось. Опять множество тумачков и неприятных эмоций. В остаток дня вернулись к побегу Астахова. Сообщили, что кем-то запущен слух, что это я не закрыл, уходя, дверь. Я возмущился: «Все четыре, что ли? Я ушел в шестнадцать часов, а побег состоялся в шестнадцать пятьдесят». Злые язычки поприжали. Но «за побег Астахова» сняли премии и квартальные со всех медиков ПБ. Астахова найти не могут. Объявлен всероссийский розыск.

Врач Далиев зажимал замужнюю медсестру Мойру. Потом, утомившись, лег спать на кушетку. Не отпуском, так сном украл часть работы. Проснулся. Я спросил его про вчерашний день, когда он отпрашивался съездить в Институт усовершенствования врачей «узнать о сертификате». Чингис уже и забыл про поездку. Он даже не знает, где расположен институт, в который вчера будто бы ездил.

В мае под различными предложениями он не выходил на работу четыре раза.

28.05.10

Банщик Роман — подполковник. В чем он про-
штрафился, чтобы так «опуститься»? Отставной
банщик В. Поспешев «пристроен» на корпус.

31.05.10

Видел врача Грымова Алексея Вадимовича. Вновь
судится с УФСИНом, и вновь успешно. Уволен за
то, что полтора года был в отпуске: суммировал,
что за предыдущие годы задолжали: давали 30 дней
вместо 60 (на гражданке 62). Через суд Грымова
восстановили. Он вошел в Бутырку и скрывается
в стенах Кошкиного дома: живет нелегально, «при-
видением», поскольку справедливо опасается, что,
если выйдет на территорию, назад могут не впу-
стить. Вопрос с питанием решает, как и все — ест
баланду душевнобольных. Несколько дней Гры-
мов не стирался. Зарос, провонял: «Забыл взять
нижнее». Грымов — калька добродушного деда из
американских фильмов, только без передних зубов
(выбил инспектор Горбатый, когда по пьяни у во-
рот тюрьмы дрались то ли за проститутку, приве-
денную на всех «за пятихатку», то ли за место у
теплой трубы на лавке, где спало пятеро сотруд-
ников). Я неоднократно предлагал скинуться Гры-
мову на вставные зубы, «чтобы нас не позорил».
Коллектив не поддержал.

Главное событие понедельника: умер Барутян
Арутюн Акопянович, 1962 г. рождения. Будто нар-
коман, но предплечья чистые. Будущий труп при-
шел в субботу: «ломка». Помощь не оказывалась
из-за обычного небрежения и отсутствия лекарств.

По распоряжению Алексина «крайняя», т. е. новенькая процедурная медсестра, калмычка Наташа, делала труп реанимационные уколы, «чтобы грамотно отписаться». Полный курс отставили, испугавшись, что эксперты догадаются.

Сестра Л. Цветикова с опером Серпуховым «приглаживали» тексты объяснений. Посмертный эпикриз Гордеева предложила написать мне. Я сослался на занятость: вместо начальника послали на прием граждан. Поручили Анжеле. Она не умела. На терапии тоже кто-то умер. Я предложил Анжеле пойти туда и «переписать», что она и выполнила.

02.06.10

На утреннем обходе медсестра Цветикова (третий раз замужем, муж — опер, ходит в золоте, как елка) придралась к выписанному больному Аханесяну, требовала показать руки, не спрятал ли он предназначенные к проглатыванию таблетки. Аханесян таблетки съел, но руки показывал не очень старательно (Цветикова не любит нерусских, всегда голосует за ЛДПР). Слово за слово, Аханесяна отвели в «стакан». Он огрызнулся. Два контролера били его в «стакане» ногами. Главврача в ПБ не было. Я сообщил о происходящем сидевшей в кабинете начальника Гордеевой. Та отмахнулась. Аханесяна, «чтобы не выл», перевели в «резинку». В 15.30 бывший Аханесяна контролер попросил терапевта посмотреть Аханесяна в «резинке», «а то еще умрет ночью».

Накануне я попросил престарелую медсестру Т.Н. Кроликову (жертву интриг Владимирского центра, будто кто-то там из-за нее умер — инфо

или наговор от женщины-врача, стажировавшейся со мной в институте имени В.П. Сербского) сделать больному модитен-депо (французский препарат богат осложнениями). Все на свете путающая старушка («бывший психолог») зачем-то набрала два шприца... Сделав укол, спросила: «Еще кому?» Больше было некому, но, «чтобы добро не пропадало», «добрая баба Таня» заставила спустить штаны и сделала укол больному Романову, ожидавшему в коридоре вывода на следственные действия.

Анжела с утра в слезах. Дома? Хам-начальник? Аппарат Фоля, ради которого она училась две недели, не работает. В том числе и из-за личных проблем Анжела, которая ведет 37 больных (я — 68), их не смотрит. Анжелова 467-я камера стучалась весь день, требуя доктора.

Грымов живет в таблеточной четвертого этажа.

Решено уволить калмычку-стажерку процедурную медсестру Наташу Карманникову. Будто и сигаретами в ПБ подторговывала (видел: просто угостила больного сигаретой; инспектора дают пачками), и иглу от шприца дала надоедливому наркоману Амельченко. Попалась она или оклеветали, разницы нет. В тюрьме люди — говно. Ни стыда, ни совести, ни самоуважения... Гордеева и Алексин час уговаривали меня фальсифицировать истории болезни: люди поправились к 20-му числу и заполнять выписной эпикриз 20-го, но ставить 23-е, ближе к этапу, «чтобы не было длинного срока между выпиской и реальным уходом, а то они после выписки у нас без согласия сидят». Отказывался делать подлог, мотивируя... суммарной зарплатой в 20 тысяч рублей. Материальный пред-

лог понимаем, о чести и достоинстве — говорить впустую.

Вчера, пока другого больного отводили в процедурную, «исчез» Козьмин. «Стакан», где он сидел, чего-то дожидаясь, настезь. Мы с контролером идем искать. Тот впереди, я, опасливо, сзади. Вдруг в служебном туалете — шепот. Толкнулись. Туалет крошечный. У умывальника лицом к лицу, между ладонями две ладони в ширину сложить можно, опер Серпухов и Параноик.

Параноик: «Опер отвел меня». Где же им еще беседовать, оперу с шизофреником?! Кафка какой-то! Нашим медтуалетом и ээки-санитары пользуются. Я натыкался на запертые двери. Вопиюще, когда на наши стульчаки садятся сифилитики и вичевые — их туда иногда из сочувствия к нужде (ждут вывода на следственные действия, в суд, «на свиданку») отводят некоторые инспектора.

Наша жизнь с 9 до 16 под стучи в двери, трели звонков с неприятным тембром, словно из фильмов ужасов, крики.

По-прежнему развлекает бывший сотрудник из дома напротив (который с биноклем по окнам шарится). Звонит в УФСИН: «В психушке снова вопят. Кто-то кричит, что его убивают. Контролеры людей пытаются...» Замучил старый чекист наших *старших*.

На входе в тюрьму с сегодняшнего дня обыскивают дважды: за паспортным контролем, как обычно, плюс после получения тюремных ключей. Искали флешки, блютузы — звенели талоны в метро. Металлоискателями лезли в промежность. Позже выяснилось — была однодневная кампания.

04.06.10

Какой-то больной II-го отделения (уточнить кто, Плиев?) возмущенно пожаловался терапевту Лале Викинговне, что за полтора года пребывания в ПБ не видел лечащего психиатра ни разу!..

Вчера Чингис явился на работу в 14.00, в 15.00 я застал его смертельно спящим на стуле в не используемой для приема ординаторской третьего этажа, где мы переодеваемся. Проснувшись, развлекается: «увел» мои тюремные ключи. Смеялся, когда я искал их час. Отдавая: «Надо быть внимательнее, А.В., без тюремных ключей (номерные) вас с работы не выпустят!» Сегодня Чингиса на работе вовсе нет. И все как с гуся вода!

Лала Викинговна: «Родные смеются надо мной: за что же ты так ненавидишь своих больных?!» — «Потому что они — козлы!»

Порочна вся система: больных вырывают на этап, не считаясь, выздоровели они или нет. Приходишь на работу, а ночью больного вывезли. Сестры: «А.В., больной ушел на этап. Напишите эпикриз!» Эпикриз я пишу, но идет он «в стол», т. к. медкарта, куда эпикриз вклеивается, уже пошла вместе с больным по этапу.

Психиатр Грымов, походя: «Наш девиз: бабы и водка!» Кого девиз? *Матерых* психиатров? Или ох...ших? Грымову 56 лет, он не в лучшей форме, толстый, лысый, нет передних зубов, выбитых инспектором Бутырки.

Услышал по радио: в каком-то московском театре поставлен спектакль на основе дневников Магницкого, свидетельств его родных и адвокатов. Вот бы посмотреть на актера, изображавшего Крабова!

07.06.10

Мохнатый Сергей Фомич, 1954 г. рождения, три высших образования, родом из Уфы, забран в Бутырку с митинга «несогласных» на Триумфальной площади 31.12.09. Меня вызывают на Сборку для его осмотра. Завидев меня, Мохнатый, видя во мне воплощение ненавистной ему Системы, кричит: «Требую уничтожения России с разделением ее между США и Германией по Уралу!» Беру «парня» в ПБ (инкриминируется сопротивление «властям» при задержании: укусил милиционера, что, естественно, отрицает: «Шел мимо митинга к девушке с цветами и шампанским»). С пятницы Мохнатый на Кошкином доме, d/s «Шизоидное расстройство личности, декомпенсация». Был возбужден, помещался в «резинку». На следующий день в машине услышал, как о его задержании вопят правозащитники. Рекомендовал начальнику выписать «от греха подальше». В тот же день выписан. Позже о своем суточном пребывании в сумасшедшем доме Мохнатый будет стыдливо умалчивать.

15.06.10

ДОПОЛНЕНИЕ К АНАМНЕЗУ

Уточнение психиатра Грымова: он «жил» на лавочке перед входом в Бутырку не семь лет, а всего полтора года. Остальное время, не мытьем, так катаньем, удавалось перекантоваться в ПБ. С горечью вспоминает, как однажды в два часа ночи мимо лавочки, «возвращаясь с гей-вечеринки», шел пьяный Элтон Трибасов. Я ему: «Почему ты в тепле Кошкиного дома ночуешь, а я на лавочке?» Он:

«Потому что я — начальник». «И почесал дальше, держась за стену, чтобы не упасть».

О выбитых контролером зубах Грымов вспоминает с сардонической язвой: «Дело было зимнее, морозное. У трубы теплотрассы любой хотел быть. Восемнадцатилетние проститутки с Новослободской отдавались за «пятихатки». Драли прямо там (т. е. у входа в тюрьму). Только в день получки. Из-за недостатка средств одну брали на всех. По пьяни, показывая удалчество, контролеры разбивали пустые водочные бутылки себе об голову». Зубы выбиты пять лет назад. Бутырские тусовщики оспаривают прежние версии о драке за место у теплой трубы или «за бабу». Контролер обвинил, что Грымов что-то у него украл. Грымов оспорил. Уточняется и звание и ФИО обидчика: сержант внутренней службы Сергей Тарбеев. «Он ударом кулака не только зубы выбил, но и нос мне сломал!» Тарбееву тогда было двадцать пять лет.

В тот же день Грымов указал мне обидчика во дворе Бутырки. Тот кого-то конвоировал. Предположительно, Тарбеев выбил Грымову передние верхние зубы и клыки. Хотя про последние он шуточно утверждает: «Эти от старости выпали». В седых, опущенных книзу усах Грымов похож на моржа.

Он 30 лет прописан в общежитии на родине в Орле, т. к. это дает ему право претендовать на жилье от УФСИН — стоит на очереди. Женат на медсестре (не первым браком). О детях не знаю.

Про лавочку — неудивительно. Многие приезжие сотрудники вповалку спят между дежурствами в спортзале Бутырки. Я предложил заниматься приемами самообороны в спортзале. Мне: «А ты пойди погляди, что там». Пошел. У людей места чуть боль-

ше, чем в могиле. Один от другого отделен чемоданом или рюкзаком. Спят на тюремных матрасах.

Грымов пять раз судим судом офицерской чести, семь раз увольнялся, разаттестовывался и восстанавливался. Крабов (Гиммлер) о Грымове: «Я его спросил, где он диплом купил». Свидетельство самого Грымова за чаем: «Я всегда голодный». Он ждет, когда я допью чай, а потом «дополаскивает» мои чайные пакетики у себя в чашке.

Три врача дежурили в усиление на праздники: Антонина, Алексин, Анжела. Всем троим, бессовестным, пишу «первички» поступившим в их дежурство больным. Еще погоняют! И ждут нового врача, вести их в рай!

Главврач, провинциал, торопыга и путаник, по телефону: «Вы из Царицына? А это какая область?» Смешно до безумия.

18.06.10

Приходило «Бутырское телевидение». Маленькая цифровая камера на штативе. Отечный, второй раз судимый оператор в очках и лейтенант внутренней службы — режиссер. Что за социальное партнерство! Хотели снимать работу. Я отказался по причине «фотонегичности». «Группа» ждала терапевта. Два сумасшедших «актера» были заготовлены в «стаканах».

Терапевт Лала постеснялась или побоялась, что «козлы» потом на улице опознают, сочтутся «за лечение». ТВ-группа ушла, несолоно хлебавши.

Тюрьма — самодостаточное государство. За каменным «занавесом» и пекарни, и транспорт, и связь: «Липецк! Липецк! Я — Тамбов!», и ТВ. Роль тюрьмы в тюрьме играют карцеры.

Освободившись, бутырский оператор перегнанные на DVD материалы местного ТВ кому-то «впарил» за деньги или вложил в Интернете. Была история.

21.06.10

Сразу после дня медработника вышел на работу психиатр Юлий Александрович Вражный. Отставной вояка. Сначала институт в Нижнем. Завершал в военной академии. Служил семь лет в Мурманске на подлодке, где будто бы был контужен. Говорит громким голосом, практически кричит. Далее служил врачом в крымском санатории. После распада СССР ему было предложено принять присягу Украине, что и было сделано. Я цинично: «В санатории много баб поимели?» Он: «Как можно, А.В., это же нечестно!» Познакомился в Крыму с отдыхавшей там полькой. Уехал к ней. Жил два года, выучив польский и немецкий. Знает и английский. Акцент еще тот! Пытался подтвердить диплом в Польше. Полька вытурила. Вернулся в Россию. Живет у разведенного брата в Мытищах: «Брат работает в страховой компании на Лесной. Алиментов только двадцать пять тысяч платит!» До психиатрии (имеет сертификат врача-нарколога) был аптечным промоутером: хорошо знает цену лекарств. Вражный, мягко говоря, странен: «Почту за честь работать в Бутырке!» У больных его прежде интересует уголовная статья. За громкую речь он получит у нас кличку — Контуженный, у больных и эков — доктор Зло: за короткий срок в его дежурства умрет шесть больных. Мы с начальником будем спорить о его диагнозе. Алексин: «Шизофрения». Я: «Скорее — умственная отсталость».

23.06.10

От «ломки», жажды и голода вопит, скулит, поет гулящим псом, воеет защемленной кошкой прикованный за руки и ногу к кровати в 466-й камере наркоман Ставропольский Леонид Ольгович. Ему «с вязок» не видно, что в отделении никого нет, кроме не имеющего камерных ключей меня. Я не могу войти и подать ему воды и хлеба. Обедом беднягу обошли, и он вопрошает в воздух: «Вы знаете, что такое жажда? А голод?» Тишина. Лишь безумец Талайбеков запыхался биться о стенки «резинки»: «Пустите в аул!» Отделение спит послеобеденным русским сном.

24.06.10

Весь день ждали комиссии прокуратуры по надзору. Расковали прикованных к кроватям. Из засранных и ободранных «резинок» вывели узников. На двери нашей «резинки» (второй этаж) повесили табличку: «Ремонт». А наручники лежат среди швабр; там надпись: «Шанцевый инструмент».

26.06.10

После смерти упомянутого выше наркомана, которому уволенная Наташа делала реанимационные уколы посмертно, ввели суточные дежурства. Ох, сколько во время их умрет!

Освобожденные из Бутырки и Кошкиного дома имеют право на 700 рублей на дорогу. Эти деньги из бухгалтерии приходится иногда ждать не один день. Безденежные и голодные освобожденные ту-

суются у входа в тюрьму, сидят на лавочке, где спал Грымов. Кто-то, показывая справку об освобождении, просил денег у меня, когда я подъехал на авто (возле Бутырки у меня сняли колпаки с колес, сотрудники или освобожденные ээки — неизвестно).

Между камерами веревки «дорог». Одна ведет прямо из таблеточной.

Днем накануне (25.06.10) шеф мне по внутреннему телефону: «А.В., у нас сколько алкоголиков?» — «Один-два». Тут же переводит то ли Пыткиной, то ли отозванной из отпуска Гордеевой: «Пиши пятнадцать. Наркоманов?» — «Тоже один-два». — «Пиши: тоже пятнадцать». Так начальство фабрикует полугодовой отчет. При Трибасове все трупы записывались на ненавидимого им Чингиса. Но и при Алексине нельзя верить ни одной статистической справке ПБ. Умолчим о повальной неверной постановке диагнозов. Врачи психиатрических скорых направляют из изоляторов к нам больных часто с несуществующими в МКБ-10 диагнозами или знают два: «Острое психотическое состояние с симптомами шизофрении» или то же, но без.

Без даты

У меня был больной Секин. Он лежал у нас в больнице дважды. Оба раза ему ставилась реактивная депрессия (диагноз упрощен для неврачебного понимания). В составе «организованной преступной группы» скинхедов Секин участвовал в убийствах 14—16 человек неславянской национальности в электропоездах Ярославского направления. В деле я увидел его адрес, он жил с родителями недалеко от меня.

Секин — высокий, долговязый, чернявый парень с грустной улыбкой на бледном лице. На прием граждан ко мне (замещал нелюбительницу визитов родственников Гордееву) приходила его мать, тоже высокая, утомленная, как потом выяснилось, тиранством мужа женщина. Приходил и папа, отставной военный, он ругался на «черных, которые понаехали» (вот откуда корни), признавал, что «убивать таджиков — не метод», и угрожал выпороть сына за убийство 16 человек ремнем, «только вы мне его дайте». Государство папе Секина отдавать не собиралось. Сыну грозил пожизненный срок.

Начальство справедливо опасалось, что 19-летний Секин может покончить с собой, узнав неотвратимый приговор. Многие дни Секина держали прикованным наручниками к постели. Я назначал ему антидепрессанты и утешал, будто *светский* священник (термин мой). Чтобы избавить парня от суицида, я говорил ему страшные несбываемые вещи, мол, когда Жириновский станет президентом, таким, как он, объявят амнистию или значительно скосят срок, что *после смены режима* он вообще станет героем, и «ему установят памятник при жизни». Секин мне не верил, но улыбка его, когда он слушал меня, становилась менее грустной.

Секин не повесился, даже не «вскрылся». Такое в Бутырке случается крайне редко, но однажды, примерно через две недели, как суд определил ему пожизненное заключение, я, возвращаясь со Сборки, столкнулся с Секиным один на один в предбаннике общего корпуса. Конвоир отлучился в служебку. Мы стояли лицом к лицу лишь под глазом видеокамеры. Секин с улыбкой еще более веселой, чем при выписке из ПБ, буквально бро-

сился ко мне: «А.В.!» Больше он не сказал ничего, но я видел, что он, этот зашуганный собственными заблуждениями и преследованием общества молодой человек, искренне рад видеть меня. Предполагаю, что это была одна из немногих его положительных эмоций после задержания.

Совершенно неожиданно Секин протянул мне узкую нетрудовую ладошку. Растерявшись, я пожал руку, которая убила, документально доказано, почти двадцать человек.

У меня нет категорий, я не кандидат наук, тем более — не профессор, ничего подобного мне не светит, т. к. я немолод, мне много лет, и не всегда в своей жизни я занимался психиатрией. Тем не менее убежден, и врачебный опыт мне подсказывает, что, если из лечения душевных болезней мы вынем духовную составляющую, прогресса в лечении не будет. Душевная болезнь от слова «душа». Психическую болезнь нельзя лечить одними пилюлями, как холецистит.

Когда мне стали препятствовать вкладывать душу в лечение душевных болезней, я стал подумывать об уходе из Кошкиного дома. Другие *бессердечные, бессострадательные* методы были не мои. Более того, как я ни бился, по чужим лекалам у меня ничего не выходило.

29.06.10

В воскресенье 27.06.10 по ошибке, вместо Ильина Сергея (СИЗО-2), на общий корпус вывели после лечения Ильина Павла (СИЗО-4). Первый резал предплечья (демонстративно — шантажное аутоагрессивное поведение); второй — параноик

(накануне вышел «на продол» в колпаке из газеты, с одеялом на плечах; именовал себя Бэтманом). Ангела Пыткина: «Беда с этими однофамильцами!»

У нас были случаи и с вывозами на суд однофамильцев или назвавшихся по тем или иным причинам, иногда болезненного характера, чужим именем.

После работы зашел в расчетную группу (за территорией) справиться о зарплате: премию ко Дню медработника зажали. Начальство выписало поощрение лишь себе. Ладно с премией. «Где зарплата?» — «А чего раньше не получали?» — «Забегался». — «Ждите выручку из зэковского магазина. Наторгуют — получите». Часа два я ждал выручки, гуляя от кассы с амбарным замком к кабинету начальницы бухгалтерии Дранковой и обратно. Наконец принесли. «Ваше счастье — идите получите». Сначала какие-то двое, потом я — получили. Бухгалтера смеются: «Теперь вам, вольнонаемным, зэки платить будут. Нет торговли — нет зарплаты!» Что ж, зависим от последствий!

А вот Грымов попал. Он аттестованный, но ему тоже выдали «зэковскими». Зэки — народ веселый. Одна тысячная купюра оказалась фальшивой. Грымova под белые ручки забрали в гипермаркете Орла, что послужило основанием для очередного его иска к УФСИНу.

06.07.10

ИЗ ИСТОРИИ КОШКИНОГО ДОМА

Воспоминания 67-летней медсестры II-го психиатрического отделения Альбертины Михайловны Кадочкиной (заслуженный работник Бутырки,

40 лет стажа на Кошкином доме, красит седые волосы в жуткий сурик, ухаживает за мужем-инвалидом, когда читает или пишет, одну пару модных узких очков надевает поверх других; меня любит): «Вот и запретили врачей из эков братья, а раньше брали. Врач-гинеколог у нас работала... знающая... отсидела семь или восемь лет — кто-то там умер во время аборта у нее на дому. Отсидела. Освободилась и до пенсии у нас в Бутырке так и проработала. Ой, старалась. В погонах! Муж ее, рентгенолог, пил, да человека видел насквозь. Тоже в прошлом эк. Еще два бывших эка работали врачами. Было время...»

Я: сейчас на Сборке трудится медбратом эк, исключенный с третьего курса мединститута. Старательный. Имени не знаю.

Санитары Олег и Андрей лихо расписываются у нас в ПБ за кататоников и «отказников», не дающих согласия на госпитализацию. Шеф приказал братья согласия на лечение даже у невменяемых, ожидающих отправления на спецы. Вот закрутил!

10.07.10

Нашего Растиньяка (начальника ПБ) зверски, но неведомо для него обкорнали эки-санитары (как и душевнобольные, из экономии стрижется у них той же машинкой). Дурацкий чубчик, неровно сточенные виски черного клоуна... То ли чуя насмешки, то ли в гордыне абсурда, захлестнувшего руководителей, верховный подонок выучил окружение называть в приватной беседе

ординаторов по кличкам. Я, ну естественно, Суворов, Грымов — почему-то Клинский (по пиву), бурят Чингис Далиев — Оленевод и др., упоминаемые выше. Здесь — исток. Мы, простые, ответили угрюмой, плохо скрытой ненавистью к трем трутням, нами управляющим.

18.07.10

Три смерти за ушедшую неделю несколько прибили честолюбие Люсьена дю Рюампре: Коляскин В.А. (смена Анжелы Пыткиной) и Кузнецов А.В. (смена контуженого Морфлота). А меж ними выбросился головой вниз из незарешеченного окна псевдопалаты интенсивной терапии (второй этаж) Измаилов К.Б., 1986 г. рождения — тоже доктор Зло.

Шеф прикуривает одну сигарету за другой. Грымов про него: «Не стать капитану майором!» На «пятиминутке» я обмолвился, что «поставил крест в листе назначений». Главврач едва не потерял лицо. «Не произносите при мне этого слова!» — вскинулся. Не сатанист ли?

Алексин запретил класть больных на соседнюю койку с больным Шамиловым, подле которого умерло трое, будто Шамилов, живя сам, заражал смертью других.

Суеверие пошло выше. Начальник тюрьмы Теликов при сдаче мною дежурства: «Надеюсь, рядом с Шамиловым никого не положили?»

Злосчастную койку вовсе выкинули.

Алексин сетовал: «Они (больные) жить не хотят, а нам отвечай!»

22.07.10

К 16.00 у больного Джагавы Кобы Давидовича, 1969 г. рождения, началось. Коба лежал на кровати, распластав руки. Шевелил пальцами. Во мне признавал сокамерника, интересовался инкриминируемой мне уголовной статьей. Вытягивая губы трубочкой, пытался сосать материнское молоко. Вен для внутривенных вливаний у Кобы не было — он был не только алкоголик, но и наркоман (защищаясь, организм наркомана прячет вены вглубь).

Замечая, что Коба, отец троих детей, собирается предстать перед своим Отцом, шеф, расписываясь в собственной беспомощности, вызвал скорую помощь: «И так три трупа. Хватит!»

С подстанции о больном спрашивала женщина, ее сменил мужчина. Дали номер заказа. Мы ждали. Бригада не ехала. Тогда Алексин, увидев в окно другую «скорую», вызванную по поводу другого больного дежурным фельдшером на общий корпус, послал нашего фельдшера Дымова «перехватить карету».

Фельдшер чужой «скорой» вставил катетер-бабочку, предназначенный для необнаруженной подключички, в вену плеча. Влили 200,0 трисоля.

Т. к. эта «скорая» была по случаю, дождалась *своей*. Ее врач хотел взять отвезти Кобу в больницу, да фельдшерицы отговорили: тут не соматика, тут делирий, пусть психиатрическую скорую вызывают... Вызвали.

Появились врач и «двое из ларца» — санитары. Мусситирующего Кобу не взяли! О чем вы? Какая психиатрия?! У больного соматика! Вызывайте соматическую скорую!

кого,
не умирают...

176

СПИСОК
или Дети во

Пришел зам по ЛПР Дивани. Он настоял на том, чтобы вернули вторую, *отказавшую* «скорую». Та приехала и наконец Кобу взяла. Возражавшие фельдшерницы язычки прикусили.

Теперь ждали, как соберут конвой. Процесс занял четыре часа. Дивани так «вздрючил» подстанцию, что одно время у наших ворот стояли две «скорые»: соматическая и психиатрическая. Они словно собирались расчленить больного: собственно делирий везти в продвинутую городскую психушку, если такие бывают, а соматическую составляющую того же делирия — в 20-ю больницу. Победила 20-я.

В 4 часа утра Кобу вернули. При мне его отвели в камеру. Он умолял в ту же — 450-ю. Коба тупо сел на постель и стал щелчками больших нестриженных чашеобразных ногтей сбрасывать наземь невидимых мне мелких жучков, паучков. Не ложась спать, я задержался, чтобы прочитать заключение специалистов 20-й больницы: у Кобы делирия нет, вернуть в ПБ Кошкин дом.

И Коба не умер!

В 7.05 снимаем с контролером из петли той камеры, куда ранее поместили Кобу, больного Путене (ох уж эти прибалты, такие упертые, вольнолюбивые!). Я за ноги подталкиваю полутруп вверх к оконной решетке, на которой простыня. Бужу и командую другим больным мне помогать. Инспектор приносит нож. Обрезаем узел, скидываем простыню. Я раз дых в рот, три надава на грудь. Прибалт прохрипелся, выплюнул пену и задышал ровнее и ровнее. Эту битву мы выиграли.

Через два часа Алексин пообещает мне премию. Премии я не дождался. С тех пор как он стал начальником, одни оскорбительные нагоняи. Когда ему было два года от роду, я уже работал психиатром в Дворянском. Тем не менее, годясь в сына-вья, он называет меня на «ты», а я его на «вы».

26.07.10

По ТВ сказали, что прокуратура нашла массу нарушений в Бутырке, в т. ч. з/к не выводят на прогулки. Инспектора молчат: за мизер, что им предлагают платить, никто не идет в «выводные». 3—4 тысячи рублей — базовая ставка сержантского и офицерского состава. В Бутырке 130 вакантных ставок. Не верите? Зайдите на тюремный сайт. ДПНСИ при сдаче дежурств при мне клал на стол начальника изолятора до восьми рапортов на отпуски с последующим увольнением. Чтобы ограничить «течь», Теликов приказал канцелярии не регистрировать местные рапорта. Чтобы уволиться, рапорта посылают по почте заказными письмами с извещением о вручении. Это дает возможность «вырваться» из тюрьмы, хотя бы через суд. Когда я сам столкнулся с подобной проблемой и позвонил в Гоструднадзор, специалист крайне удивился: «Люди обращаются, что их незаконно уволили, а вы — что вас не увольняют!» «Потеря» рапортов об увольнении — обычная практика Бутырки.

В ночные дежурства я сплю в «таблеточной» на сломанной хромоногой кушетке, одетый, без постельного белья. Дверь «таблеточной» не закрывается — нет замка, припираю ее на ночь стулом,

чтобы, не дай бог, вылезший через вскрытую кормушку какой-нибудь худенький (чтобы пролезть) серийный убийца не придушил меня. На крайняк ложусь лицом к двери, дремлю настороже, надеюсь как-то опередить судьбу.

Если что случается, инспектора входят без стука, бесцеремонно отодвигая стул. Контролеры спят в две смены: с 23.00 до трех утра и далее до семи (четыре ночных часа нам не оплачивают, будто мы дома!). В коридоре то сидит, то нет молодая приставучая матерщинница (контролеры ночью ходят редко: должны же каждые 15 минут в глазки камер заглядывать). Избегая ночных бесед с инспекторшей — заводит, когда иду ночью в дальний туалет, писаю в раковину — рядом есть «ближний» маленький туалет для персонала, но унитаза в нем нет. Как назвать его? Бывший туалет? Когда раковина, сколько я ее ни мыл, стала мочой пахивать, я стал писать в банку из-под корнишонов (выливаю и мою банку утром). Так поступаю по сей день. Вставать же по ночам приходится часто: в Москве небывалая жара, спать крепко невозможно, эски и больные перекликаются напропалую, гоняют «дороги».

01.08.10

Рассказ от Грымова: он в ночные дежурства спит на 4-м этаже в таблеточной. Пьющая медсестра Света Писемская (будучи трезвой, поносит за пьянство отца), изрядно приняв на грудь, прилегла рядом в сестринской. Ночью Свете захотелось «догнаться». Спирт стоял в сейфе в таблеточной, и она в два часа пополуночи ломанулась туда, с

требованием «не спать в таблеточной или хотя бы не закрываться, потому что мало ли чего мне для больных во всякое время нужно». Грымов своим присутствием мешал доступу «к бинтам для перевязки» (алкоголю).

С утра Света «гнет линию», требуя, «чтобы врачи не спали в таблеточной».

Видел список врачей и медсестер с домашними адресами и телефонами для срочного реагирования «в случае экстремальной ситуации». Стоматологу Аркадию вписали мой адрес и мой телефон. В свое время при проведении учебной тревоги «Крепость» меня из дежурки («Сочи») заставили обзванивать персонал. Телефоны на ночь были выключены у всех. А если, будь проклята, завтра война? Кто возьмет дежурные чемоданчики, захованные в шифонеры ПБ? Там не удастся, милые мои, как делаете вы на поверках, обмениваться содержимым. Кроме зубной щетки и бутылки водки там следует быть фонарику и давно подъеденному сухому пайку. В начале восьмого включила мобильник Гордеева. «Я не успеваю. Что делать?» Я грозно: «Бегите по эскалатору!» При мне Теликов переносил учебную тревогу сначала на 8 утра, потом на 9. Даже к девяти, к началу рабочего дня, многие опоздали.

Вернемся к Свете после рассказа о том, как, надев зимой «солнцезащитные очки» (не снимает), она утречком чешет за пивом с пятилитровым бидоном. Она вдруг вспоминает Бероеву и знаменитую «напольную 452-ю камеру». Там сорок два больных помещалось! «А один с двадцатисантиметровым гвоздем в час обхода как прыгнет на главврача!»

05.08.10

Рассказ ДПНСИ. В этом году засуха. Лесные и торфяные пожары. Где-то в республике Марий-Эл огонь подступил прямо к колонии. Задыхающиеся зэки запаниковали: возник кипеж — массовые беспорядки. И вот картина: ОМОН из шлангов холодной водой умиротворяет зэков, а спиной к ОМОНу стоят пожарные, поливающие подступающее пламя. Вода в те и другие шланги поступала из одной пожарной машины.

09.08.10

Был выписан и вскоре убит на общем корпусе большой Драженко М.Ю. Я одно время вел этого молодого абуличного шизофреника. Последним его доктором стал Зло. Он и выписал Драженко на общий корпус по рекомендации на клочке бумажки (не сохранилась) начальницы I-го психиатрического отделения Пыткиной А.

Удивительна не смерть Драженко (чтобы замазать дело, опера твердят, будто в припадке эпилепсии он упал «со шконки, проломив об пол череп»), примечательно иное: история болезни еще живого Драженко по нерасторопности фельдшеров не последовала в архив, и врачи-психиатры (дежурные) Пыткина, Глыба и Зло продолжали писать дневники психического состояния мертвому как живому, описывали настроение, мышление, поведение. Сейчас посмертные записки Пиквикского клуба из истории выдраны и выброшены в мусорное ведро, если не сделано что похуже — бумага врачебных историй, особенно с записями, мягкая.

Ой, поторопился, еще не выдраны. Вот шеф только за страницу ухватился! Успеваю перехватить и в голос прочитать последнюю запись доктора Зло (восемь дней спустя смерти Драженко): «Драженко сокамерникам обещал перерезать себе горло!»

Читаю, но никто из врачей не смеется: грядет большая комиссия УФСИН во главе с генералом Реймером. Срочно снять с фиксированных наручники! Отдраить 20 камер! Негодяев помыть и выгулять! Там ТВ, а вы... У меня отпуск!

Потом я вышел на работу, но случился ряд тягостных событий в моей личной жизни. Моей супруге удалось сменить работу менеджера по туризму на директора одной из телепередач. Жена стала не ночевать дома, ездить в бесконечные командировки, в т. ч. за границу. По приезде про страны вспомнить она не могла ничего. Я коротал вечера и ночи с трехлетней дочкой. Все чаще слышались упреки про то, «что муж, мол, работает в тюрьме, людям сказать стыдно». Вестником распадающейся любви приходил даже участковый, которого из УВД («а их с ТВ») просили «мою жену спросить, почему ее телефон выключен и она не выходит на связь» — села батарейка.

Действительно, после моего трудоустройства психиатром на Кошкин дом Бутырки мы стали материально жить очень плохо. В турагентстве жене тоже платили редко и бедно. На 20 тысяч втроем жить было практически невозможно. После оплаты коммунальных услуг и счетов за телефон оставалось 10 тысяч на троих. Мы жарили картошку на сале (шесть кило дала тетка жены, подговаривавшая ее «найти стоящего мужчину»). Пришлось отказаться от туалетной бумаги. Шампунь

заменить жидким мылом и т. д. Я подворовывал и кормил ребенка неоплаченными продуктами в гипермаркетах. Злился, ссорился из-за отсутствия денег.

В суточное дежурство 19.09.10 жена исчезла из моей квартиры вместе с ребенком, остатками сбережений, «подарками», ценными вещами совместного пользования, в частности, она забрала подготовленный к изданию дневник, который вы читаете (пишу повторно по рукописи).

20.09.10

Я нашел голую квартиру. Депрессивную картину дополняло отсутствие мебели, за месяц до того вывезенной на перетяжку. Нищетой кричали стены, где не хватало обоев. Ранее лакуны прикрывались диваном и двумя креслами. Под зеркалом лежала записка: «Я ушла от тебя навсегда. Не ищи нас». Записка была написана красивым, ровным почерком, свидетельствовавшим, в отличие от эмоциональной записки первой жены, ушедшей двенадцатью годами ранее, о выношенности замысла.

Далее мне угрожали по телефону, чтобы жену я не искал, иначе «отрежут яйца в подъезде». Я обратился за помощью в милицию, потом — к начальнику тюрьмы. Теликов позвонил в ОСБ (отдел собственной безопасности): «На подобные дела наши ребята с оружием выезжали!»

В Бутырку приехал майор из ОСБ Олешин. Писал ему «объяснение» в кабинете опера. Сотрудники ходили по коридору и смотрели на меня через открытую дверь: «Попался!»

Позже я навел на ОСБ на Нарвской. Мне сказали: «Ваш участковый — царь и бог. Идите к нему!» Выйдя с Нарвской — гигантский мавзолеем УФСИНа, я стянул напряжение чувств, осознав, что у меня не взяли даже номер телефона. Не заинтересовались выветившимся номером шантажиста: «Зачем? Номер он давно сменил! Или с радиорынка позвонил». Видимо, ОСБ (позже знающие люди подтвердили) не помогает сотрудникам. Отдел собственной безопасности ловит своих! Олешин, прощаясь со мной в ОСБ, мрачно пошутил: «Вам угрожали отрезать яйца в подъезде, но это не угроза жизни. Без яиц люди живут!» Он и еще двое молодых сотрудников ОСБ (одна из них молодая баба) ржали мне в лицо.

Так Бутырка и Кошкин дом отобрали у меня семью. И никто не помог! Палец о палец не ударили.

11.10.10

Тамерлан Н. Глыба не вышел на дежурство — снова в запое. Предыдущий раз без больничного отсутствовал 21 день, сославшись на пневмонию: «Всю жопу поискололи!» Вместо Глыбы дежурили Гордеева и новая докторша из Астрахани Надежда Николаевна Козьмина.

457-я камера, где «авторитеты», ослабила оконную решетку. Готовились к побегу. Когда камеру вывели в коридор на шмон, а один из сотрудников вошел внутрь для досмотра, сумасшедшие организованной толпой кинулись на резерв. Завязалась самая настоящая потасовка. Старшие и психи бились стенка на стенку. Женщины-врачи скрылись.

Лидер помятых психов Горбунков начал имитировать эпилептический припадок. Медсестра Коляян отказалась делать ему укол. Тогда доктор Зло со шприцом магнезии бесстрашно зашел в свежо усмиренную камеру и самолично произвел «спасительный» укол.

Главарей возмущения Рамхананова и Горбункова, не считаясь с психическим состоянием, на следующий день выписали из ПБ в свои изоляторы «за нарушение режима». 457-ю камеру «раскидали».

На стену сразу за входом на второй этаж повесили объявление об уголовных статьях, грозящих за нападение на сотрудников, массовые беспорядки и побег.

09.11.10

Начальник тюрьмы Теликов поставил на свой стол постер со слоганом: «Патриотизм — это дисциплина». Из кого цитата?

Я повышаю квалификацию на сертификационных курсах в Институте социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского — тут матка Системы.

15.11.10

В Серпах на «круглом столе» новый главный психиатр УФСИНа Хрюнова Эльза Петровна (вместо Натальи Филипповны) предложила «жаловаться». Психиатр из Сибири попросил избавить его от конвойно-охранных функций. Часть времени он врачует, другую — стоит на вышке с автоматом и шмонает эзков.

Говорили и об «оргтехнике»: как и у нас, авто-ручки покупаются врачами за свой счет. Я делаю записи в историях болезней зелеными стержнями, оставшимися от рисования трехлетней дочери.

17.12.10

Умер Володя Поспешев, тот самый поклонник Ленина и Муссолини, обвиненный в побеге паркурщика Астахова. Володе было 48 лет. Он упал на приеме у генерала в УФСИНе. Предполагали симуляцию, а оказалось, по-всамделишнему. Отвезли в расположенный поблизости госпиталь МВД. Причина смерти — оторвавшийся в вене бедра тромб: поднялся и заблокировал сердечный сосуд. За 25 лет службы Володя, кроме своих временных 6 на 4 или около того в кабинете опера, от УФСИНа не дождался ничего. «Сколько человеку земли нужно?» В Бутырке собирали у сотрудников на похороны. В ПБ отчего-то не зашли.

Свежеустроившаяся юная психиатрша из Асрахани Надя Козьмина «училась» специфике Кошкиного дома у Гордеевой за чаем с конфетами. Итог: больные «девочку» «грузили» (вешали лапшу на уши, по-научному: диссимулировали, т. е. скрывали болезнь). Надя «повелась». Многим в листах назначений она написала единственное: наблюдение. Без лечения один в ее смену повесился, другого (в мою смену) полуживого вынули из петли.

Следаки грозились запросить Козьминой шесть лет за халатность. Вместо этого она... надела погоны, аттестовалась. Истории болезней покойного и предпокойного, как водится, переписали.

Надя работает спустя рукава. Я буквально за-таскиваю ее за рабочий стол в ординаторскую. Зато шеф глядит на нее масляными глазами и ставит нам в пример, как она описывает больных. Да, про ее описания можно сказать: краткость — сестра таланта. Анамнезы жизни и болезни объединены, если не отсутствуют вовсе. Надя формальными фразами описывает полное здоровье пациента и лепит излюбленный диагноз Алексина: «Расстройство адаптации с нарушением эмоций и поведения». После того как он на пятиминутке назвал сей диагноз «удобным», с ним стала ходить половина больных.

Наде неловко «зависать» у положившего на нее глаз шефа, и она пасется в соседнем кабинете на-конец открытого после ремонта первого этажа, у Гордевой. Разговоры, разговоры... весь день. Надя работает до 15.00, а потому поднимается смотреть своих больных на второй этаж в 14.30.

Мне объявили замечание с занесением в личное дело за снятие по состоянию здоровья с суда авторитета Горбункова: «Состояние после эпилептического припадка». В рапорте на меня зам по ЛПР Дивани указал, будто документация у меня была оформлена неверно. На Дивани, в свою очередь, наехала новый психиатр УФСИНа Хрюнова Эльза Петровна. Новая метла прошла по мне. Позже эта некомпетентная тетка окончательно меня невзлюбит.

На обратной стороне извещения о замечании я написал: «Категорически не согласен» и изложил, как было дело. Выяснилось, Горбункова с судов различные психиатры снимали шесть раз, два из них я. После Горбунков участвовал в расшатывании оконной решетки в 457-й камере. Он

участвовал в нападении на резерв. Его выписали за нарушение режима содержания (см. выше). Горбунков вернулся с выбитыми в внутрикамерной драке передними зубами. Теликов распорядился «держатъ его на вязаках и лечить». Дивани: «Лечить до соплей».

19.12.10

Устроилась и сразу назначена начальницей II-го психиатрического отделения Ольга Валерьевна Шестопалова — неплохая высокая тетка. В прошлом спортсменка, баскетболистка. При всех достоинствах: ставит три разных диагноза, а лечение одно: аминазин с галоперидолом (4 куба на 2).

С появлением Шестопаловой шеф камеры II-го отделения распределил так: начальнице — две камеры, Наде Козьминой — семь, доктору Зло — шестнадцать. Последний пришел принимать у меня смену пьяным. В «юмор» по поводу распределения камер не вник, лишь заметил, что недавно у него очередной больной «подох».

Я сразу после окончания учебы в Серпах с 25 декабря ушел в отпуск. Чтобы забыть семейные неурядицы (четыре судебных процесса с бывшей женой), уехал отдыхать в Египет. Там встретил много отдыхающих сотрудников правоохранительной системы (целые отделы милиции с Урала и из Сибири). Трахнул непомерно толстую адвокатшу из Мурманска, ранее, по ее признанию, из-за недостатка мужчин отдававшуюся подследственным в комнатах свиданий в изоляторах.

И море не веселит — тошно, хоть в петлю лезь!

Часть IV

ПСИХСТАТУС

25.03.11

акануне около полуночи в дежурство Шестопа-
ловой О.В. истек кровью больной Совин Иван
Анатольевич. Он вскрыл вены лезвием мойки (од-
норазовой бритвы) и, свесив руки с кровати, про-
лежал так всю ночь. Инспектор «тетя Валя», из-
вестная леностью, «поясняла» (казенный термин
Пыткиной), что «неоднократно заглядывала в
двушку, но Совина не видела, потому что его кро-
вать стояла за туалетом». Она «предполагала», что
с Совиным полный порядок. Однако запись ви-
деокамеры коридора опровергла инспектора. Вме-
сто положенного промежутка в 15 минут, ночью
она заглядывала в камерные глазки редко, если не
отсутствовала на посту вовсе.

Позже тетя Валя (не любит и вечно ругает «по-
наехавших в Москву нерусских») признается, что
все-таки видела Совина — туалет не мешал. «А я
гляжу: чего-то спит и спит!» Смерть Совина была
обнаружена через четыре часа после ее наступ-
ления. Он воспользовался тем, что сокамерника
вывезли на суд и, видимо, оставили ночевать в
судебном помещении (?).

Дивились, зачем бывший сотрудник органов покончил с собой. Вроде бы срок дали небольшой. Разве сексуальная 132-я статья спровоцировала... Неприятно, что случилось в смену начальницы II-го отделения. Снова, как в случае с бежавшим Астаховым, покойный практически не получал никакого лечения. Не будем говорить о невыявленной депрессии, неизбежных в случае выявления антидепрессантах, у Совина даже активированного угля в назначениях не было. Не беспокойтесь, задницы прикрыты: посмертно в листах назначения появится все необходимое для жизни.

Новая психиатрша из Мордовии, с неприличной фамилией, по имени Наталья Николаевна, возраст 25 лет, едва успела попрощаться со мной в 15 часов (я заступил на дежурство в 14.00 — неполные сутки), как в тюремном коридоре крик и стук: «Больной повесился!»

На задверной решетке 456-й камеры висел на рукаве от сорочки больной Неприличной гражданин Грузии Иоселиани Тенгиз Тамазович. Сотрудница спецчасти, разносящая по ПБ всяческие бумажки: материалы дел, постановления и т. д., сообщила, отвечая на вопрос, что ему определено пожизненное заключение. Иоселиани «расстроился». Сокамерники заявляли, что в момент суицида спали. Потом выяснится, что Иоселиани попросил их четверть часа поспать. Они постучали, удивившись в смерти просителя.

Я делал дыхание рот в рот (делаю я один, другие врачи брезгуют, заставляя санитаров). Непрямой массаж сердца: бесполезно. Иоселиани быстро остывал и коченел. Смерть наступила десять минут назад. Шприцом с преднизолоном медсестра

не могла попасть в вену. Шприц передали наркоману, сокамернику умершего, игла в его опытной руке нашла вену мгновенно. Поздно! Электростимуляторов у нас нет. Про механический аппарат искусственного дыхания который год говорят, что есть, да так найти и не могут. Салфетку для дыхания рот в рот я использую из просроченной автомобильной аптечки. У других врачей нет автомобилей, следовательно отсутствуют и салфетки. В острых случаях больные обречены.

Я попросил быстро появившегося ДПСИ позвонить на КПП и вернуть ушедшую с работы Неприличную. Вернувшись, она не пошла взглянуть на труп своего больного. Вместе с Гордеевой тут же двинули к замку по ЛПР Дивани «отписываться».

Едва они ушли, как в 16.20 снова до боли знакомые стуки и крики: на туалетной перекладине соседней 457-й камеры вешается другой больной Неприличной — Сокуров К.Д.

Этого я спас. Делал непрямой массаж. Земляк самоубийцы дышал ему рот в рот (обслюнявленную первым трупом салфетку я выбросил). Уколы делала терапевт Голышкина. Неприличная снова не пришла: она была занята, «отписываясь» у Дивани по Иоселиани.

Вызвали из дома, приехал начальник ПБ. Общая реакция медиков на суициды: «Козлы эти больные!» Шеф растерян: «Дневники грамотные врачи пишут каждый день и больных до соплей закололи, и с Иоселиани Наталья Николаевна сегодня утром беседовала. Как же так?» Гордеева сетовала, что надо бы в аптеке заказать салфетки для дыхания рот в рот... Пройдет полтора года, я уволюсь, а салфетки на Кошкином доме не появятся.

Из других заметных явлений после моего выхода из отпуска и месячного лечения в загородном госпитале МВД от пневмонии: увольнение Тамерлана Глыбы.

Ему, пьющему мужчине, поставили дежурство на 1 января, словно хотели испытать на крепость. Он вышел, стоя на ногах и неистово жуя жвачку. Беседуя с больным Горбунковым, покачнулся и завалился на него. Горбунков поддержал. Похмелился Глыба спиртосодержащими настойками в таблеточной.

К следующему дежурству он ушел в запой, на работу не вышел. Ему предложили уволиться по собственному желанию, что он волей-неволей выполнил.

12.04.11

50-летие космонавтики. По ящику — восторг. У нас в отделении из 70 больных фиксировано десять, т. е. каждый седьмой. Т. к. официально больных нельзя бить, один из санитаров ходит с костылем. Прихрамывает под видеокамеры. В камерах видеокамер нет. Этим костылем внутри камер бьют больных, в том числе беззащитных фиксированных, если они отказываются стягивать штаны, обнажая ягодицы для инъекций. В «тяжелых» случаях уколы делаются через одежду.

30.04.11

Медсестры Света Писемская и Пугалина (из Саратова), те, кто с самопорезами на предплечьях, снова нетрезвы. Света пьяна так, что мычит.

Другие сестры под мышки тащат ее в сестринскую подальше от меня — отсыпаться.

05.05.11

Больной Унтер сидит на кушетке перед процедурной и тыкает иглой с подключенной капельницей в вены кисти. Унтер черен от природы, наркотиков и алкоголя. Вен нет — организм пытается спасти ему жизнь. Больному дороже кайф, и все-таки хочет лечиться. Медсестра Л. Цветикова не смогла поставить ему назначенную мной капельницу и дала наркоману иглу: пусть сам себе капельницу поставит. Унтер просит разрешения воткнуть иглу в «открытый пах» — колется туда, чтобы смешать наркотическое удовольствие с сексуальным. Ему отказывают: «Только не в пах!»

Капельница не поставлена.

26.05.11

Отчаянная матерщинница многолетний бутырский фельдшер Сборки Лена Челелева по основной профессии — детский психолог. С детьми ее представить сложно.

На ежемесячной конференции, после очередного трупа в дежурство доктора Зло, тот не подошел даже через «кормушку» посмотреть отяжелевшего, затем скончавшегося Петрова и заявил с бодростью идиота: «Я в это время другому больному снимал приступ стенокардии!» Главврач Алексин в присутствии пяти врачей и главного психиатра УФСИН по Москве Пыткиной назвал Кошкин дом «Наше гестапо».

Справка. Анжела Пыткина во время моего летнего отпуска «спасла» пятерых больных. Дело было так. В одну из камер некто неустановленный «занес» метадон. Шприца не было, и пятеро наркоманов и иже с ними метадон просто жрали. О дозировке не ведали. Пять бездыханных тел вынесли в коридор. По свидетельству инспектора, Анжела растерялась. Рыдала. «Бегала по продолу, растрепав волосы». Выбежав из ПБ, она понеслась в дежурку к ДПНСИ, откуда вызвала скорую. Пока скорая ехала, четверо оклемались то ли от преднизолона, проколотого сестрами, то ли сами по себе. Одного не откачали. Пыткиной объявили благодарность.

Анжела и до этого частила в управление, а тут не прозевала, что Филипповна, затем Хрюнова, как главные психиатры, взяли Россию, ей предложив курировать изоляторы Москвы. Другой причиной стало хамство Алексина, на которое лично мне она неоднократно жаловалась, справедливо полагая, что «с этим человеком работать невозможно».

На момент печатания моего дневника Пыткина — психиатр 7-го изолятора столицы.

02.06.11

Вражный (доктор Зло) вышел на работу в черной сорочке: «Ношу траур по Петрову». Стебается?

Опер Питченко обвиняет главврача и меня в «предательстве», потому что мы подняли во II-е отделение больных II-го же отделения, которых он приковал наручниками на I-м по «оператив-

ным соображениям», т. е. без медицинских показаний, к фиксации. Тот же Питченко забирает на общий корпус Ласкина, находившегося в I-м отделении ПБ с d/s Неприличной. Расстройство адаптации, хотя на самом деле тот курнул анаши. В Бутырке анашу не курят! В Бутырке не колятся! Сидящий пятый раз Ласкин успевает научить впервые задержанную молодежь 457-й камеры воровским понятиям. А ведь содержание рецидивистов с первоходами категорически запрещено!

Пойманный в Финляндии Астахов прикован в 509-й камере по распоряжению начальника Бутырки Теликова. «Хозяин» ждет, когда Астахов соматически (телесно) так ослабнет, что не сможет «бегать». Астахова не расковывают даже по нужде. Он в пролежнях, мочится и гадит под себя. Дух в камере ужасный. Еще сохраняются квадраты мышц на абдомене. В мое дежурство в четыре утра начальник пресс-службы УФСИНа Цыганов с каким-то старлеем смотрели содержание Астахова. Остались удовлетворенными. Главврач боится, что Астахов не выдержит и умрет. Запрещает нам, врачам, подавать Астахова в списке фиксированных, учит, «если что». Отрицает, что фиксировали его мы.

17.06.11

В воскресенье День медика. Пятница — тот день накануне, когда начальство, работающее на пятидневке, может поздравить сотрудников. Начальник ПБ пришел с пустыми руками и приветствовал коллег словами: «Совсем ох...ли?!»

Это потому, что мы ждали сдачи дежурства в новой сестринской на первом этаже, а не на втором, где, сидя в расшатанном кресле, он предпочел бы видеть нас подобострастно перед ним стоящими.

Доктор Зло снова «отличился». Он «заколол» пролонгами возрастного Димина. Заметив задачу (тяжелый нейролептический синдром), Зло вызвал скорую. Медики скорой померили Димину сахар крови: 8. «У Димина гипогликемия», — констатировал доктор Зло. «Это — не мало», — протянул врач скорой. «Тогда — гипергликемия!» — «Доктор, вы что, дурак?» — не выдержал врач скорой. Вражный накуксился, промолчал. Медсестры ПБ стояли рядом и слушали. «Если хотите, чтобы мы забрали больного, поставьте диагноз: «Серия эпилептикоподобных». — «Хорошая идея!» — немедленно ухватился доктор Зло.

Димина на «скорой» отвезли в соматическую больницу, где он и... умер. Димин стал шестым трупом Вражного за восемь месяцев работы в ПБ.

Не зная, что делать, шеф спровадил Зло учиться в институт Сербского.

До этого Вражный работал у нас психиатром с сертификатом нарколога. Хотя как нарколог он себя тоже «проявил»: ставил больным синдром отмены алкоголя через два месяца пребывания в ПБ, где пить что-либо, кроме бражки из нейролептиков, практически невозможно. Получит сертификат психиатра, и что? Поумнеет? Он уже работает по совместительству в платной наркологической клинике в центре Москвы на Китай-городе. «За деньги у Вражного?» — недоумевает злая на язык медсестра Лена Фимова.

Почему на Наташу зол? Да потому, что пишет бесконечные рапорта на коллег — врачей, медсестер и инспекторов. Если она опаздывает на работу, то объясняет это тем, что заходила на «видео», где сидят девчата видеоконтроля, «чтобы посмотреть, как другие врачи ночью работали». Но и на старуху бывает проруха. В пятницу накануне Дня медика она с подругой, нашей главной медсестрой Сидоренко, — бабой, давно растерявшей какие-либо ориентиры, упиалась вечерком дармовым спиртом. А тут больной Хурултаев очень некстати (такой день!) пожаловался на боли в области сердца. Доктор Неприличная явилась смотреть его (было ее дежурство) «такая пьяная, что держалась за стену, чтобы не упасть» (из, естественно, уничтоженной жалобы больного).

Вместо осмотра и возможного назначения лечения, Наташа обругала спэковского больного (шел на Серпы), пригрозив «резинкой», «если он не заткнется со своими тупыми жалобами».

На сию информацию главврач прореагировал своеобразно. Наташа его любимица, и он обещал «проучить» Хурултаева, чтобы тот более «не вякал».

«Признанная» больная Семенович (ВИЧ + сифилис) орет благим матом из камеры пятого этажа, общаясь с «мужиками». Начальник тюрьмы Теликов велел «заткнуть» ее по-любому — на прием граждан к нему пришли несчастные жители соседних с Бутыркой домов.

Однако лечить Семенович нельзя, потому что от нейролептиков у нее моментально до критических цифр падает артериальное давление. Привя-

зывать же инспектора тоже бояться. Она при их приближении режется и брызгает на них зараженной кровью. Еще и плюется, чтобы, помимо ВИЧ, наградить и бытовым сифилисом. Вот и выполни приказ начальства!

29.06.11

Рафинадов Владимир Романович, 1981 г. рождения. **Как мы его убивали.** Он — «судовой» делирик («судовой» — значит, за судом, еще идет процесс). Его избили менты: симптом «очков» на испитом лице. С фельдшером Леной Челелевой мы его в Бутырку не брали. Рафинадова возили то в 20-ю наркологическую больницу, где не нашли делирия, то в 36-ю челюстно-лицевую клинику.

«Футбол» продолжался всю ночь. Закончилось, помимо припадков, отеком головного мозга с расхождением межчерепных швов и вызовом очередной скорой.

На сдаче дежурства ДПНСИ доложил Теликову, что вынужден вместо доклада поспешить «лично вывезти больного за ворота СИЗО, чтобы если он и умер, то хоть в двух шагах от нас».

«Мы сделали все, что могли», — цинично заявила мне Лена Челелева, когда мы столкнулись с ней при получении зарплаты у окошка тюремной кассы.

Рафинадов дважды судим. Посадили его после того, как он пропил холодильник матери. Гадом меньше?

На утренней «пятиминутке» главврач поставил наш с Леной «футбол» другим врачам в пример. Так убивать!

04.07.11

Неисповедимы пути твои, Господи! Сегодня я обнаружил «обреченного» Рафинадова живым и относительно здоровым у себя в отделении. Живучи же люди! Готов снова не работать и на водку красть у матери! Всем «фашистам» своего отделения (кто имеет тату в виде фашистских символов) сегодня назначил пролонги. Позорище! Не знают даже, когда Гитлер родился! «Мы не фашисты, мы просто в отрицалове. Не любим, что любит власть!» Прочистим.

05.07.11

Начальник тюрьмы Теликов при сдаче мною дежурства в присутствии фельдшера Сборки и ДПНСИ: «Лучше всего больных с демонстрационно-шантажным поведением лечит РП-73». — «Что это?» — «Резиновая палка!»

20.07.11

05.08 УТРА. СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ (ТИПИЧНЫЙ)

Осмотр дежурного врача-психиатра (принятая в Бутырке тавтология) Суворова А.В. Хайнц Герман Юлиевич, 1967 г. рождения. Предъявляет жалобы на несправедливость. Anamnesis vitae et morbi (История жизни и болезни). Информацию о себе сообщает неохотно, отрывочно. Признает раннее развитие б/о (без особенностей). Закончил среднюю школу. В армии не служил. На учете в ПНД (психоневрологическом диспансере),

НД (наркодиспансере) не состоял. «Занимался финансами». Работал снабженцем в крупной компании. «Меня неоднократно пытались сделать идиотом, особенно в Челябинской области. У нас умные не нужны». Отягощенную наследственность по психзаболеваниям отрицает. ЧМТ (черепно-мозговые травмы) в прошлом — неоднократно: «Спортом занимался».

ПСИХСТАТУС

Ориентирован в месте, времени, пространстве, собственной личности полностью. Возбужден. Говорит быстро. Поглощен исключительно отправкой на нежелательный этап, для отбывания определенного судом наказания в Челябинскую область: «Поверьте, там мне угрожает реальная опасность!» Ссылается на конституцию, статьи закона об исполнении наказаний РФ, согласно которым «никак не может ехать на зону, где уже был в 2005 году». Ссылается на людей из синагоги и т. д. Полностью не раскрывается. Психотическая симптоматика не выявляется. Психические нарушения у себя признавать категорически отказывается. Интеллектуально-мнестически сохранен.

D/s «Демонстративно-шантажное аутоагрессивное поведение».

Наличие некоторых нарушений мышления не исключает вялотекущей психопатоподобной шизофрении. Для уточнения диагноза необходимо дальнейшее наблюдение. А из-за чего шум? «Хозяин», Теликов, лично обещал Хайнцу другую зону, не челябинскую, да, уходя в отпуск, забыл

об обещании... РП-73 — лучшее лекарство при диагнозе «Демонстративно-шантажное аутоагрессивное поведение».

Заказали мебель. Начмед взял семь стульев, семь — начальник ПБ, семь — замначальника ПБ. Простым врачам — ни одного.

На пятом этаже принимаю больных, сидя на крае стола. Входит «качающая права» женщина: те лекарства мне нужны да вот эти. Спрашиваю: «Почему я, разговаривая с вами, сижу на столе?» Она, душевнобольная, сама сидит на одном из строенных стульев из актового зала: «Мне тоже сначала показалось странным, что вы, доктор, сидите на столе. Но потом я к своему...» Я с горечью: «Здесь стульев нет, а вы каких-то экзотических препаратов захотели, которые вам в ПНД по месту жительства выписывали!»

На третьем этаже в помещении для приема больных — ни столов, ни стульев. Получается, у каждого из трех начальников по семь жоп, а нам — беседовать с больными в коридорах у стены, через решетку камеры, когда другие больные слушают душевные тонкости больного, врачу исповедующегося!

Гром над клоном Гиммлера. Снова тащат Крабова по делу Магницкого. Сотрудникам снова выписывают премии, которые прямо у кассы они должны отдать ему на адвоката. Большинство за прежнее (наруководился!) Крабова ненавидит, и денег стараются не дать. Гиммлер же шипит: и то ему не так, и это. Сестры неправильно перевязывают раны. Но они же *психиатрические*. Врач должен присутствовать при перевязке. *Психиатр?* Напоминаю: Гиммлер в санитарях (в санитарных врачах на самом деле). Не увольняется из тюрьмы, ищет

защиты от правосудия у Системы. Выслуживается: привел к нам на медпрактику сына Левика (нашего начальника Медуправления УФСИН). Суетится вокруг мальчика, *поясняет*, вылизать готов. Мальчику еще четыре года в мединституте Системы (династия тюремщиков предстоит), а ему уже место на Кошкином доме присматривают. Подрастет — кого-то из нас, докторов простых, уволят — придраться всегда есть за что, вот и место мальчику... Мальчик тихий. Молчит. Впитывает. Вечером с папой за чаем обменяется впечатлениями.

Малец учится уколам. Смотрите: даже перчатки у нас в отделении появились. И марлевые повязки! Крабов же нудить отправляется ко мне в ординаторскую. Я выслушиваю его организаторские идилии почти час. На языке вертится лишь один ядовитый вопрос: «Как у вас по делу Магницкого?» Не задаю.

Встречай, Родина, новых орлиц! Неприличная лечила Электронова Евгения Павловича, 1986 г. рождения, с 15.03.11 по 01.06.11 (прибыл для прохождения СПЭК в институте им. В.П. Сербского) без письменного его на то согласия.

С моей подачи Гордеева (шеф в отпуске) хотела было нарушением заняться, да забыла. История болезни Электронова без согласий, с пустыми бланками оных, брошена на пыльный шкаф.

05.08.11

Два дня назад во время утреннего обхода доктор Вражный (Зло) вдруг начал хватать больных с криком: «У тебя какая статья?» Вражный неадекватен: разговаривает громко, постоянно «на своей вол-

не», его «ведет». И вот с вопросом об инкриминируемой уголовной статье он схватил за плечо больного Твердова. Тот стряхнул руку Вражного. Она полетела в лицо близкого стоявшего банщика Алексея. Банщик ответил не доктору, но больному, пинком. В итоге Твердова перевели на интенсив (на уколы нейролептиков, которые используются не в качестве лечения, а наказания — из-за их мучительных побочных действий).

Ночью в мою смену 04.08.11 Твердов в знак протеста поджег свой матрас. Нагрывший шеф, узнав «о нарушении режима», предложил Твердову на выбор «резинку» или наручники. Торг был уместен, стороны сошлись на 4-х кубках аминазина в попу Твердова.

Утром 05.08.11 нас выстроили на плацу. Доберман, привезенный Наркоконтролем, нюхал поочередно всех сотрудников, искал наркотики.

10.08.11

Терапевт Лала Викинговна Гольшкина решила подлечить предъявлявшую соматические жалобы больную Садовникову Наталью Леонидовну, 1980 г. рождения. Только Лала Викинговна запомнила, что у наркоманов «нет вен». Медсестра II-го психиатрического отделения опытейшая и всезнающая Ольга Олеговна (я вместе с ней лечился в Загородном госпитале МВД) пыталась воткнуть иглу капельницы в локтевую вену и в шейную. Вены «дулись», раствор не шел. Ольга Олеговна пошла испытанным путем: дала иглу наркоманке. Та воткнула иглу в пах, куда колола героин. NaCl (физиологический раствор) пошел... Вопрос: после

стольких мучений спасут ли 400 граммов соли молодую девицу? NaCl мог быть носителем для панангина (препарат калия). Но панангина в аптеке не нашлось. Что называется: маразм крепчал.

Полдня не было в ПБ ни одного тонометра. Подобно Авиценне (вспомните, когда это было), я определял новым больным артериальное давление по пульсу. Во второй половине дня на нужды больницы одолжила свой личный тонометр Лала Викинговна.

23.08.11

Больной Тардиев, молодой узбекский олух 1989 г. рождения, будучи вторично привезен в Бутырку, открыв решетку сборного отделения ногтем, без конвоя самостоятельно пошел к нам в Кошкин дом. Вышел в 18.26, был пойман в 18.29. На втором этаже пойманного узбека били ногами инспектора. Избиваемый не понимал, чего избивавшие перепугались. Находясь в полном бреду, он уверял, что «шел к маме».

На следующий день начальник тюрьмы Теликов кого-то лично благодарил за предотвращенный побег. А начальница оружейного склада, «тумбочка», участвовавшая в конкурсе мисс Бутырка (быстрее всех разобрала пистолет Макарова, а вот связно рассказать о родном городе не сумела), получила из чистых рук человека с горячим сердцем некий почетный знак.

После построения шеф на Неприличную на пятиминутке за какую-то провинность: «Заигралась в гестапо!» У него подсознание в одну сторону работает.

30.08.11

Большая Ивашкина попросила прокладок. Их не было, и нет. Медсестра Света Писемская (вечно пьяная, потому — добрая) предложила порезать на женские прокладки памперс. Ивашкина обещает жаловаться. Узнав, главврач приказал мне немедленно выписать Ивашкину, «чтобы не доставляла хлопот». Я: «А повод?» — «Нарушение режима содержания». Дежурным сестрам приказано ставить минусы в листах назначения Ивашкиной, будто бы она отказывается от лечения (на самом деле — принимает все лекарства).

Приехало 150 уфсиновцев. Официально: учения Москвы и МО. Правда: вчера в Бутырке был «бунт»: 23-летнего грузина Пипина (он — «апельсин», так называют купивших звание «вора в законе» за деньги) посадили в карцер. За территорией узнали о «беспределе». Ночью с ближнего двора запустили осветительную ракету. Сестры: «В два часа ночи стало светло, как днем». По этому сигналу тюрьма, включая Кошкин дом, застучала, завопила. Зэки зажгли матрасы.

Дежурившая О.В. испугалась, бросила больницу и остаток ночи просидела на Сборке, оправдываясь приездом проверяющего (на нее по месту прежней службы бросался больной, тогда она выпрыгнула в окно первого этажа, сорвав загодя по ее просьбе расшатанную оконную решетку). О.В. — дама ученая, ей не стыдно. Сестры и фельдшер Вова остались в ПБ до конца событий.

Теликов зэкам пошел навстречу и выпустил из карцера «апельсина». Наутро же — грандиозный шмон. Вместе с уфсиновцами приехало множество

ЧТОГО,
не умирают...

206

СПИСОК
или Дети во

уфсиновских же начальников. Остались ночевать. Праздновали пиррову победу: «апельсин»-то не в карцере! В тюрьме обоюдная (зэки — Система) тишина.

Балантеры не знают суточной нормы сахара на человека (30 граммов), говорят — 20, чем провоцируют больных зэков. Сахар дают растворенным в чае, чтобы бражку не варили.

В тюрьму прибыл Суликманов — убийца Буданова.

Вышла из отпуска Гордеева.

Теликова провожают на пенсию, 47 лет, поговаривают, что-то за ним нашли. Все интересуются, принимает ли он дежурства в форме или в штатском. Последнее — дурной знак. Вместо Теликова начальником тюрьмы заступает его зам по режиму Поваров. Медики ничего хорошего от него не ждут. Известен пристрастностью к «докторам».

Я уже третье дежурство в ординаторской с тусклым светом: перегорела одна из ламп дневного света. Починить пока нет возможности: после бунта из отряда не выводят электриков.

11.10.11

Больных уплотнили: с пятого этажа перекинули на третий и четвертый. На пятом будет ремонт. Результат: гражданка Ирана Лейла Консум, ст. 158, ч. 3, «заехала» из СИЗО-6. Она оказалась на четвертом этаже в одной 495-й камере с «постоянно» беременной Изюмовой Алиной Владимировной, 1977 г. рождения. Казалось бы, в двушке не тесно, только оконные стекла выбиты предыдущими си-

дельцами напрочь. Иранка возбужденно заявляла на фарси и английском, что «вскроется», если то ли ее, то ли камеру не «утеплят». Обеим дамам поставлено по два кубика клопиксола-акуфаза, чтобы крепко спали и не чувствовали холода.

На следующий день на мое инфо о выбитых стеклах и холоде опер ПБ Игорь Питченко безапелляционно заявил, что иранке грех жаловаться, потому что «Иран — страна говно», а «иранка — лишь зэчка».

Доложено мной Теликову. Он выслал стекольщика. При всех но, Теликов — хороший дядька.

Из других предотпускных событий: выездная сессия суда прошла на Кошкином доме. Астахова на пару часов расковали. Он выслушал из уст судьи прямо в карцере определение о наказании. Судья уехал, и Астахова до этапа снова приковали, чтобы он, подобно фокуснику Гудини в начале прошлого века, не снял «оковы» и не «просочился» на свободу «сквозь стены».

24.10.11

Вчера с дочкой (после развода мне разрешено встречаться с ней по воскресеньям, что несколько чаще свиданий у пожизненно осужденных) смотрели «Снежную королеву» в филиале Малого театра на Большой Ордынке. Четырехлетняя дочь не понимает, почему Снежная королева — плохая, отчего Каю было плохо у нее в ледовом дворце. Действительно, Снежная королева — женщина одинокая, она хочет сына или внука. Кай в спектакле прилично, даже изысканно, одет, когда решает сканворд, слагая слово «Вечность».

По окончании спектакля цветы подарили только юной разбойнице и Снежной королеве, причем последней их преподнес благообразный мальчик возраста Кая. Т. к. и меня бывшая жена и «теща» называют плохим, дочь заявила, что ей нравится плохое и, когда она вырастет, она будет плохой, «ведьмой». Ей нравятся лишь разбойницы и снежные королевы!

Последний корпоратив — юбилей Любви Станиславовны Цветиковой в кафе «Земфира». Главный врач на приглашение, как обычно, высокомерно не откликнулся, зато врачи и сестры упились вдрызг. Главная сестра ПБ Сидоренко, задрав без того короткую юбку, сидела на коленях то у одного, то у другого из приглашенных. В танцах целовалась с мужчинами (знакомство — два часа) взасос. Я дважды пил на брудершафт с Сюзон Колоян. Она впивалась в губы, толкала в рот толстый язык толстого тела.

Мы все конченые в этой тюрьме.

В октябре этого 2011 года Кошкин дом получил сертификат на право оказания медицинской психиатрической (включая наркологическую) помощи. **Конец нелегалщине!** Алексин вывесил документы на первом этаже, сразу при входе, и на втором, в холле. На втором он повесил образцы заполнения обращений в Европейский суд по правам человека!

Без даты

Пишу ручкой, которой скоро буду писать показания следователю. Пока я был в отпуске (22.10—24.12), мои коллеги «убили» Алана Ласковского,

26 лет, задержан за драку в гипермаркете. Он пришел на Кошкин дом уже кем-то изрядно пролеченный, да еще с пневмонией. Идиот Зло + Гордеева «добили» его аминазином с галоперидолом. Я откачивал Ласкового внутривенными вливаниями, корректорами и витаминами.

Потом Ласковый взбесился: стал набрасываться на сокамерников и персонал, лакать еду с пола: «Так мне удобнее!» Лаял, кусался, бегал на четвереньках, раздевался догола. Выбрасывал свои вещи в окно (не май месяц!). Чтобы купировать возбуждение, мне пришлось вернуться к терапевтическим дозам нейролептиков.

С 19.11, после моего ухода в отпуск, Ласковый стал никому на фиг не нужен. Дежурные врачи, начальница 1-го отделения, свежатестованная Неприличная, его не смотрела: школа подруги главной сестры Сидоренко: «Все больные на Кошкином доме для Серпов косят, «отрабатывают диагнозы».

В дежурство О.В. Шестипаловой сокамерники обратили ее внимание на затяжелевшего «пассажира». Наученная спортом и шефом «футболу», О.В. вызвала скорую, врач которой ничтоже сумняшеся вlepил диагноз «нейролепсия»: больного берут из ПБ, там закалывают! Знал бы доктор, что по правде там до больных дела нет, их *не докалывают*.

Ласкового отвезли в городскую 14-ю больницу, где обнаружили рецидив пневмонии, трахеобронхит, менингоэнцефалит. Прооперировали трахею, задели пищевод. Ласковый не мог есть. Перевезли в соматкорпус Матросской Тишины (СИЗО-1). В течение двух месяцев он превра-

тился в истощенный скелет, скончавшись от кахексии.

Мама Ласкового (он — единственный сын), не исключено, что сама шизофреничка, обратилась в правозащитные организации (подсказали). Те подняли вой в СМИ, помня сходные дела. Посмертная биопсия обнаружила у Ласкового качественно, но **не количественно** следы аминазина, будто метод заброшенного у нас Фоля не позволяет установить даже через десятки лет признаки однократного употребления наркотических средств!

Я единственный доктор, который им по-настоящему занимался: смотрел каждый день, снимал экстрапирамидные расстройства — следствия чужих ошибок, но «таскать» станут в первую очередь меня, потому что я неаттестованный. Причина смерти Ласкового — бездеятельное авось докторов.

Доктор Зло: «Ну и подвел нас Ласковый. **Убить его мало.** Хорош, бабушка, сочельник, а с ним и Новый год!»

13.01.12

Старый Новый год. Пишу после дежурства. Вчера узнал, что во время моего отпуска, в начале ноября 2011 года, на КПП задержали главную медсестру ПБ И.Г. Сидоренко. Наводка была, что несет наркоту. Несла нашему «смотрящему» мобильный телефон. Объясняла, что купила в подарок дочери, да позабыла выложить. Сидоренко верится с трудом. В одно из моих дежурств в вечернее время Сидоренко вывела «смотряще-

го», своим ключом (у нее по должности ключи от всех кабинетов) открыла кабинет начальницы II-го психиатрического отделения на четвертом этаже и два часа о чем-то с авторитетом «терла». Инспектор Алик тогда мне: «Что делать?» Я: «На видеоконтроле все видно!»

Пойманную Сидоренко «попросили» написать по собственному желанию. Что она и выполнила. Ее подруга Неприличная (Сидоренко ездила в гости к ней в Мордву, а Неприличная неоднократно ночевала у нее дома) написала прошение оставить главную в покое. Предложила сотрудникам коллективно подписаться. Все отказались, т. к. давно тихо ненавидели взбалмошную бабу. Главврач пригрозил увольнением самой Неприличной, если она продолжит пытаться собирать защитные подписи.

Тогда Сидоренко обосрала коллектив в Интернете. Мне досталось, что неправильно лечу (делаю много назначений, «утомляя сестер»), шефу — «берет взятки». Опера «тягали» упомянутых.

Новой главной медсестрой назначена бывшая старшая медсестра II-го психиатрического отделения Инна Леоновна Ашанова, человек Гордеевой.

Доктор Зло убежден, что эксгибиционизм можно вылечить тизерцином, колет одному... Он, кстати, перед Новым годом отучился в Серпах на психиатра. Получил сертификат. До этого, напомним, работал у нас психиатром с документами нарколога. Хорошо — не стоматолога, как Шмелев. На курсах в Серпах Зло учился вместе с Трибасовым. На вечеринке закрытия Элтон выставил педагогам пятилитровую бутылку водки.

Больной после прохождения судебно-психиатрической экспертизы в институте им. Сербского: «Два с половиной миллиона отдал за диагноз!» Другой: «Меня в Серпах избили!» Третий: «Слышали бы вы, как сестры и врачи матерят больных в Серпах!» Как у нас, что ли?! Далеко не боги горшки в Серпах обжигают. Конечно, около института нет подавляющих роскошью авто, как у Следственного комитета Москвы. Мимо них мы проходим на работу на 2-й КПП Бутырки. А из тех детищ *лакшери класса* выходят молодые и не очень следователи с зарплатой в 20—30 тысяч. Но... как говорят французы и не только: се ля ви (в переводе — это жизнь).

18.01.12

Коллектив обсуждал, в чем «уволившаяся» главная медсестра Сидоренко могла пронести наркотики. Доктор Зло категорически отвергает, что во влагалище. Медсестры сходятся, что «зашивала в рубцы тюремных полотенец». Сразу вспомнились и пять обожравшихся метадоном полутрупов в смену Пыткиной, и неизвестный мне не хотевший жить больной, уколовшийся под язык со смертельным передозом метадоном. Сие произошло в «стакане» — свидетельство инспектора Азаря.

Гордеева: «По крайней мере, не доказано, что Сидоренко занималась сексом в психбольнице!» Как же не доказано? А очкастый толстяк, вечно всем недовольный инспектор Олег, притащивший меня к кабинету Сидоренко послушать, как та со вздохами и охами отдается красавцу зэку — са-

нитару Сергею? Было же! И два инспектора свидетелями есть (+ Алик).

Сидоренко не раз оставалась в ПБ на ночь «проверить работу врачей». Закрывалась с санитарями. От энергии матери двоих детей стол в кабинете скрипел, мама не горюй! Инспектора Олега на другой день убрали с Кошкиного дома, «чтобы не болтал». Когда он подвел меня послушать к заветной двери главной, подруга, Неприличная, написала на него рапорт, что он некорректно вмешивается в ее, доктора, беседы с душевнобольными.

Маньяк, «черный риелтор», Городсадов (16 изнасилованных и убитых женщин) — удивительно вежливый человек!

21.01.12

В 316-й камере общего корпуса сидит по обвинению в подделке векселя на крупную сумму Батурин, брат жены бывшего мэра Москвы Лужкова. Находится в двушке тоже с каким-то «интеллигентом».

В смене инспекторов 18 человек. На некоторых корпусах Бутырки по одному инспектору на 450 эков. Мизерные зарплаты, нищета провоцируют массовые увольнения, при сдаче прошлого дежурства ДПНСИ положил на стол начальника учреждения сразу пять рапортов об увольнении. Почти каждые сутки изымаются по два-три мобильных телефона, проносимых сотрудниками за две-три тысячи за штуку. Если телефон обнаруживается при шмоне (обыске), за него требуют «откупные» до 20 тысяч рублей.

Пронесят и наркотики. Одного бесшабашного парня, постоянно жаловавшегося на недостаток средств (я знал его: он одно время работал инспектором в ПБ), задержали на территории со сколькими-то граммами героина в пачке от сигарет. Употребление наркотиков в Бутырке настолько обычно, что собравшиеся завязать наркоманы просят не выписывать их с Кошкиного дома на общий корпус, чтобы вновь не «раскумариться», не уколоться.

Одного армянина я откачивал на Сборке от передозировки метадона вместе с фельдшером и бригадой скорой помощи пять раз. Видимо, у него это была форма суицидального поведения: вернувшись к жизни, он крайне вяло за спасение благодарил.

За три года, что проврачевал в Бутырке, всегда наблюдалось одно и то же: первые четыре месяца (январь—апрель) сотрудникам никогда не платили «мэровских», а это почти половина зарплаты — у меня 9 тысяч рублей. Повально говорили, что управление деньги прокручивает. Каждый май мы получали «мэровские» сразу за пять месяцев.

Написал письмо врио начальника УФСИН России по г. Москве полковнику внутренней службы Мирову И.А. по поводу задержки зарплаты четыре месяца. В отношении меня и другого «вольнонаемного» доктора Вражного — обычное явление.

О еще не опущенном письме слух распространился мгновенно. Тут же позвонили из бухгалтерии, пригласили в кассу и выдали 40 тысяч. «Приди завтра — еще дам», — шуруется Афина Ивановна. Приезжаю на следующий день. «День-

ги есть, но не дам. Нам они тут нужны!» А мне — нет? Через некоторое время дают еще 46 тысяч. Отчего за год образовалось 86 тысяч задолженности? Почему зарплата выплачивалась не полностью? Крутили?

24.01.12

Инспектор Алексей: «Главная медсестра Сидоренко носила наркотики, а инспектора Ася (большая) и Маруся (черненькая, маленькая) раздавали больным». Этих инспекторш я знал. В мою смену они, спускаясь по дальней «черной» лестнице, открывали угловые камеры, где сидят «блатняки», и, смеясь, судачили с ними минут по сорок. Все — под видеокameraми. Инспектор Алик и еще одна черненькая инспекторша, называющая себя персиянкой, на самом деле — будто бы узбечка, сделали им замечание. Тогда Ася и Маруся встали около двери второго этажа, чтобы побить персиянку, «которой больше всех надо». Я случайно подслушал разговор, спускаясь по лестнице, и вспугнул мстительниц.

В настоящее время обеих убрали с Кошкиного дома. Стоят на общих бутырских корпусах. Продолжают носить? Раздавать?.. Чтобы «не болтали», Сидоренко запугивала говорливых, в частности моего конфиденанта инспектора Алексея, что «работает на ФСБ». На эту байку, подкрепленную половым актом в кабинете на первом этаже ПБ, клевали матерые опера.

ОСБ неделю прослушивало мобильный телефон Неприличной, чтобы установить ее связь с Сидоренко. Шеф опять про собиравшиеся Не-

приличной подписи в защиту подруги: «Уволил бы, да людей нет!» Ложь! Он продвигает назначение Неприличной на должность начальницы I-го психиатрического отделения. Т. к. я не в ладах с Наташей на подсознательном уровне, меня переводят во II-е отделение, где мне, согласно контракту, следовало бы работать с начала карьеры. Это и *мера*, принятая *по Ласковому*.

Свято место пусто не бывает: трудоустраивается из Вятки 30-летняя докторша Яркова. Наташа с ней «корешится». Обе, как заигравшиеся в Тарантино, ходят по ПБ, угрожая больным расправой при малейшей жалобе. Сучки агрессивны от страха. Трепещут и страстно хотят кобелей (по Фрейдю). У обеих нет по ночам сна, обе сидят на баночных энергетиках. Когда шеф не видит (большую часть рабочего времени), зависают в фельдшерской, поближе к выходу.

Где-то в 15.30 пытался повеситься в камере интенсива толстяк больной Черпышов. Расфиксировался, привязал «вязки» к оконной решетке и был бы таков, если бы не недремлющее око исполнительного инспектора Алексея. Инспектор вскочил в камеру и посадил больного вверх, одновременно ослабляя петлю. Почему «вязки»? Ну, у нас тут периодические кампании против наручников. Наручники запрещены, всегда снимаются перед комиссиями, мягких «вязок» постоянно нет (рвутся) — медсестра Любовь Станиславовна шьет их дома.

На следующий день при сдаче мною дежурства главврач соизволил посмотреть изъятого из петли Черпышова. Сверля самоубийцу («голоса» заставили) бесцветными глазами, шеф угрожал боль-

ному «превратить его в растение», если еще станет вешаться.

Санитар (главный) — Шишкин Петр Михайлович, на него ежедневно пишем рапорта на имя Теликова о разрешении остаться в ПБ на ночь «для ухода за тяжелобольными», при мне у шефа: «Можно ли бить больных?» Ответ главврача: «С наркоманами можешь поступать как угодно, про остальных лучше спрашивай дежурного врача».

Шеф не поверил, что я проверял «вязки» Черпышова, на которых тот пытался повеситься. Дежурный врач должен лично проверять «вязки» и наручники фиксированных больных! Рукой подергать на крепость.

Инфо Гордеевой: страстные инвективы Сидоренко в Интернете и на телеканале «Дождь» (4 показа) — гнев брошенной любовницы. Я (известный сплетник): «Как? Что?»

Лала Викинговна: «А вы и не знали, что сразу после выхода из декрета Сидоренко во время чаепития с сестрами сказала, что хочет отдаться Алексину?» — «И?» — «Отдалась!» Слепой кретин, пишуший историю Кошкиного дома, как же я просмотрел любовную повесть между главврачом и главной сестрой? Только теперь припоминаю, как тот кричал Сидоренко по окончании рабочего дня: «Ира, подожди меня!» — «Конечно подожду! Куда же мне деться». И она ждала: среднего роста, с щербатым оспенным лицом, злыми глазами, ярко выкрашенными рыжими волосами, которые, еще Свифт признавал, самые отвратительные у похотливых человеческих самок (см. четвертую часть «Путешествий Гулливера»).

Наиболее замечательным был «прикидон» Ирины: до безобразия короткая юбка, задиравшаяся при малейшем движении до «откель ноги растут» так, что юбку приходилось непрерывно одергивать, и черные сапоги с голенищами на широких бедрах. В общем, спаслась после пожара в публичном доме.

Потом разведенный шеф женился. Взял врач-косметолога. Чего же этот косметолог мужу брови не пообрежет? Парню всего тридцать лет, а брови свисают косичками, как у престарелого генсека Брежнева.

После женитьбы главврача Ира «страдала». Она пила. Как-то видел ее утром, идущую по первому этажу ПБ, держась за стену, чтобы не упасть. Но кому она не давала? И экзамам, и операм. Ни один х... не пропускала. Что судить второй, после Филипповны, служебный роман Кошкиного дома. Поражает удивительная симметрия, закольцованность любовных историй. Сценаристы их выдумывают, а тут выдала сама жизнь.

Сидоренко крала таблетки у медсестер, потом обвиняя их в недостатке. Ценились транквилизаторы и циклодол, шедшие на продажу. Бравируя пороком, она в открытую держала в кабинете на шкафу бутылку водки, хотя пронос спиртного на территорию карался увольнением (Краморова). Будто бы Иру не раз ловили, предупреждали. Кто не лягнет мертвую львицу... Я сам боялся ее, хотя она никогда не решалась пить в *моей* ординаторской.

Показательно поведение шефа. Когда Сидоренко «поймали» с телефоном, он тут же стыдливо отрекся от своей связи. И все же я рад, что работал

рядом с Сидоренко. Она — наша леди Макбет, квинтэссенция венер Системы. Не знаю насчет Сидоренко, но многие из них старомодны и в постели не берут в рот. Вероятно, это идет от эковских предубеждений. С кем поведешься, от того и наберешься. Мы, сотрудники, в Бутырке, как минимум, разговариваем на *полуфене*.

04.02.12

Наш Щегол (шеф) приперся в субботу, дабы проконтролировать, как я буду «отписываться» по Ласковому — его история была фальсифицирована ранее. Безумие тирана *разрастается*. Главврач запретил врачам ставить диагнозы шизофрении, органических поражений головного мозга и расстройств личности. Почему полностью не запретить МКБ-10 (Международную классификацию болезней)? Психиатрия оскудела. О Небо, доколь ты будешь терпеть высокопоставленного идиота?!

К главному так просто не подъедешь. Его диких, непрестанно меняемых на прямо противоположные, взаимоисключающих *устных* распоряжений беспрекословно слушаются доктор Зло и шесть двадцатипятилетних провинциалок, после окончания медов явившихся покорять Москву. А два десятка несчастных медсестер! Все подавлены верховным хамством.

11.02.12

Вчера в ПБ явился «отдохнуть» вор в законе Рагимов Назым Хикмет, 1973 г. рождения. Помещен в 479-ю камеру третьего этажа. По словам персо-

нала, начальник оперчасти Кравчук, неистовый к своим, буквально стелился перед вором.

В субботу, сегодня, вызвали начальницу I-го психиатрического отделения Н.Н. Неприличную для беседы с ним. Она попросила меня удалиться из ординаторской, чтобы переговорить наедине. Подобно весьма необычно, ибо с рядовыми больными врачи Кошкиного дома беседуют, как на новгородском вече: «Голоса» есть?» И пятнадцать человек, построившихся на утреннюю поверку, слушают из уст врача необходимую для симуляции душевного расстройства информацию.

Выйдя, я уселся на посту с инспектором Алексеем и без умысла слышал, что у Наташи с вором торг идет из-за количества таблеток азалептина на ночь. Азалептин считается у больных чуть ли не наркотиком. От этого средней силы нейролептика неплохой сон. Неприличная была поразительно корректна с вором.

Вечером медсестра Лена Кроликова сообщила, что получила от Неприличной задание часов в восемь при раздаче таблеток (из-за лени и распушенности медиков препараты на Кошкином доме раздают не три раза в день, как в обычном стационаре, а только утром и вечером; инъекции тоже два раза) непременно спросить вора в законе о здоровье и поговорить с ним на *отвлеченные темы*. Кроликова боится Неприличной. Та написала на нее рапорт, когда эта на самом деле изредка старательная медсестра перепутала вечерние препараты с утренними (назначаемые обычно два раза, они разнятся лишь добавлением «сонников»). Лена побеседовала с вором о здоровье и на *отвлеченные темы*, а после по телефону доложила Тели-

кову. Я понял: прогибание перед криминалитетом санкционированно свыше. Счастье, что мне, доктору вольнонаемному, подобных *деликатных* поручений не дают.

Поразителен и диагноз Рагимова: «Расстройство адаптации». К чему за несколько ходок этот волчара не привык... О.В.: «Понятно: прячут!» Это как раз то, что называется: держать в психбольнице *по оперативным соображениям*.

Рагимову Неприличной назначены витамины и «блатной» азалеπτин, в несвойственных Кошкиному дому больших дозах.

Низкопоклонство властей перед криминалом настораживает.

Утром при сдаче дежурства Теликов, заботливо: «Как там Рагимов?» — «Незаметен». — «Ну и хорошо». Перешел к другим вопросам.

Я вспомнил приезд к нам на спец в 1984 году вора в законе Фадеева. Его задабривали, угощали «Мальборо» и даже... кололи ему морфин. Мало что изменилось.

14.02.12

Инспектор Азарь: «Больного Махаметова помните?.. Повесился в СИЗО-4, узнав об измене жены, матери троих детей».

17.02.12

Сегодня для меня выходной, но по звонку А.А. пришлось выезжать на работу, «подчищать» историю болезни Шакурова. Он повесился сегодня в 9.30, сразу после сдачи шефом суточного дежур-

ства (тоже иногда дежурит, дабы оправдать отгулы).

Шакуров сидел в двушке с подонком шизофреником Манихеевым. Тот дождался, когда Шакуров повесится, и лишь потом постучал в дверь (звонок не работал).

22.02.12

Щегол вынудил меня написать третье и, надеюсь, последнее заявление (рапорт) об уходе. Обвинил меня в смерти Шакурова, когда он мне расписан не был, я его не вел, и повесился он почти в смену самого Алексина (в тот день следующий дежурный врач заступил в 16.00, но с девяти были Гордеева, Неприличная, Ярова и новая, «три дня как после института» москвичка, редкая птица, врачаха Жукова). Главврач на меня: «Если ты (в сыновья годится) давал клятву Гиппократа или советского врача, как там у тебя называется (с крайним презрением), то все трупы этой больницы — твои!» Сразу глянулось, вспомнилось, как Элтон Трибасов приписывал в годовой статистике все трупы Кошкиного дома своему антиподу Чингисхану.

23.02.12

Самодур вызвал на работу всех психиатров-женщин: «Это мой праздник, а не ваш. Вкалывайте!» Аттестованные подчинились. О.В. Шестипалова робко (она менялась со мной): «Ты нарушаешь КЗОТ». Он (в присутствии женщин): «На х... я вертел *ваш* КЗОТ!»

На своем маленьком пенисе (по свидетельству спавшей с ним Сидоренко) главврач ПБ «вертел» не только КЗОТ, но и другие большие и маленькие законы Российской Федерации.

Для больных у него всегда один выбор: «резинка» или наручники. Вот и бегут больные от такого начальника в смерть. Там не достанет. А он удивляется нашей суицидальной смертности. «Чего им не нравится?» Тебя бы сутками унижали, гнобили, превращали нейролептиками в растение, долго сам-то выдержал? Главная причина самоубийств в психбольнице Кошкин дом — вы сами, неуважаемый гражданин, высокопоставленный медицинский чиновник уголовно-исправительной системы. Лучшее место для тебя — тюрьма, но в ином смысле, чем работа.

Теликов медлит: обещал рассмотреть мое заявление об уходе позже.

25.02.12

Уволилась фельдшер Сборки Лена Челелева, здоровенная бабища, с ходу бившая «черных» по мордам за «московские теракты» (инфо Вражно-го). Эх, детский психолог, мои дежурства с тобой... Как за каменной стеной! Как ты умела не брать (отказывать в госпитализации)! Не съездили мы с тобой на Гоа...

Ночью в 12.30 пытался повеситься больной Овцев, d/s — шизофрения: просил сокамерников «на пять минут закрыть глаза», но те, молодцы или подлецы, позвонили в дверь.

Впервые за три года работы на Кошкином доме увидел механический аппарат искусственного ды-

хания. Невесть откуда явился и стыдливо лежал у меня в ординаторской на пыльной полке. Инспектор Алексей: «Быть бы этому аппарату, когда Шакурова с петли сняли. Он бы жил!» (Врачи Кошкиного дома брезгают дышать больным рот в рот даже в критических случаях, в лучших — просят эков-санитаров, а так — умирай! «Одним подонком меньше!»)

27.02.12

Таскали по Ласковому. Шестипалова была после дежурства, а мы с Гордеевой лазали по всей Москве. Невнимательный к людям (постоянно путает меня с Вражным, хотя я работаю под его «руководством» два года), Алексин на этот раз перепутал адрес следователя.

Три часа давала показания Гордеева, три часа — я. Молодой «модный» следователь Молодцов отнесся к нам, тьфу-тьфу, благожелательно. Сведения о лечении психических болезней почерпнуты им из Интернета.

04.03.12

День выборов Президента РФ. На входе в Бутырку 22 телекамеры. Всем телеканалам интересно, как проголосуют зэки. Юный стрингер, возможно — студент операторского факультета ВГИКа, умоляет пропустить с фотиком поснимать, «как к урнам пойдет тюрьма». У студента нет аккредитации, и ему отказывают. Остальные входят, хотя некоторые журналисты по безалаберности забыли паспорта, еще какие-то

документы. Невиданная вольница: тюрьма уверена!

Две смены инспекторов + усиление из работающих по пятидневке: в синих мундирах, белых сорочках. Начальник оперчасти Кравчук шмонает на входе лично. С журналистами он строго приветлив, сотрудников — что для него характерно — не замечает. Нос кверху.

Меня пока еще трезвый подполковник — зам по восп. работе заставляет стоять у урны, «проверить психическое состояние голосующих». Я: «А если не соответствует, не допускать?» Молчит. По всей стране поставить бы психиатров рядом с урнами, проверять психическое состояние голосующих! На втором этаже как-то обошлись без меня. Я стоял на третьем, где в камерах находятся прибывшие в институт им. Сербского на СПЭК. Надо признаться, никого по психическому состоянию не забраковал.

За столом регистратора сидел воспитатель. На стене — портреты кандидатов в президенты с биографиями и имущественными справками. Под Зюгановым инспектор Алексей, всегда голосующий за коммунистов, успел поставить авторучкой жирную галку. Портреты в стороне — галки никто из голосовавших не видел.

Многие сразу рвались к урне, зам по восп. работе их осаждал, требуя прежде назвать фамилию, имя, отчество и инкриминируемую уголовную статью. Паспорта у подследственных изъяты — для пушей корректности наблюдали. Для голосования выводили из камер — развлечение, поэтому на Кошкином доме проголосовало 99,9%, имеющих на то право. Лишь алкоголик Беляков

на I-м остром отделении (2-й этаж) шумно протестовал, что его беспокоят, голосовать отказался, назвав «мерзавцами» всех пятерых участников президентской гонки (какой-то канал показал его по ТВ).

Я жалуясь наблюдательнице от Прохорова, другие в ПБ не пришли. Мне не дали открепительный талон на участке 1613 по месту жительства. Председатель избирательной комиссии сказал, что открепительных талонов было всего 7, и «они давно кончились». «А на думских выборах в декабре их было 20». Заглядывая в глаза, председатель крепко пожал мне руку... Наблюдательница записывает «нарушение», хвалит мою «активную жизненную позицию» и спрашивает, как я отношусь к Теликову — он в парадной полковничьей форме стоит рядом. Вопрос странный! Я хвалю Вениамина Сергеевича, именую счастьем работать с подобным руководителем. Здесь большая доля истины, если вспомнить Алексина.

После третьего этажа наблюдательница, мужчина, ее сопровождающий, фотограф и участковый полицейский, всех троих охраняющий, удаляются. Уходит и начальство. И слава богу! На четвертом этаже лежали, пристегнутые наручниками к кроватям, Овцев (камера 498) — недавний самоубийца, Игнатцева (камера 495), Кралев (камера 496), Попкина (камера 499) — убила мужа и двоих детей. Последнюю держат в «оковах» не за наличие психопатологической симптоматики — ее нет, а «за прошлые заслуги», т. е. в связи с резонансностью дела в СМИ.

Во время голосования на втором и третьем этажах неменяемый больной Рыбкин Николай Вла-

димирович, 1966 г. рождения, прижавшись к окну камеры четвертого этажа, сложив руки рупором, срывающимся голосом призывал «братву» массово «вскрываться».

Ничего из этого «комиссия» не видела и не слышала. Проводив наблюдательницу до дверей (был и прибежавший ради выборов главврач), я поднялся на четвертый этаж уговорить аминазином Рыбкина, выбрать удовлетворяющий канал на телевизоре для прикованной Медеи Попкиной, пройтись, написать дневники.

Смотрю больного Бялко по его просьбе (третий этаж, 468-я камера). Предыдущая запись в его истории болезни моя же и датирована двумя месяцами ранее. Теперь я работаю на четвертом этаже во II-м отделении. Бялко — не мой. Получается: некоторых, если не многих, больных, кроме меня, другие врачи не смотрят.

Больной шизофреник Молния, ранее сломавший три унитаза (он называет себя Водолеем и так неловко «чинит»), засунул в рот провод кипятильника: «хотел проверить, есть ли ток». Всевидящий инспектор Алексей, работать с ним — удовольствие, предотвратил смерть. Он остановил руку Молнии с вилкой кипятильника у розетки.

05.03.12

Утром Теликов с похмелья. Сразу отпускает медиков, чтобы не диагностировали его состояние. Начальство гуляло всю ночь, отмечая окончание выборов. За главного кандидата проголосовало 80% подсудимых. Никаких фальсификаций не было. Со многими больными, имевшими пра-

во голоса, я на тему выборов беседовал. Женщины-преступницы называли его «стоящим мужем». Мужчины же меня спрашивали: «А за кого же еще?!» Подождем обещанной «президентской» амнистии.

Серой тенью, нагнув голову, проскочил в кабинет главврача Крабов. Затюканный процессом Магницкого, он выслуживается (словно на суде узнают и учтут): без предупреждения привел на Кошкин дом санэпидстанцию, составил позорящий акт и заставил наших медсестер делать уколы больным в процедурной, а не в коридоре, как все годы. Инспекторам это неудобно: приходится больных в процедурку водить. Сестры: «Знали б, что Крабов такую подлянку нам сделает, деньги с премий ему на адвоката не сдавали бы!»

09.03.12

Как водится, по-хамски, без звонка, объяснения причин, мне перенесли дежурство с 8 на 9 марта — хорошо, я заметил новый график 04.03. А ведь я забрал заявление об уходе по просьбе Гордеевой «ради женщин», чтобы никто из них не дежурил в праздник. Из мужчин-врачей — лишь я и начальник, Вражный — в отпуске (хотя Щегол так его «затыркал», что он выходит дежурить и в отпуск — «я КЗОТ на х... вертел», — помните?). Не удалось мне отдежурить «за женщин». 8 марта вышла Неприличная. Она намылилась ехать «на юбилей деда в Мордву». Чтобы «не разрывать праздники», сама вызвалась дежурить 8-го. Мое передвижение «без объяснения причин» напоминает мне, как я по аналогичным обстоятельствам

был не допущен фейс-контролем в клуб «Белый медведь», что на проспекте Мира.

Будучи по гороскопу Девой, и Девой весьма ответственной, прихожу на работу вместе с престарелой медсестрой Альбертиной Михайловной (40 лет в Кошкином доме) в 8 утра, а Наташи уже нет. Убежала на поезд за 1.5 часа до окончания дежурства. Ее счастье, что никто не «вскрылся», не умер, не повесился! Для Наташи же плохой прогностический признак вызываться дежурить в женский праздник — значит, у молодой девушки нет мужчины, с кем отметить.

За сутки «работы» Наташа не написала ни одного дневника, не посмотрела ни одного больного, оставила мне историю больного с выпиской 08.03 и резюме медсестры: написать эпикриз! Я не стал. Надо молодым девушкам, да еще столь не уважающим седины, выполнять изредка свои служебные обязанности. Вон сколько, подобных Бялко, несмотренных, нелеченых! Это не с ворами в законе «тереть» по поводу дозировки азалептина!

Примечательно: уходя, ключи от кабинета главврача Наташа оставила не мне, а инспектору Алексею. Мне не доверяют. Ну и пусть! Память моя никакому обыску не подлежит!

Вместо ключей Алексей протягивает мне серенькие листки: почитать о «заговоре жидов против России». Здесь и «Протоколы сионских мудрецов», и высказывания, приписываемые бывшему госсекретарю США З. Бжежинскому. Подобная литература в тюрьме популярна. «Узнаю», что нами давно и крепко правят евреи, если не напрямую, то через жен.

Едим с сестрами торт, отмечаем ушедшее 8 Марта. Принес я. От начальника, девушки, ничего не дождетесь: шеф хоть и «правильной» ориентации, но мизантропия, ненависть ко всему живому, кроме собственной личности, в нем сильнее.

Обсуждаем назначения Неприличной. Два дня назад она «влепила» Куропаткину 8 кубов аминазина внутривенно. Нейролептики внутривенно — ее почерк, садистски одобряемый главврачом-изувером. В какой Мордве научили ее этому? В каком институте? Одно понятно — явно не в Сорбонне.

После случая с Ласковым сестры боятся колоть высокие дозировки нейролептиков, да еще внутривенно (у Ласкового дозировка была допустимой). Сестры-курицы еще и перепутали назначение Наташи и вместо, как у нее написано, утром переписали в журнал назначений: вечером, т. е. на ночь. Если утром при возможном резком падении артериального давления все же присутствует персонал, способный попытаться помочь, то, что произойдет ночью, не знает никто. Не исключен наутро хладный труп. Не желая рисковать, медсестры не выполняют назначения Неприличной: делают не 8, а 4 или 2 куба аминазина, и не внутривенно, а внутримышечно, тогда снижающий давление эффект слабее. Аминазин — препарат вредный и больным (падение АД; язвы желудка при применении *per os*), но и персоналу — вредные пары (аллергические реакции). Когда я в 1984 году начинал работать в психиатрии, то уже знал, что аминазин запрещен во многих странах мира. У нас применяется до сих пор как дешевый, производимый отечественной промышленностью.

Не выполняя назначения Неприличной, медсестры в листе назначений ставят подписи: выполнено. Я: «Так она и по 16 кубов внутривенно станет назначать, увидев, что больной ничего». — «А вы начальнику скажите!» Поджимаю губы: начальнику — бесполезно. Ему чем больше зверства, тем лучше. Он Неприличную объявил третьим человеком в ПБ после себя и Гордеевой: «Возникает сложный вопрос — и днем и ночью звоните Наташе на мобильный!» Наташа, смеясь: «А я на ночь телефон выключу». — «Я тебе выключу!»

Любопытен другой вопрос, помимо Наташиных вливаний: они с начальником жестокими родились или их жизнь такими сделала? Для уверенного заключения мне не хватает анамнестических сведений. Все же к концу второго года руководством Кошкиным домом он сделался мягче. Но сколько волка ни корми... Неприличная — без изменений.

Сестры: в прошлую смену больной набросился на Альбертину Михайловну (почти 70-летняя старушка умеет обматерить). Инспекторы больного заломали, избили. Да я устал это описывать! Будни Кошкиного дома.

Савушкин Александр Леонидович, 1988 г. рождения, прикован в 466-й камере за «призыв к массовым беспорядкам». От долгого лежания (проблема с почками) у него наступает острая задержка мочи. Я вызываю скорую с дежурантом-урологом. Вызвать скорую, дожидаться ее приезда — часа два, и умереть можно. Савушкин дождался. Мочевой пузырь у подреберной дуги. А мы сделать ничего не могли: ни на Кошкином доме, ни на Сборке, ни в соматическом корпусе Бутырки нет

элементарной резиновой трубки для катетеризации мочевого пузыря. О, Магницкий, погрозим из гроба!

Уролог быстро выпускает мочу и живо интересуется судьбой майора милиции Евсюкова, открывшего стрельбу по людям из табельного пистолета в гипермаркете.

Замечаю, что сангвинику-эпикурейцу урологу очень хотелось бы, чтобы майор Евсюков у нас лежал. И приехал он не выпустить мочу Савушкину, а спросить про Евсюкова и поглядеть на Кошкин дом. Объясняю, что Евсюков признан вменяемым. Срок будет отбывать на «мусорской» зоне. А как он себя вел? Неясно понимая, о чем речь, в игру включается Альбертина Михайловна: «Тихий такой был!»

Урологу и его медсестре Альбертина Михайловна и инспектор Алексей позволили заглянуть в глазки двух ближних камер. «У нас хорошо». — «Замечательно!»

Уролог оформляет Савушкину экстренную госпитализацию в городской стационар или в Матросскую Тишину. Мы запрещаем Савушкину пить, чтобы он не наполнил мочевой пузырь до критического состояния снова. Снаружи, в камере теперь раскованного Савушкина, инспектор перекрывает водяной кран, лишая возможности напиться. Савушкин скулит под дверью от жажды. Его ни в какую больницу не вывозят — в смене мало сотрудников, «нет возможности сформировать конвой; пусть ждет утра — новой смены, может, там людей достаточно» (ДПНСИ).

Природа сотворила чудо: моча у Савушкина пошла. Ему разрешили пить. Я всегда говорил, что

в мои смены больные не умирают, потому что со мной дежурит «один парень из Галилеи».

Из менее значимого. В комнате, где сплю, рухнула оконная фрамуга. Ветер с улицы — холодрыга свирепая. Прошрое дежурство спал в таблеточной четвертого этажа. Сегодня на третьем этаже, где «спальня», окно отремонтировано. Зато исчезла кушетка: Гордеева эгоистично забрала к себе в кабинет на первый этаж. Спасибо заботливым ээкам! Притаскивают мне тюремную кровать, прежде выделенную врачу Теликову. Сплю с некоторым комфортом: на моих простынях сражающиеся кораблики, нарисованные каким-то душевнобольным, и писать по-прежнему приходится в баночку.

Утром со всеми прощаюсь, надеюсь, как врач — навсегда. Сестры и О.В. смотрят на меня со злобой завистью.

12.03.12

Поехал дублировать заявление об уходе (уже седьмое — Гордеева внаглую забирает их со стола Теликова: «Мы с А.В. проводим работу, чтобы он остался»). Маша из отдела кадров, как водится, «у начальника». Она всегда у начальника, только после трех часов ожидания видишь ее заходящую с улицы. Зато натыкаюсь на «двоих из ларца»: лысый начальник ОРЛС (отдел по работе с личным составом), помоложе — кучерявый, его зам — оба дагестанцы. В Бутырке служат много нацменов, особенно тюрьмы предпочитают, помимо дагестанцев, калмыки.

Орловцы протягивают мне факс из управления за подписью главного психиатра УФСИН Хрюно-

вой об объявлении мне строгого выговора с занесением в личное дело «в связи с неправильным ведением медицинской документации». Знаю истину: за Ласкового.

Замечание за снятие с суда Горбункова я получил 06.12.10, там тоже была формулировка «за неправильное ведение медицинской документации». Замечание действовало полгода, строгач на год лишает всех премий. Это при ежемесячной зарплате в 9 тысяч рублей! Гордеева как-то: «А.В., а вы не могли бы в школу рядом с вашим домом сходить, пригласить молодежь работать в Бутырке? Поклеить на столбах и заборах соответствующие объявления?» Дураков ищите? 130 вакансий. Телефон отдела кадров Бутырки работает лишь на трудоустройство, попробуйте дозвониться по поводу увольнения!

Шеф: «Я вас не отпускаю. Если бы я вами был бы недоволен, то давно уволил бы. Работайте, пока *не совершите чего-нибудь такого*, после чего мы бы вам сказали: **мы могли бы вас вообще**, но мы хорошие — пишите по собственному желанию».

ОРЛС меня не отпускает: «А вот еще ваша бывшая жена написала генералу Реймеру, что вы пьяный на свидания с ребенком приезжаете. Возможно, она наговаривает на вас, но, чтобы пресечь подобные наговоры, мы рекомендуем вам более не встречаться с дочерью». Далее они, подполковник и майор, объясняют мне «по законам гор», как у них в Дагестане... В общем, по-человечески: «Если надеетесь работать в Бутырке, откажитесь от встреч с четырехлетней дочерью. Жена вас видеть не будет и не сможет

судить, пьяны вы, с похмелья и т. д.». Честно говоря, мне обидно. Дочь я так люблю и страдаю от потери малышки, что, наверное, будь она наркоманкой, наркотики ей покупал бы! Лишь бы ей было хорошо.

Поигравшись пару месяцев, продюсер мою жену бросил. Потом у нее был один, еще один... После ТВ она трудоустроилась секретаршей в теплосеть города Королева. Опустилась: стала много курить. Что бросил любовник и потеряла работу на ТВ, в бессильной ярости обвиняла меня. Естественно, настраивала дочь против меня, предлагала ей соблазнительные для детского ума альтернативы в воскресенье наших встреч.

В предпоследний раз, когда я приехал для свидания с дочерью, я застал ее сидящей на ящике с пивом. В ящике отсутствовало три бутылки: к 10 утра выпили мама, ее кузен и брошенный тетей дядя... Я перестал приезжать.

Воздастся же тем судьям, которые от «плохих» отцов отдают детей матерям-бл...м. Судья: «Ваше заявление о передаче ребенка на воспитание — преждевременно». К месту станет, когда мать под забором начнет валяться? Дочь же, стартуя, закурит?

На обратной стороне другого факса расписываюсь, что беседа по поводу «сигнала» бывшей жены проведена. После семьи Бутырка отнимает у меня и ребенка.

С выговорами по шею, но нет ни Маши, ни медведей (т. е. зарплаты).

Захожу на Кошкин дом. Гордеева вызвала на беседу людоеда Колю (через него, когда повезут на суд, Савушкин угрожал передать «разоблачаю-

щие» ПБ материалы). Спрашивает: «Человечина на что похожа?» — «Как вам сказать?» Медсестра Альбертина Михайловна: «На оленину?» Людоед, оглядывая ветхую старушку: «Вот вас я бы не стал есть».

Чугунное лицо начальника оперчасти Бутырки Кравчука — полное выражение сущности тюрьмы. Снаружи — строгость, внутри — порок. К табакокурению мы привыкли, но вдумайтесь: все женщины-психиатры Кошкиного дома курят, сестры — две трети, женщины-инспектора — 99%. Мужчины-психиатры ПБ не курили и не курят (шеф постоянно бросает). Как же дамы у нас волнуются!

Нормально из Бутырки не уйдешь. Отправляю рапорт экстренной почтой.

16.03.12

Пытаюсь предать настоящий дневник гласности. Иду на юбилей (50 лет) влиятельного депутата в известном клубе. Юбиляр любит живопись, и ему последовательно вручают полотна. С более «скромными» подарками полярник, посол Австрии (женщина), послы африканских стран, актер Джигурда. Скульптор Церетели, естественно, с картиной. У Церетели журналист спрашивает: «Лучшая ли это картина?» Церетели: «Последняя».

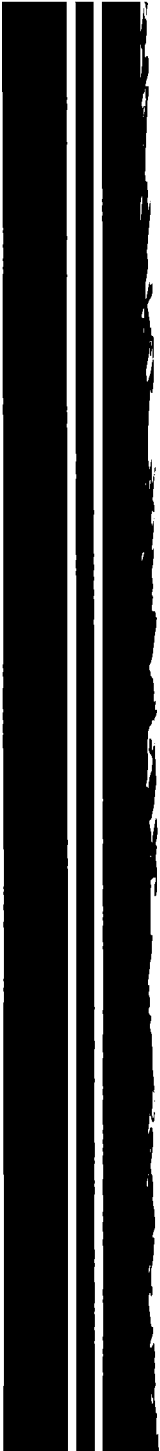
Когда юбиляр начинает петь с Кобзоном (21.10 — час и десять минут после начала вечеринки), захожу в мужской туалет. Двери не до пола. Из одной, благо закрытой кабинки, торчат четыре ноги: две мужские в полусапогах и две женские, голые. За-

хожу пописать в соседнюю кабинку. Из-за стены смачное ритмичное сопение.

Не успел вымыть руки, в туалет влетают четверо молодых мужчин (тридцатники). У меня: «Зажигалка есть?» — «Нет». Заработала своя.

Беру очередную рюмку «шиваса», возвращаюсь за стол, где, кроме меня, высоченная мисс Вселенная 2012 и вице-мисс прошлых годов.

Дневник депутату передать удалось в два часа ночи. Он бросил конверт с бумагами в пакет с какими-то бутылками и обещал почитать.

Часть V

КАТАМНЕЗ
(СОСТОЯНИЕ ПОСЛЕ ВЫПИСКИ):
ПСЕВДОНОВЬ

27.03.12

Я на больничном по поводу ОРВИ. С температурой 38 еду в Бутырку забрать санитарную книжку для новой работы. На входе встречаю Неприличную и мисс Вятку (Яркову). Обе ничего не знают про мое увольнение. До 16-ти (окончания рабочего дня) далеко, а они уже сваливают.

В ПБ Гордеева отбирает у меня ключи от трех кабинетов — установлены на мои деньги, слышу первые новости: за 15 дней три трупа (инфо: инспектор Алексей, позже подтвердил воспитатель, шмонавший на бутырском входе. Врачи молчат). Фабрика смерти бессердечных халтурщиков продолжает черную работу!

Знакомлюсь с новым психиатром (протезе родственника в управлении?). Внешне он похож и на меня, и на Грымова: солидный тяжеловес в седне. Его имя-отчество моментально вылетает у меня из головы. Более в Кошкином доме мне это не нужно. Этот человек заменит меня. Штат Кошкиного дома снова укомплектован полностью.

Иду в отдел кадров. Там подтверждают, что рапорт об увольнении через почту получен — един-

ственный способ уволиться из тюрьмы «по-хорошему». Для подстраховки по почте мною отправлены два рапорта.

Во дворе встречаю нашего главного эка-санитара Шишкина. Он пытается неловко лодочкой протянуть мне руку. В очередной раз повествует о статье «мошенничество», по которой «отбывает за сына». Будто бы скоро освободится. В лице Шишкина прощаюсь со всеми зэками Бутырки. Грустно. На душе кошки Кошкиного дома скребут.

Выхожу на плац перед административным корпусом. Сразу вижу Теликова в синей полковничьей форме с рацией в одной руке и коричневой сигаретой в другой. Рядом с ним неизвестный мне капитан, тоже в синей форме, тоже — с рацией, но без сигареты. Выглядывают белые парадные сорочки. Догадываюсь: это связано с открытием после ремонта терапевтического корпуса. Туда праздновать ушел не встретившийся мне в ПБ шеф, там же зачах Магницкий.

Здороваюсь с Теликовым. С большим расположением он мне отвечает. Ничего не могу поделать, но мне нравится этот человек — прошедший «горячие точки» верный служака, остается определить — служака чему.

— Не передумали?

— Нет. Рапорт уже и по почте пришел, — напоминаю, пытаюсь избавиться от задержки.

Теликов осторожно, вежливо уговаривает меня остаться. Рассказывает, как много сотрудники УФСИНа начнут получать с 2013 года: «Нас сравняют по зарплате с полицейскими». А вы не видели китайскую делегацию? Китайцы приезжали смотреть. В 2015 году Бутырку продадут китайцам.

Они будут сохранять архитектурный памятник тюрьмы, органично вплетая его в строения чайнатауна. Китайцы обещали! Вот тут, где вы, за этим столом сидели. Как ни крути, уходить мне не время.

Пытаюсь задать главный вопрос, зачем вообще служить, работать в Системе? Ну не из-за мизера же денег? Знаю, у него самого зарплата чуть больше тридцатника (одна тысяча долларов). Или служат оттого, что более никуда не берут? Что в школе плохо учились? Что не сложилась судьба? Ответа на этот вопрос я не дождался от инспекторов. Понятно, молодым врачихам и Алексину нужен плацдарм для зацепа в столице. Большинство дома в провинции говорит, что работает в больнице, стыдливо скрывая свою тайну, не уточняя, что в тюремной.

Провинциалы: «О! В Москве работаешь!» Брошенным одиноким, да пусть и не одиноким, медсестрам и инспекторам надо тянуть семьи, растить детей. В их населенных пунктах за сто и более километров от Москвы с работой каюк. У службы режима те же причины? Конечно. Вот почему подавляют приезжие. А идея? Есть ли идея? Теликов глубоко задумывается, закуривая вторую сигарету от скуренной первой. Какая идея, если у государства ее нет? Мы как корабли в темную ночь вне маяков и ориентиров. Живем, потому что, не спросив, родились. Плываем, потому что плывется. В детстве мечтали стать космонавтами, артистами, врачами, но не тюремщиками?

Теликов выпрямляется. Слышу, как хрустит его остов. «Ну вот вы работали в Системе и в восьмидесятых годах прошлого века, и сейчас. Связи в Думе у вас есть. Почему вам не стать депутатом?» —

«Мне, депутатом? От какой партии?» — «Партию подскажем... Нам нужен свой человек в Думе, в комитете по законодательству, который бы отстаивал Систему, ФСИН. Вы — идеальный человек. В возрасте, член Союза писателей, еще какой-то член... Три года ради написания книги, сбора материала проработали психиатром на Кошкином доме. Все три года дневники, *вместо больных*, своим коллегам писали... Можно сказать, подвиг разведчика... (Меня колет его язвительность.) Мы люди скромные, всю жизнь по тюрьмам и лагерям работаем. И не афишируем. Книжек ни хвalebных, ни ругательных не пишем. Изо дня в день, со смены в смену за маленькие деньги честно выполняем свой долг, если вам это понятно... А идея? Идея простая на все времена: *или мы, или они*... На том Россия стоит — вы уж извините за громкие слова... Рапорт на увольнение я вам подпишу. А о моих словах подумайте: имею в виду — продвижение в депутаты от Системы».

Что ж, начальник Бутырки Теликов заставляет себя уважать. Иду, чувствую за спиной его умный изучающий взгляд.

Вспоминаю первого своего тюремного руководителя, не изящного светского Теликова, а лягушачеподобного майора Давидова, возглавлявшего Дворянскую спецпсихбольницу с 1984 по 1985 год, возможно, и далее (я уехал). В кабинете Давидова тома сочинений Ленина стояли не по порядку, некоторые корешками внутрь, другие — «вниз головой». Как-то в году 1985-м на планерке Давидов очень удивился, что в стране перестройка, и не понимал, что она означает. Он был убежден: все это хитрый ход партии, дабы выявить злодеев и заса-

дить к нам в дурдом. Лягушка — жена Давидова, парторг и библиотекарь отсутствовавшей библиотеки, если не считать небрежно брошенных томов Ленина в кабинете мужа, физически и духовно была ему под стать. Огород им сажали зэки. Когда *правящая* пара шла летом на пляж, все офицеры и их семьи немедленно принимали почтительнейшее решение тоже немедленно омыться в местном Иордане.

Когда на территорию психбольницы выскочил душевнобольной с топором (в 1-м отделении ремонтировали полы, и ему удалось подсуетиться), майор Давидов, замполит и старший опер пошли навстречу с оружием. «Брось топор, и тебе ничего не будет! Даю слово коммуниста!» — громогласно предложил Давидов сумасшедшему, призывавшему прильнувших к окнам больных к массовому *кипешу*. Больной топор не бросил. Давидов разрядил в него ПМ. Вскоре, несмотря на отсутствие высшего образования, майор Давидов стал полковником, а на спеце некоторое время царила тишина. Пока (смотри выше про Краморову, часть первая) все равно не разразились массовые беспорядки с убийствами и калеченьем врачей и медсестер. Теликов — руководитель нового типа. Он с самого начала нашего рассказа полковник. Его тип реагирования на экстремальные ситуации — гляди про «бунт» в Бутырке, спровоцированный посадкой в карцер молодого кавказца-«апельсина».

30.03.12

Я на больничном по поводу ОРВИ, переходящем в обострение не первый год мучающего меня хронического бронхита. Обхожу специалистов 3-й

поликлиники МВД: диспансеризируюсь в связи с предстоящим увольнением. Врач-дерматолог советует мне мазать герпес поочередно зеленкой и подсолнечным маслом. Каковы зарплаты — тако- вы советы!

31.03.12

В жопу пьяный ебу раком инспекторшу Лесю (познакомились на юбилее Цветиковой). Леся, наравне со мной принявшая на грудь — вторая грудь удалена по поводу рака — бутылку водки, кричит благим матом: «Трахни меня, как суку! Выеби! Я — блять, меня все ебут!» Сорокадвух- летняя мать-одиночка из Калмыкии наговаривает на себя другие кощунственные слова. Я верю и не верю ей, знаю: после пятнадцати лет жизни в уфсиновском общежитии она — святая... Мои силы иссякают, а удовлетворить Лесю непросто: по тому же поводу у нее удалена шейка матки, поэтому пенис ей нужен особо длинный, не мой и не шефа. «Хуй!!!» — стонет она, кончая.

Я смотрю на Лесину уфсиновскую синюю форму, небрежно брошенную на диван.

Полнолуние, и синяя форма отликает жупелом. Мне кажется: я е... Систему. Жалкая капля способного к оплодотворению семени изливается из моих чресел. Я падаю подле Леси.

Хочу обнять ее грудь, но вспоминаю, что Леся из-за инвалидности этого не позволяет — на ней неснимаемый черный лифчик. Заразит ли она и на этот раз мою крайнюю плоть рецидивом герпеса, от которого лечусь в 3-й поликлинике МВД?

04.04.12

Снова в Кошкином доме. Главврач в голубой куртке и штанах хирурга со значением жмет мне руку и «учит», что завтра говорить следователю по возбужденному уголовному делу в связи со смертью Ласкового.

Иду в отдел кадров. Приказ о моем увольнении Теликовым до сих пор не подписан. Возвращаюсь в психушку. Главврач уговаривает меня остаться хотя бы на полставки. «А со следователем помните: главное — дух корпоративности!»

05.04.12

В 16.00 снова во Втором отделе прокуратуры по особо важным делам. Тот же молодой следователь, еще более притомленный, чем ранее. Повторяю показания. «Отчего же, по-вашему, умер Ласковый? Вопрос провокационный, не находите?» — «От пневмонии и ее осложнений».

Высказываю частное мнение, что Ласкового убила Система: халатность на всех уровнях медицинских учреждений УФСИНа. «А в «резинке» он сидел?» Такой информации у меня нет. Интересуется «резинками». Сообщаю, что «резинки» не выдуманы «злыми» психиатрами Кошкиного дома, они были заложены в архитектурный проект здания. С «резинками» Кошкин дом построили. «А вы в них заходили?» Еще бы! Смрад «резинок» гуляет со мной по миру. Говорю, что помещение больных в «резинки» унижает их человеческое достоинство (помните Элтона Трибасова с его истерикой против помещения душевнобольных даже в «стаканы»?).

Мент остается ментом. Следователь ловит меня на том, что Ласковый не состоял на учете в ПНД. Я этого не знал. Имеет ли это значение?

Неправильно записывает номер моей улицы: вместо 3-я — 13-я, вроде как я готов подписать неправильную информацию о себе, дабы скрыться от «правосудия». Я его неохотно поправляю. Неправильно записывает мой телефонный номер — не поправляю: он все равно знает правильный.

Далее следователь ксерит страницы моего паспорта, чтобы я не сбежал. Для него имеет большое значение, что я увольняюсь из Системы. Полагает, что Система отторгает меня, как виновного. Ему важно, что я разведен — нет смягчающих обстоятельств.

Притворно жмет мне руку: я знаю, тучи надо мной сгустились, и все будет зависеть от заключения «независимой» комиссии врачей.

Выйдя на весенний воздух, испытываю жгучее желание отнести дневник прямо сейчас на «Эхо Москвы» (весь допрос флешка с дневником лежала в моем драном портфеле).

09.04.12

Прихожу в Бутырку, чтобы дооформить увольнение. Получаю соответствующую запись в отделе кадров, после двухчасового ожидания Кати, которая всегда «у начальника». Мне правят ошибку, я больше не *психиатор*, а *психиатр*. В Кошкином доме по документам (трудовым книжкам, пропускам и т. д.) *психиаторы* и *тирапевты*.

В ПБ застаю Алексина, «трушого» с опером, чья фамилия на «о», о помещении кого-то с общего

корпуса в психбольницу не по медицинским, а *оперативным* соображениям. Скоро таких «больных» в ПБ станет процентов десять.

Шеф, главная медсестра Ашанова, зам — Гордеева и фельдшер Дымов выслушивают мой отчет о посещении следователя. Шеф всех в шутку называет «фигурантами по делу Ласкового». Успокаивает: «Я разговаривал со знакомым патологоанатомом — ничего нельзя доказать».

Ухожу. Новый седовласый доктор Бутсов коллет концом неразмотанной проволоки чей-то полутруп в коридоре прямо под образцом жалобы в Европейский суд по правам человека на стене. Не дожидаясь выяснения, жив человек или мертв, предоставляю доктора его работе.

Гербовую печать в трудовую так и не получил: главбух Бутырки вместо положенных 18 часов слиняла с работы в 17.00.

10.04.12

Главбуха нет и в 16.00. В бухгалтерии вообще нет гербовой печати! Ставлю ее в спецкасти. Готов рыдать от неопределенности своего будущего. Руководительнице бутырской расчетной группы тупорылой Афине Палладьевне (Ивановне) с ненавистью признаюсь в любви к тюрьме.

АПОЛОГИЯ. ПОЧЕМУ Я УШЕЛ

Перевод из I-го во II-е хроническое отделение лишил меня возможности вселять в больных пусть ложную надежду на пересмотр дела, полу-

чение в институте Сербского диагноза, освобождающего от уголовной ответственности, амнистию. Мой метод «горьковского Луки» спасал больше жизней, облегчал страдания, излечивал сильнее лекарств. Во II-м отделении все больные с диагнозами — обещать нечего. Система семи суточных дежурств в месяц не позволяет хорошо знать больных и как-то значительно влиять на их самочувствие.

В I-м отделении по договоренности с «авторитетами» во всех камерах были установлены почасовые дежурства самих больных, предотвращавших суициды. Во II-м отделении подобная практика стала невозможной, опять же из-за отсутствия рычагов *позитивных экспектаций*.

Я хотел быть честен перед собой: надоело! Сколько можно терять квалификацию в этом псевдомедицинском *отстойнике*?!

Мне кажется, что пройдут годы, и вот я, если только не посадят за «убийство» Ласкового, стану депутатом парламента и буду работать в комитете Госдумы по законодательству. И как-то в перерыве заседаний спущусь в буфет. Возьму кофе, отверну глаза во двор расслабить утомленное зрение. Кто-то тронет меня за рукав. Сначала вижу толстую человеческую лапу с наколкой перстня первохода на среднем пальце, далее — беззлобно улыбающееся лицо со сверлящими ледяными глазами:

— Доктор, вы меня не помните? Параноик Васюков, изобретатель уникальной беспилотной подводной лодки...

Мой взгляд панорамирует на его депутатский значок.

15.04.12

Мечты и страхи потом, а пока в светлый праздник Пасхи (так совпало) расщепляю «мойку», выщербливаю бритвенное лезвие. В точности повторяю, как видел не раз — это делают больные перед тем, как «вскрыться». Сажу в квартире на диване. Начинаю резать себе руки. Ужасно больно. Не хочется глубоко, а надо. Не хочу выпачкать ковер и бегу в ванную. Вид окровавленных предплечий пугает меня до омерзения. Плачу и режу, режу. Пилю руку. Мне нужен психопатологический анамнез: парасуицид, и я создаю его. Пусть теперь кто-нибудь докажет, что эту книгу писал вполне душевно здоровый человек. У меня и родной отец страдал маниакально-депрессивным психозом, а приемную мать мы частенько доставали из петли.

«Не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в период, относящийся к инкриминируемому деянию».

Мысль моя задерживается: верно ли, что я «вскрылся» сейчас? Что ни говори, а 7 мая — хороший день.

Одно успокаивает: если меня в Кошкин дом привезут для СПЭКа, то посадят в камеру для бывших сотрудников (б/с). Задираю голову вверх — красный замок тюрьмы высоко вздымает круглые стены. Остается дописать, что все фамильные похождения в этой книге случайны. Кошкиного дома совсем нет. Сразу за «Пугачевкой» — серо-желтый пятиэтажный Кошкин дом, оплетен колючей про-

волокой, увенчан козырьком грязного прогулочного дворика. Уношу в себе, не могу расстаться с тобою! Ой, как же засранной «резинкой» дынуло! Уши же забило «Полетом валькирии», мелодией вызова, столь популярной в уфсиновских мобильных.

20.04.12

День рождения моих племянников. На новой работе. Сажу у первого зама главврача. Скользящий, очкастый дядька, лет под пятьдесят пять. Перед ним моя трудовая книжка. Изучает. Входит главврач, ровесник зама. Лицо с портрета Дорриана Грея перед его уничтожением. Смотрит робко, не садится. Зам главврача главному врачу с раздраженным повелением:

— Ну чего вы там мнетесь? Садитесь бы уж, что ли? — Главный врач садится на край потертого стула, ближнего к двери.

Не удивляюсь. Психушка — она везде психушка.

Вечером того же дня

Я купил водки, а инспектор Алексей, мой старый конфидант, припер из Бутырки двух телок. Одна — Леся, вторая — Оксана. У Оксаны ангиома больше ладони над правым глазом. Она кокетливо прикрывает ее челкой крашенных рыжих волос. Ангиома даже идет ей, подчеркивает индивидуальность. Обе «молодые» матери пьют и курят как лошади. Мы с Алексеем не отстаем. Не

рискую взять себе Лесю. Она достается Алексею. Хотя, будучи старшим по возрасту, имею право выбора.

Я ебу Оксану на скрипящей полутороспалке, Алексей прет Лесю на диване. Обе бабы заводятся. Мой разум отлетает: ебу Оксану живую или мертвую? А ебал ли я ее мертвую? Нас с Алексеем и Лесей разделяет стол с недопитой водкой и закуской из пельменей и консервированных огурцов. Вижу взлетающую Лесину жопу. Знаю: она член как бы растирает. Герпес?

Без штанов и трусов, в сорочке, я дик. Оксана требует снять сорочку. Для начала я просто задираю сорочку, чтобы соприкасались мокрые животы — возбуждает. Но Оксана хочет, чтобы я полностью разделся. Расстегивает сорочку. Видит бинты, через которые проступают мои окровавленные движением самопорезы: двадцать пять на левой руке и — двадцать шесть на правой. На правом предплечье шрамы глубже — левой рукой сложнее было рассчитать силу, когда резался.

«Что это?» — без особого потрясения спрашивает Оксана, не переставая работать тазом. С дивана на меня смотрят еще четыре глаза.

«С кем поведешься — от того и наберешься!» — пытаюсь отделаться шуткой, одновременно подразумевая душевнобольных, медперсонал и инспекторов.

Пьем дальше. Инспектора говорят, что в тюрьме ходят слухи, будто бы я был знаком с уволенной за телефон главной медсестрой Сидоренко еще до моего поступления психиатром на Кошкин дом. Будто бы первого ребенка она родила от

прежнего начальника тюрьмы, а второго — уже от меня. Чего в тюрьме еще придумают?

Утром следующего дня. Гуляю с дочкой (мне еще ее дают!). Она спрашивает: «Папа, а дети умирают во сне?» — «Нет, — отвечаю, — дети во сне не умирают. А почему это тебе интересно?» — «Мама сказала: «Хорошо бы умереть во сне, без мучений», — ответил мне маленький ребенок. «Мама права», — вздыхаю я.

У

253

Ч

С о д е р ж а н и е

ПРОЛОГ

8

ЧАСТЬ I

Жалобы и наследственность

12

ЧАСТЬ II

Anamnesis vitae (история жизни)

75

ЧАСТЬ III

Anamnesis morbi (история болезни)

128

ЧАСТЬ IV

Психстатус

190

ЧАСТЬ V

Катамнез (состояние после выписки): псевдоновъ

240

Литературно-художественное издание

Для возрастной категории 16+

Филатов Александр Валентинович

**СПИСОК МАГНИЦКОГО,
ИЛИ ДЕТИ ВО СНЕ НЕ УМИРАЮТ...**

Роман

Издается в авторской редакции

Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать 23.10.2012.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 10,22.

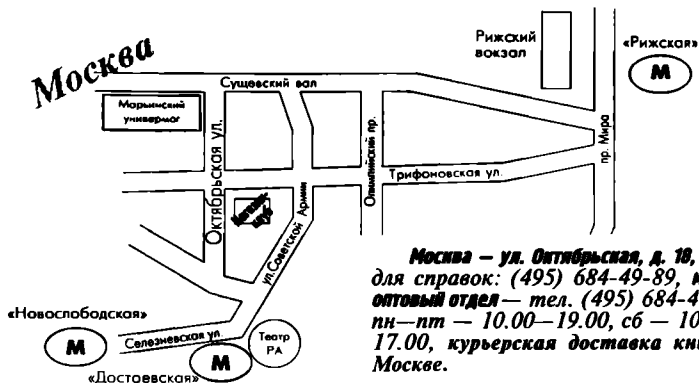
Тираж 4 000 экз. Заказ № 4212039

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

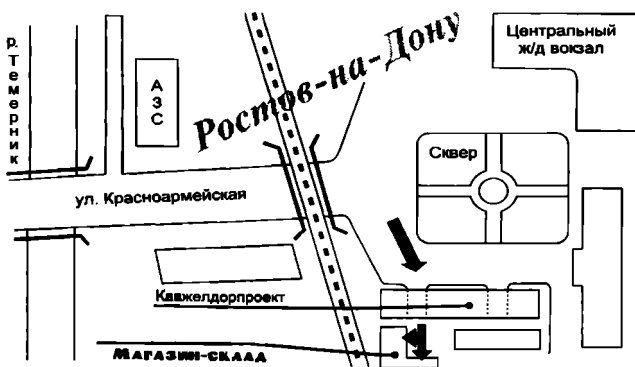
Отпечатано с готовых файлов заказчика в филиале
«НИЖПОЛИГРАФ» ОАО «Первая Образцовая типография»
603950, г.Нижний Новгород, ГСП - 123, ул. Варварская, 32.

Фирменные магазины «Издательства Центрполиграф»

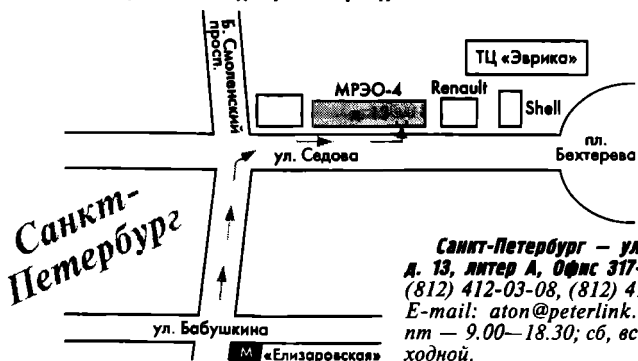

Москва – ул. Октябрьская, д. 18, тел. для справок: (495) 684-49-89, мелкооптовый отдел – тел. (495) 684-49-68; пн–пт – 10.00–19.00, сб – 10.00–17.00, курьерская доставка книг по Москве.

Ростов-на-Дону – Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн–пт – 9.00–18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО «АТОН»

Санкт-Петербург – ул. Седова, д. 13, литер А, Офис 317-А, тел.: (812) 412-03-08, (812) 412-79-13. E-mail: aton@peterlink.ru. Пн–пт – 9.00–18.30; сб, вскр – выходной.

СИСОК МАГНИЦКОГО

или дети во сне
не умирают...

Филатов Александр Валентинович, общественный деятель, литератор. Родился в 1967 г. в Москве. Закончил Московский институт инженеров транспорта (МИИТ). С 1993 по 1999 г. был депутатом Государственной думы России. С 2000 г. работает в различных общественных и научных организациях.

**Роман-откровение
Жестокая правда о нравах Бутырки.**

Главный герой, врач-психиатр больницы Бутырского СИЗО, описывает больных и коллег, фиксирует эпизоды повседневной жизни в камерах и медкабинетах, где соседствуют отчаяние и преступное равнодушие, лицемерие и неприкрытый порок. Действие разворачивается как раз в тот период, когда достоянием общественности становится ряд трагических инцидентов со смертью подследственных в столичных изоляторах.

Читателя привлекут необычная яркая стилистика, творческие находки, обогатившие художественную ткань произведения, подлинные детали тюремного быта, создающие в романе ощущение достоверности происходящего.

ЦЕНТРОЛИГРАФ

ISBN 978-5-227-04082-4

9 785227 040824